

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

1797

К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ ПОЛИТОЛОГИИ
РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

**Сборник материалов
научно-практической конференции
(11–13 апреля 2019 г.)**

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2020

ББК 304я73-2

Г12

Под общей редакцией доктора политических наук
заведующей кафедрой политологии
Л. А. Гайнутдиновой

Редколлегия:
канд. полит. наук, доцент *С. В. Смаль*
ст. преподаватель *М. С. Русских*

Организационно-техническая редакция:
мл. научный сотрудник *В. Д. Романов*

Г12 **Герценовские чтения — 2019:** Актуальные вопросы политического знания: сборник материалов научно-практической конференции (11–13 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Л. А. Гайнутдиновой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 164 с.

ISBN 978-5-8064-2866-1

Ежегодный сборник «Герценовские чтения — 2019: Актуальные вопросы политического знания» посвящен 20-летию юбилею создания кафедры политологии на факультете истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и включает в себя материалы научно-практической конференции, которая состоялась 11–13 апреля 2019 года.

ББК 304я73-2

ISBN 978-5-8064-2866-1

© Авторы статей, 2020
© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2020
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гайнутдинова Л. А.</i> Политологическое образование в современной России на примере деятельности кафедры политологии РГПУ им. А. И. Герцена: к 20-летию создания кафедры	6
---	---

РАЗДЕЛ I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Волкова А. В.</i> Сетевая гражданская активность: вызовы цифровизации	18
<i>Вульфович Р. М.</i> Перспективы использования политического знания в подготовке государственных служащих	24
<i>Гайнутдинов Р. И., Гайнутдинова Л. А.</i> Принцип разделения властей Ш. Монтескье как основа построения либеральных теорий государства	29
<i>Грибанова Г. И.</i> Местная демократия в условиях трансформирующихся политических режимов: проблемы и перспективы	34
<i>Зызин П. Д., Смаль С. В.</i> Государственная политика в сфере военного (кадетского) образования: исторические и социальные аспекты	39
<i>Кетов А. Р.</i> Новые механизмы формирования общественного мнения: конфликтотенный потенциал политики постправды	44
<i>Клещенко Л. Л.</i> Организованная преступность в Мексике и Сальвадоре	49
<i>Пашковский Е. А.</i> Электоральная география выборов Президента Украины 2019 по итогам 1-го тура	54
<i>Попова О. В.</i> Развитие цифрового управления в России: дисфункции общественного мнения	57
<i>Рябова Т. Б., Панкратова Е. В.</i> Кинообразы Холодной войны глазами современных россиян: случай «Доктора Стрейнджлава» (по материалам фокус-групп)	67
<i>Скоробогатько А. В.</i> Политическая аксиология и её роль в глобальном социально-политическом управлении	71
<i>Смаль С. В.</i> Особенности социального обеспечения и социальной защиты: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Ленинградской области	77

<i>Фролова Ю. Н.</i> Современный этап эволюции баскского сепаратизма в Испании	82
РАЗДЕЛ II. ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	88
<i>Баракат Кайс А. М.</i> Проблема политического управления в Государстве Палестина	88
<i>Буздыханова С. Ю.</i> Эффективность губернаторской власти в Белгородской области	92
<i>Егоров Н. А.</i> Политическое влияние IT-корпораций в США: факторы увеличения финансирования лоббистских инициатив в 2018 году	97
<i>Крылова М. А.</i> Ресурсы политической партии в период избирательной кампании	100
<i>Морайта И. А.</i> Суверенитет Аргентины над Мальвинскими островами: история длительного международного конфликта ...	104
<i>Пашкин В. С.</i> Современное информационное сопровождение государственной политики в России (на примере политических телешоу)	108
<i>Романов В. Д.</i> Анализ праздников и памятных дат в рамках исследований памяти и досуга	113
<i>Рыбалов М. В.</i> Основные векторы внешнеполитической деятельности ФРГ в контексте ЕС	115
<i>Седова А. А.</i> Факторы возникновения этнополитического экстремизма в современной России	120
<i>Степовенко Е. М.</i> Символическая репрезентация политических партий Российской Федерации и Грузии в онлайн-пространстве (на примере официальных сайтов политических партий)	123
<i>Титов К. С.</i> Трансформация политических функций аналитических центров США	127
<i>Усенко М. Ю., Куртаметова Д. Ш.</i> Цифровизация российской власти. Как меняется риторика и лексика дипломата при использовании социальных сетей? (на основе анализа речей М. Захаровой)	130
<i>Федоров А. С.</i> Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации в государственных документах стратегического планирования	133
<i>Шейман В. В.</i> Историческая составляющая образа города в политике городской идентичности (на примере Санкт-Петербурга)	137

III. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	140
<i>Гайнутдинова Л. А., Невзоров М. В., Русских М. С.</i> Разработка проекта примерной основной образовательной программы (направление подготовки (специальность) «41.04.04 — Политология» (магистратура), профиль «Государственная политика и управление»)	140
<i>Невзоров М. В.</i> Операционализация понятия «образовательная технология» на примере преподавания политологических дисциплин	145
Abstracts and keywords	153
Сведения об авторах	161

**ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ ПОЛИТОЛОГИИ
РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА:
К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ**

Аннотация. Политологическое образование в современной России как самостоятельное направление существует уже около 30 лет. Статья посвящена анализу процесса реализации и встраивания этого направления в систему российского университетского образования на примере 20-летней деятельности кафедры политологии РГПУ им. А. И. Герцена.

Ключевые слова: политическая наука, политология, институционализация политологии, политологическое образование, кафедра политологии РГПУ им. А. И. Герцена.

Началом процесса институционализации политологии как учебной дисциплины принято считать постановление ГКНТ СССР от 4 ноября 1988 г. за № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», в котором были обозначены специальности по политическим наукам. По приказу ВАК при СМ СССР за № 1 от 25 января 1989 г. номенклатура, утвержденная ГКНТ, была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров. Данные нормативные документы привели к созданию инфраструктуры, способствующей развитию в России политической науки и системы политологического образования в целом. В 1989 г. в Ленинградском государственном университете (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) была создана первая в стране кафедра политологии. В следующем 1990 г. появился первый экспертный совет ВАК по политическим наукам, что проложило путь к появлению специализированных диссертационных советов по политологии [1, 13]. На сегодняшний день в стране уже работает огромное количество докторов и кандидатов политических наук. Однако предметное поле политологии этим не

ограничивается, так как здесь активно проявляют себя и специалисты, получившие ученые степени по другим научным направлениям (философы, социологи, юристы, историки, конфликтологи, журналисты, экономисты и др.). Постепенно в вузах России стала преподаваться учебная дисциплина «Политология» и начался процесс создания кафедр, отделений, а затем и факультетов политологии в высших учебных заведениях [2, 652].

В январе 1991 г. увидел свет первый номер журнала «Политические исследования» (ПОЛИС) — специализированного журнала по политологии. Позднее к нему присоединились журналы «Полития», «Космополис», «Власть» и др. (в том числе — и специализированные журналы ведущих университетов). В стране в официальном порядке утверждается список научных журналов, рекомендованных ВАК РФ. Координатором политологических исследований и разработок в стране выступает ряд организаций и объединений. Следует отметить роль Российской ассоциации политической науки (РАПН), возникшей в 1991 г. РАПН систематически организует научно-теоретические конференции, методологические семинары, круглые столы (в том числе с помощью интернет-ресурсов), оказывает содействие работе региональных отделений, осуществляет издательскую деятельность. РАПН является членом Международной политологической ассоциации и представлена в ее структурах. Все более заметную роль в России начинает играть Академия политической науки (АПН), начавшая свою деятельность с 1995 г. Приступил к работе и Совет по политологии при Президиуме РАН [1, 14].

Следует отметить, что политологическое образование занимает одно из важнейших мест в системе формирования политической культуры любой страны. Можно выделить много направлений политологического образования, но остановимся лишь на некоторых:

1) подготовка специалистов политологов, т. е. профессиональных исследователей и технологов в политической сфере, предполагающей углубление интеграции в международное политологическое образование;

2) дифференцированное политологическое образование не-политологов, так как задача современной политической науки как учебной дисциплины — содействовать проникновению в общественное сознание знаний и представлений о путях развития современной цивилизации, институтов и процессов, происходящих как в со-

временном мире, так и в России. Это направление призвано формировать профессионально подготовленных специалистов в области политики;

3) очень важным представляется политологическое просвещение представителей общественных, политических, государственных, муниципальных структур и политическое просвещение населения. Этот образовательный вектор направлен на ликвидацию политической безграмотности и формирование современного представления о политике, способствующей развитию гражданской политической культуры, в основе которой лежит активное политическое действие гражданина в рамках правового поля.

Сегодня политологи России активно разрабатывают широкий круг вопросов по осмыслению специфических черт политической среды и «человека политического», их влияния на развитие общества и его отдельных компонентов. Чрезвычайно актуальны вопросы анализа основных тенденций современного мирового политического процесса и перспектив глобальных социально-политических изменений, совершенствования понятийно-категориального аппарата и методологического инструментария политической науки, а также вопросы развития технологий и техники эмпирических политических исследований, способов и методов политической мобилизации. Можно утверждать, что политическая наука находится в процессе формирования нового исследовательского поля, в поисках адекватной методологии исследования: с одной стороны, меняются тематика и направления исследований, связанные с изменением расстановки сил в мировой политике, трансформацией ролей, на которые претендуют те или иные страны; с другой — требуют нового прочтения содержание и базовые характеристики национального самосознания граждан, цивилизационный код и его влияние на конфигурацию современного мира. Политическая наука, являясь фундаментом государственной политики, должна существенно переосмыслить свое предметное поле, активнее проявлять себя в междисциплинарных направлениях научного знания и практической политики [3, 17]. Поэтому значительное место в современных политологических исследованиях занимают вопросы, связанные с российской проблематикой: особенности отечественной политической традиции, история политической мысли, социокультурных оснований политического процесса в стране, особенности взаимодействия государства и общества, власти и бизнеса и др.

Конечно, сегодня стоит вопрос о практической политологии в России, ведь наступает время профессионалов, когда дилетантизм 90-х гг. уходит в прошлое. Стране нужны политологи-референты, политологи-консультанты, политологи-эксперты, что заставляет включать в учебные планы изучение современных политических технологий: методы разработки сценариев политического развития, методы политического анализа и прогнозирования, технологии избирательной кампании, методы расчета политических рисков и т. д., т. е. политология стремится включить в себя мощную инструментальную составляющую. Однако логика развития политического знания показывает, что нельзя просто заменить теоретическую политологию прикладными ее аспектами: ставка только на политические технологии неизбежно обернется профессиональным крахом. Поэтому современная модель подготовки политолога требует оптимизации не только институциональной и социокультурной парадигм в политической науке, но и ее теоретической и инструментальной сторон.

Приобретаемые политологами аналитические и управленческие навыки востребованы не только в сфере практической политики и государственного управления, но вполне приложимы и к сфере бизнеса: сюда идет около трети всех выпускников, специализировавшихся по политологии. Многие журналисты и радиокомментаторы имеют эту профилирующую специализацию. И, безусловно, традиционной карьерой для выпускников остается преподавательская деятельность. В связи с этим учебные планы кафедр политологии, и нашей в том числе, наряду с изучением истории, философии, социологии, компьютерных наук и большого объема иностранного языка, включаются такие дисциплины, как «Современная российская политика», «Инновационная политика», «Государственно-частное партнерство», «Экологическая политология», «Экономическая политология», «Цифровая политика», «Политическая психология», «Проектное управление» и др.

**КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ:
К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ**

Реализация образовательной программы «Политология» в РГПУ им. А. И. Герцена началась с 1992 г. в рамках кафедры социологии. Как самостоятельное структурное подразделение кафедра политоло-

логии была образована в 1999 г. Таким образом, в этом году мы отмечаем 20-летие нашей кафедры.

Основателем и первой заведующей кафедрой политологии в период с 1999 по 2002 г. была доктор философских наук, профессор Сморгунова Валентина Юрьевна (в настоящее время — декан юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена).

С 2002 по 2016 г. заведующей кафедрой работала доктор социальных наук, профессор Грибанова Галина Исааковна (в настоящее время — заведующая кафедрой международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета).

С 2016 — по настоящее время руководство кафедрой осуществляется доктором политических наук, доцентом Гайнутдиновой Людмилой Александровной.

Среди известных преподавателей кафедры, работающих в разные периоды ее существования можно отметить д-ра филос. наук, проф. Сморгунова Л. В., д-ра полит. наук, проф. Попову О. В., д-ра полит. наук, проф. Вульфович Р. М., д-ра соц. наук, проф. Исаева Б. А., д-ра соц. наук, проф. Семёнова В. А., д-ра полит. наук, проф. Милецкого В. П., д-ра соц. наук Зарубина В. Г., канд. соц. наук, доц. Волкова А. Л., канд. филос. наук, доц. Хренова А. Е. и др.

Много лет на факультете социальных наук активно работал Диссертационный совет по политическим наукам, возглавляемый доктором философских наук, профессором Сморгуновой В. Ю.

В течение 20-летнего периода кафедра подготовила более 500 специалистов-политологов. Среди известных выпускников кафедры: Волкова А. В., д-р полит. наук, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; Гудулова Г. О., пресс-секретарь Северо-Западного межрегионального Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзора); Курочкин А. В., д-р полит. наук, и. о. декана факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; Мартынов Д. С., канд. полит. наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, депутат муниципального образования муниципальный округ Автово; Наумов С. А., канд. полит. наук, доцент кафедры международ-

ных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; Севостьянов А. С., начальник информационно-аналитического отдела Комитета по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга; Балаян А. А., канд. полит. наук, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге; Томин Л. В., канд. полит. наук, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; среди них также и сотрудники кафедры политологии РГПУ им. А. И. Герцена Смаль С. В., канд. полит. наук, доцент; Невзоров М. В., кандидат полит. наук, доцент и др.

В данный момент на нашей кафедре работают 3 доктора наук (1 — доктор политических наук, 1 — социологических, 1 — философских), из них 2 — в должности профессора кафедры; 6 кандидатов политических наук, из них 2 — в должности доцента кафедры, 1 — в должности старшего преподавателя, 1 — в должности ассистента, 2 — на условиях гражданско-правового договора (один из которых является депутатом и руководителем фракции Законодательного собрания Санкт-Петербурга, другой — депутатом ОМСУ «Автово»). Также на кафедре работают 2 магистра политологии в качестве старших преподавателей, которые готовятся к защите кандидатских диссертаций по политическим наукам.

В 2018/19 учебном году кафедрой осуществлялась реализация следующих образовательных программ: «41.03.01 — Зарубежное регионоведение» (уровень бакалавриата); «41.03.04 — Политология» (уровень бакалавриата); «41.04.04 — Политология» (магистерская программа «Государственная политика и управление»); «41.06.01 — Политические науки и регионоведение» (аспирантура, 2 профиля: «Политические науки, процессы и технологии» и «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»).

Весь период своей деятельности кафедра политологии привлекала абитуриентов из Санкт-Петербурга и других городов России. Нашими студентами становятся выпускники школ и колледжей из городов Сибири, Дальнего Востока, Центральной и Южной России, Крайнего Севера, Поволжья и др. Учитывая то, что на наше направление выделяется мало бюджетных мест (4 или 5), конкурс по направлению «41.03.04 — Политология» (уровень бакалавриата) всегда один из самых высоких в нашем университете. Это говорит

о возрастающем интересе в обществе к политологии и специальностям, связанным с политическими науками. Большой конкурс позволяет сформировать группу I курса (уровень бакалавриата) на основании отбора абитуриентов с достаточно высоким баллом ЕГЭ, что, несомненно, создает положительную конкурентную атмосферу в группе в процессе дальнейшего обучения.

Большое внимание кафедра уделяет внешним контактам и взаимодействию с работодателями. В соответствии с требованиями и рекомендациями ФГОС ВО (третьего поколения) нашими базовыми партнерами, предоставляющими возможность прохождения производственных практик студентами и аспирантами кафедры, являются: Комитет по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга, Департамент Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Северо-Западному федеральному округу, местная администрация муниципального образования муниципальный округ Автово, Северо-Западный центр трансфера технологий (входит в систему наноцентров АО «РОСНАНО»), Центральное местное (районное) отделение партии «Единая Россия», Санкт-Петербургское городское отделение Коммунистической партии Российской Федерации, Санкт-Петербургское региональное отделение партии «Яблоко» и др.

В 2019 г. в рамках государственной аккредитации РГПУ им. А. И. Герцена кафедра успешно прошла аттестацию: все образовательные программы аккредитованы до 2024 г. включительно. Сотрудниками кафедры были подготовлены и загружены в электронную информационно-образовательную среду Университета («Акродис») более 900 рабочих программ дисциплин по всем направлениям подготовки.

Кафедра тесно взаимодействует с ФУМО по УГСН «41.00.00 — Политические науки и регионоведение», в частности: в 2018 г. была разработана примерная основная образовательная программа (ПООП) по направлению подготовки «41.04.04 — Политология» (магистерская программа «Государственная политика и управление») в соответствии с ФГОС ВО (3++); в 2019 г. разработан новый учебный план по направлению подготовки «41.03.04 — Политология» (уровень бакалавриата) с учетом рекомендаций ФУМО и требований ФГОС ВО (3++).

Активная научно-исследовательская деятельность членов кафедры проявляется в постоянном повышении персональных наукометрических показателей.

Одним из приоритетных научно-исследовательских направлений является теория гражданского общества и практика его формирования, проблемы социального государства в России, а также в странах Латинской Америки. В частности, кафедра организует работу круглого стола на Международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность» (1–3 октября 2019 г., факультет международных отношений СПбГУ).

Другое направление — исследование современной городской политики, результаты которого представляются и обсуждаются на дискуссионных площадках Ежегодной межвузовской научно-практической конференции «Город. Среда. Политика» (в декабре 2019 г. РГПУ им. А. И. Герцена будет проводиться уже IV Конференция с выпуском сборника статей и материалов конференции).

Кроме того, кафедрой политологии проводится Ежегодная политологическая конференция «Герценовские чтения. Актуальные вопросы политического знания» (следующая конференция — апрель 2020 г. РГПУ им. А. И. Герцена), в рамках которой поднимаются наиболее актуальные темы текущего периода. По результатам конференции публикуется сборник.

Сотрудники кафедры в качестве докладчиков участвуют в различных научных мероприятиях. Например, в 2018 г. сотрудники приняли участие в ряде международных, всероссийских и региональных конференций, съездов и форумов: Восьмой всероссийский конгресс политологов РАПН (Москва, Гайнутдинова Л. А.); VI Международный форум «Евразийская экономическая перспектива» (Санкт-Петербург, Гайнутдинова Л. А.); Межвузовские дебаты «Фундаментальные принципы демократии в государствах — участниках МПА СНГ: универсальные или уникальные?» (Санкт-Петербург, Гайнутдинова Л. А. — член жюри, Пашковский Е. А., Смаль С. В. в качестве экспертов); «Literature/Film Association Conference» (США, Новый Орлеан, Рябова Т. Б.); «50th Annual ASEES Convention» (США, Бостон, Рябова Т. Б.); «Кинообразы советского и американского врага в символической политике Холодной войны» (Санкт-Петербург, Рябова Т. Б.); «“Глобальный Юг” в полицентричном миропорядке» (Москва, Клещенко Л. Л.); «Коммуникационный Балтийский Форум» (Санкт-Петербург, Смаль С. В.); «Таможенная и пограничная политика в культурно-коммуникационном контексте: история и современность» (Санкт-Петербург, Рябова Т. Б., Смаль С. В.); «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Санкт-Петербург, Рябова Т. Б., Смаль С. В.); «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Санкт-Петербург, Рябова Т. Б., Смаль С. В.).

менность» (Санкт-Петербург, Русских М. С., Смаль С. В., Пашковский Е. А.) и др.

Кафедра активно участвует в грантовых конкурсах: за 2018/19 учебный год было подано 4 заявки на участие в конкурсе РФФИ, одна из которых победила в конкурсе на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимом РФФИ совместно с АНО ЭИСИ, и получила финансовую поддержку (19–011–31711 «Символ детства в политической мобилизации в современной России» (руководитель — д-р соц. наук, проф. Рябова Т. Б., исполнители — канд. полит. наук, ст. преп. Клещенко Л. Л. и ст. преп. Пашковский Е. А.)), что закрепляет развитие нового научно-исследовательского направления кафедры, углубляя профильные направления нашего университета.

Сегодня преподаватели кафедры востребованы в качестве специалистов в процессе осуществления экспертно-аналитического сопровождения деятельности различных структур законодательной и исполнительной ветвей власти; в качестве оппонентов при защите магистерских, кандидатских и докторских диссертаций; при подготовке отзывов ведущей организации. Сотрудники кафедры профессионально и оперативно выполняют различного уровня задания работодателей, руководства университета и структурных подразделений Правительства Санкт-Петербурга.

Таким образом, кафедра политологии РГПУ им. А. И. Герцена демонстрирует высокий образовательный, научно-исследовательский и экспертный потенциал. Однако наш потенциал используется далеко не в полном объеме: одни факультеты заказывают и предлагают своим студентам курс политологии в качестве селективного; другие не заказывают его вообще. На наш взгляд, курс политологии должен быть рекомендован решением Ученого совета нашего университета в качестве обязательного для всех факультетов, учитывая то, что выпускники почти всех факультетов становятся профессиональными преподавателями школ, колледжей и даже высших учебных заведений или сотрудниками системы государственного управления. При этом необходимо усилить курс элементами сравнительной политологии, включением в него наиболее актуальных и дискуссионных вопросов прав и обязанностей человека и гражданина, вопросами современной мировой политики, особенностями российской политики и т. д. Например, политическое и гражданское образование в США начинается со школьной скамьи и имеет ярко

выраженный практический характер: оно направлено на формирование четкой политической позиции и заинтересованности в активном восприятии политологических дисциплин на более высоких уровнях образования.

Надо помнить, что старшеклассники и студенты всегда были, а сегодня особенно, наиболее активным слоем общества. Мы становимся свидетелями проводившихся в последние годы несанкционированных массовых политических акций, в которых высока степень участия школьников и студентов младших курсов, плохо ориентирующихся в политических проектах различных политических сил и целях, которые эти силы преследуют. В связи с этим рабочие программы политологических дисциплин, преподаваемых в нашем университете, должны включать тематику политического устройства страны, специфику социокультурных особенностей российского политического процесса и напрямую конвертировать эти знания в отечественные образовательные проекты различного уровня и направления.

С учетом государственных интересов и основных положений Закона «Об образовании в РФ» политологическое образование сориентировано на самоопределение личности, создание условий для ее самореализации, на развитие гражданского общества и формирование правового государства. Такое образование призвано обеспечить у студентов формирование адекватной современному уровню знаний научной картины мира, содействовать формированию гражданской зрелости и правовой культуры, способствовать интеграционным процессам в мировом и национальном масштабе. Так, по мнению Р. Инглхарта [4] и Р. Патнэма [5], на основании проведенного ими сравнительного анализа большого числа современных промышленных и постиндустриальных стран, без граждан, имеющих четкое представление о гражданских ценностях, существовании мобилизующих население организаций, способных поддерживать процесс формирования таких ценностей, как гражданская активность и демократические принципы, участие в политической жизни просто невозможно. Результаты их работы показывают, что в России институциональные изменения в общественной и политической жизни не могут самостоятельно, сами по себе, изменить негативное отношение населения к политике и политикам. Для того чтобы перемены произошли, необходимо, чтобы граждане получали образование в атмосфере, прививающей ценности гражданской

активности и правовой культуры, а также принципы этнического и конфессионального равенства. Преподаватели кафедры обладают достаточным опытом и навыками по применению таких педагогических средств и организации таких видов деятельности, которые призваны обеспечить формирование у студентов реального гражданского опыта, в частности, опыта коллективного взаимодействия, лидерства, социального выбора, творчества и самоорганизации. В наши учебные планы включены дисциплины, направленные на развитие субъектной позиции студентов в процессе обучения, внедрение новых форм организации учебного процесса (вариативные курсы, разработка проекта, дискуссии, дебаты и т. п.), а также оптимизации внеучебной деятельности на основе студенческого самоуправления (СНО), внеучебное взаимодействие студентов и преподавателей, развивающее навыки разновозрастной коммуникации, взаимодействие студентов с представителями базовых структурных подразделений работодателей, где они могут пройти производственную практику и познакомиться не только с особенностями социокультурного пространства Санкт-Петербурга, что важно для студентов из других регионов, но и развивать навыки применения теоретических знаний на практике. Наши преподаватели владеют педагогическими технологиями, направленными на стимулирование субъектной роли студента в различных видах деятельности. Мы стараемся преодолевать привычный авторитарный стиль во взаимодействии со студентами и корректно представлять личную гражданскую позицию, что способствует формированию традиции демократических отношений преподавателей и студентов и развитию навыков у студентов выступать в новой социальной роли субъекта образовательного процесса. Это позволяет нам выстраивать образовательный процесс во всех подсистемах учебной и внеучебной сфер так, чтобы студент мог приобрести опыт гражданской и социальной деятельности, способствующий формированию гражданской политической культуры — главного атрибута правового демократического государства.

В целом политологическое образование представляет собой ключевое звено в процессе формирования образа и стиля жизни современного человека. Мощным потенциалом, формирующим личность, является мировоззренческий компонент образовательных программ. И если предметное содержание — это то, что всех нас (вспомним пресловутых «физиков и лириков») разъединяет, то ми-

ровоззренческое, культурное содержание — это то, что нас объединяет в едином пространстве общечеловеческой культуры, а политологическое образование — то, что нас объединяет в едином политическом пространстве и делает гражданами российского государства.

Как видим, наша кафедра за 20 лет своей деятельности вместе с политологами всей страны многое успела и многого добилась. Сегодня в условиях кризиса мирового политического порядка перед нами стоят еще более сложные задачи и особая ответственность за страну и российское общество, к решению которых необходимо подходить очень профессионально.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коваленко В. И.* Политическая наука и политологическое образование в России: состояние и перспективы // *Pro nunc.* Современные политические процессы. 2011. Т. 10. № 1. С. 13–18.

2. *Коваленко В. И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. М. : Изд-во МГУ, 2016. 703 с.

3. Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: тенденция, рецепция и новация / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина и С. В. Патрушев. М. : РОССПЭН, 2018. 477 с.

4. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.

5. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. А. Захарова. М. : Ad Marginem, 1996. 288 с.

Волкова А. В.

СЕТЕВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Аннотация. В статье анализируются формы сетевой гражданской активности как «гражданская наука». Проблема «цифровой бдительности» затрагивает вопросы отношений государства и граждан в условиях сетевого, цифрового общества, особенности формирования сетевой этики и анализ восприятия гражданами цифрового публичного пространства.

Ключевые слова: публичная политика, цифровизация, сетевое публичное управление, гражданская наука, электронное правительство, цифровая бдительность.

Сетевизация и цифровизация общества затрагивают сегодня все сферы человеческой активности: обуславливают изменения способов коммуникации и социализации, трансформируют языковые практики и обыденные привычки, вновь ставят под сомнение концепцию национального государства, расширяя и размывая границы. Интенсивное развитие различных форм гражданской коммуникации, (гражданского участия, гражданского контроля) сказывается на процессах публичной. Массовое распространение и доступность всевозможных гаджетов, популярность социальных сетей и СМИ в сочетании с идеологией административных преобразований, ориентированных на «вовлечения граждан в публичность», обеспечивают высокую степень охвата и участия граждан, открытость процедур и коммуникативных практик, вот почему построение цифровой экономики связывается с преодолением культурных барьеров и развитием человеческого капитала [1].

Среди современных коммуникативных общественных инноваций «гражданская наука» (citizen science) по целому ряду параметров обладает значительным потенциалом в качестве стимула обществен-

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований».

ного развития. Гражданская наука — концепция, в рамках которой к исследованиям ученых-профессионалов привлекаются добровольцы. В основе такого взаимодействия лежит идея добровольчества и технологии веб-краудсорсинга. Оксфордский словарь английского языка определяет ее как «сбор и анализ данных, относящихся к миру природы, представителями широкой общественности, как правило, в рамках совместного проекта с профессиональными учеными». Для российского публичного пространства и для отечественной науки феномен «гражданской науки» является новым [2] и сам термин часто ошибочно воспринимается как антоним понятию «военная».

Между тем особую актуальность гражданская наука приобретает в связи с новейшими исследованиями распределенного познания: сегодня публичная коммуникация экспертов с неэкспертами определяет процесс производства научного знания, которое затем становится основанием принятия значимых социально-политических решений. Безусловно, идея участия в научных исследованиях непрофессионалов, самоучек, любителей не нова, во все времена были подвижники и активисты, способствовавшие развитию науки. Но о «гражданской науке» в ее современном смысле и значении, как новом виде сетевого публичного взаимодействия, как о массовом явлении, стало возможным говорить в связи с повсеместным распространением и доступностью персональных гаджетов и резко возросшей ролью социальных сетей и сетевых медиа [3].

В мире возникли уже тысячи гражданских научных проектов, часть из которых достигла своих целей и завершилась, а часть — Всемирный день птиц (ведущий свой отсчет с 1900 г.) или CoCoRaHS (наблюдение за погодой) — являются долгосрочными проектами. Современная гражданская наука начинается с интереса, который профессиональные ученые пытаются вызвать у граждан, создавая научно-популярные интернет-каналы, страницы в социальных сетях, научно-популярные публикации и т. д. Вовлечение общества в различные форматы взаимодействия не только создает инновационные подходы к развитию гражданской активности, но и ориентирует на обучение и развитие образования. Речь идет об усилении научно-политического и социального воздействия научного прогресса, о повышении научной грамотности и расширении гражданских прав и возможностей в современных обществах.

Для оптимизации сетевого публичного управления значимо и то, что гражданская наука может внести позитивный вклад в формирование социального благополучия и улучшение социального климата через обеспечение общественного консенсуса и солидаризацию общества [4; 5], а также за счет изменения мнения граждан, участвующих в проектах гражданской науки, о ценности своего голоса и повышения их самооценки. В условиях, когда по всему миру разочарование в электоральных процедурах (Брекзит, Каталония и т. д.) и в демократии в целом способствует политическому абсентеизму и нарастанию протестных настроений, проекты «гражданской науки» реабилитируют процедуры участия, голосования, формирования статистических данных, они возвращают ценность отдельного голоса.

Следует отметить, что «гражданская наука» акцентирует внимание общественности на социально значимых направлениях, выполняя тем самым важную пропагандистскую функцию: привлечение внимания граждан всего мира к экологическому мониторингу, вопросам рационального использования природных ресурсов, климатическим изменениям. Она способствует формированию публичных ценностей и вновь объединяет людей вокруг идеи «общего блага» [6]. Ее общественно-научные проекты обладают значимым потенциалом в плане развития межсекторного партнерства, взаимодействия структур науки, образования, бизнеса, государственных структур и гражданских активистов [7]. Проекты «гражданской науки» выполняют важную функцию *социального научения* (обучения в ходе практической деятельности, путем проб и ошибок), на что обращает свое внимание ряд зарубежных исследователей [8]. Социальное научение означает, что люди приобретают опыт, вовлекаются в процесс сотрудничества, учатся сотрудничать, задумываются о своей деятельности в контексте постановки общезначимых целей и публичных ценностей, получают навыки выработки коллективных суждений.

Вклад «гражданской науки» в развитие публичной цифровой коммуникации не может быть сведен только к техническим моментам (развитие у граждан пользовательских навыков, освоение нового программного обеспечения, повышение цифровой грамотности и т. д.), она рассматривается нами как путь, способствующий инклюзивному развитию общества с ориентацией на солидаризацию и устойчивость. Генерируя новые идеи и стимулируя инновации,

она ориентирует общество на решение насущных социальных проблем, формирует ответственное отношение к территории, стране, планете и тем самым развивает гражданские способности.

Сети признаются сегодня наиболее эффективным видом связи государства и гражданского общества, но далеко не все современные коммуникативные общественные инновации воспринимаются однозначно как экспертным сообществом, так и гражданским обществом. Так явление «цифровая бдительность» (“digital vigilantism”) оказалось в поле зрения современных исследователей-обществоведов как один из вызовов цифровизации. Впервые понятие «бдительность» (применительно к гражданской активности) привлекает внимание западноевропейских юристов, специалистов в области уголовного права и криминологами в 1990-х. Растет число публикации в специализированных журналах, обществоведы выражают свою обеспокоенность по поводу трансформаций гражданской бдительности [9]. Изначально она понимается как защитная реакция со стороны общества, выступающего за общепринятые нормы и правопорядок, но процессы сетевизации, цифровизации общества обостряют проблему, заставляют трактовать ее шире, чем деятельность в сфере охраны правопорядка и криминологии. И. Монкада разрабатывает концепцию бдительности как коллективного использования или угрозы нелегального насилия в ответ на предполагаемое преступное деяние [10]. «Цифровая бдительность», имеющая место в социальных сетях, социальных медиа, все чаще рассматривается в контексте негативных последствий и эффектов. Это практика высмеивания, осуждения и травли людей, которые еще только подозреваются в совершении преступления или неблагоприятного поступка. Более десяти лет назад К. Денис поставил проблему нового типа гражданской ответственности. Он высказал вполне справедливые опасения, что эта новая гражданская активность в условиях сетевого, цифрового общества оказывается нерегулируемой и лишенной всяких ограничений [11]. Сегодня эта проблема интернациональна и особенно остро ощущается в мегаполисах и технологически продвинутых регионах. Д. Тротье трактует цифровую бдительность как форму опосредованного и скоординированного действия, отправной точкой которого является моральное возмущение (или общее чувство оскорбления), как правило, в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства и через социальные платформы [12]. В ответ на это

правонарушение пользователи мобилизуются и формируют реакции, которые в ряде случаев обладают лавинным характером. Подобные кампании основаны на ряде криминологических мотивов, включая реагирование на криминальные события, а также предотвращение потенциальных нарушений.

Текущий социальный и политический дискурс в значительной степени формируется как путем очевидных, так и не очень очевидных механизмов и практик. К примеру, использование современных цифровых медиа создают конкретные возможности и формируют культурные ожидания (открытость, равенство, справедливость) в отношениях между рядовыми гражданами или в отношениях граждан с государством. Из-за легкости, с которой пользователи могут искать, запрашивать и распространять личную информацию, социальные медиа все чаще используются для мобилизации и манипуляций. В качестве примеров можно привести как сети взаимопомощи (катастрофические пожары 2010 г., наводнение в Краснодарском крае и Иркутске), так и организацию протестных митингов (Белая лента, защита Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и т. д.), и движение «Догхантеров» (истребление бродячих собак), серьезно осложнившее социально-политическую ситуацию в Санкт-Петербурге.

В современной России все чаще заявляют о себе группы, борющиеся за общественный порядок и общественную мораль. В некоторых случаях они действуют как серьезные масштабные сетевые организации. Кроме «Догхантеров» наибольшую известность получили движения «СтопХам», «Синие ведерки», «Лев против». Поводом для такой мобилизации становятся резонансные случаи нарушения общественного порядка (нарушение правил парковки и ПДД, выгула собак, распитие спиртного), когда государство, по мнению общественности, не справляется или действует недостаточно эффективно. Гражданское общество активизируется, мобилизуется для выявления нарушителей, подозреваемых. Структуры, организованные по сетевому принципу, перехватывают у государственных органов инициативу по порицанию нарушителей и возмездию, которое из-за практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов становится настоящим перформансом. Это касается, прежде всего, деятельности современных популярных псевдополицейских организаций и движений, которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком.

Таким образом, стремление граждан к соблюдению норм, возникающая как явление позитивное, может приобретать различные формы, вплоть до девиантных (в случаях, когда целью становится экзальтированное привлечение внимания публики, когда общественное порицание превращается в сетевое реалити-шоу, а возмездие — в зрелище).

Девиантные проявления «цифровой бдительности» заставляют всерьез задуматься о специфике восприятия гражданами цифрового публичного пространства. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Цифровая бдительность является междисциплинарной проблемой, которая требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Для феномена гражданской «цифровой бдительности» важны эмоции, эмоции и реакции доминируют над фактами, и это роднит цифровую бдительность с таким явлением, как постправда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. А. Цифровая экономика: человеческий фактор. Стенограмма лекции 25.06.2019. URL: <https://polit.ru/article/2019/06/25/auzan> (дата обращения: 05.07.2019).

2. Волкова А. В. Потенциал «Гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования. 2019. № 1. С. 41–50.

3. Bonney R., Phillips T. B., Ballard H. L., Enck J. W. Can citizen science enhance public understanding of science? // Public Understanding of Science. 2016. № 25 (1). P. 2–16. URL: <https://doi.org/10.1177/0963662515607406> (дата обращения: 24.06.2019).

4. Chapman C., Hodges C. Can Citizen Science Seriously Contribute to Policy Development?: A Decision Maker's View // Luigi, C. and Jaume, P. (eds.), Analyzing the Role of Citizen Science in Modern Research, P. 246–261. Hershey, PA, USA: IGI Global. 2017. URL: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0962-2.ch012> (дата обращения: 24.06.2019).

5. Hecker S., Bonney R., Haklay M., Hölker F. et al. Innovation in Citizen Science — Perspectives on Science-Policy Advances // Citizen Science: Theory and Practice. 2018. № 3 (1): 4. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.5334/cstp.114> (дата обращения: 24.06.2019).

6. Sheldon D., Ashcroft, R. Citizen Science — where has it come from? // They walk among us: The rise of citizen science. Environmental Scientist. Special Issue. 2016. № 25 (2). P. 4–10.

7. *Hinchliffe S., Levidow L., Oreszczyn S.* Engaging cooperative research // *Environment and Planning A*. 2014. № 46 (9). P. 2080–2094. URL: <https://doi.org/10.1068/a140061p> (дата обращения: 07.05.2019).

8. *Bull R., Petts J., Evans J.* Social learning from public engagement: dreaming the impossible? // *Journal of environmental planning and management*. 2008. № 51 (5). P. 701–716. URL: <https://doi.org/10.1080/09640560802208140> (дата обращения: 02.04.2019).

9. *Johnston L.* What Is Vigilantism? // *The British Journal of Criminology*. 1996. Vol. 36, № 2. P. 220–236. URL: [doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083) (дата обращения: 14.06.2019).

10. *Moncada E.* Varieties of Vigilantism: Conceptual Discord, Meaning and Strategies // *Global Crime*. 2017. Vol. 18, № 4. P. 403–423. URL: [doi:10.1080/17440572.2017.1374183](https://doi.org/10.1080/17440572.2017.1374183) (дата обращения: 10.04.2019).

11. *Dennis K.* Keeping a close watch — The rise of self-surveillance and the threat of digital exposure // *Sociological Review*. 2008. Vol. 56, № 3. P. 347–357.

12. *Trottier D.* Denunciation and doxing: towards a conceptual model of digital vigilantism // *Global Crime*. 2019. URL: [doi:10.1080/17440572.2019.1591952](https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1591952) (дата обращения: 16.06.2019).

Вульфович Р. М.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье выявляются сложности в сочетании компетенций в области экономики, менеджмента и социальных наук, в том числе политологии, в процессе профессиональной подготовки публичных служащих на этапе бакалавриата и магистратуры.

Ключевые слова: компетенции, экономика, политика, подготовка, публичный служащий.

Введение. В 1991 г. постановлениями Правительства РСФСР было создано специальное ведомство для подготовки современных управленческих кадров для рыночной экономики, а также бывшие Высшие партийные школы были преобразованы в подчиненные Роскадрам региональные Кадровые центры [1] для подготовки современных, демократически ориентированных работников для органов государственной власти. Им было передано имущество Высших партийных школ, игравших важную роль в формировании высшего

партийного и государственного аппарата СССР. Когда была решена проблема размещения и организационного формирования новых образовательных учреждений, на первый план выдвинулась проблема — новых управленцев требовалось учить по-новому, определить контент учебных планов, стратегию и тактику образовательного процесса. В СССР задача государственного управления сводилась к централизованному управлению в командном режиме и распределению ресурсов в рамках того же алгоритма. В условиях экономической либерализации и политической демократизации требовалось выработать новые механизмы управления и создать соответствующие им инструменты, а также сформировать соответствующие компетенции у сотрудников, действующих в управляющей системе.

1. Первые шаги. Задача разработки учебных планов оказалась сложной в силу абсолютного отсутствия необходимого опыта. Первые материалы были собраны в американских университетах и поразили чрезвычайным разнообразием учебных курсов и их малой продолжительностью: 12–14 часов.

Эта образовательная модель реализуется в настоящее время в двухуровневой системе образования, допускающей гибкие формы организации учебного процесса. Однако в 90-е гг. прошлого столетия подобная образовательная модель в нашей стране была недопустима и была признана не соответствующей требованиям стандартов. Основой подготовки управленческих кадров для России стала модель Высших школ государственного управления Германии. В их учебном процессе широко были представлены общественные науки: политология, социология, социальная психология. Модель, ориентированную на управление производством, должна была заменить модель с гораздо более широким представлением о государственном управлении как процессе создания экономических, политических и социальных условий развития и самореализации, как отдельного человека, так и всего социума в целом.

Сложным было для российских специалистов и осмысление понятия «публичный»: публичное управление, публичная власть — эти термины вошли сегодня прочно в политические декларации, научные статьи, книги, нормативные правовые акты, хотя и конкурируют по-прежнему с традиционным для нас словом «государственный». Однако в начале 90-х гг. понятие «публичный» воспринималось как нечто недопустимое, когда речь идет о власти или управлении общественно значимыми делами. Изучение германского

опыта, а также опыта других европейских стран позволило сформировать достаточно четкое представление о публичной власти как комплексном политическом и управленческом акторе, который выступает от имени общества и защищает его интересы.

2. Актуальное состояние проблемы. С 1991 г. прошло 28 лет, и в настоящее время вновь идет интенсивная дискуссия о соотношении экономики, политики, менеджмента в подготовке персонала государственной и муниципальной службы. Доминирует точка зрения, требующая включить направление подготовки бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» (38.03.04) в направления «Экономика» или «Менеджмент», отрицающая, таким образом, специфику деятельности государственных служащих. Ситуацию несколько смягчает специфика двухуровневой системы подготовки — бакалавриат + магистратура, которая позволяет дифференцировать впоследствии требуемые компетенции в рамках магистерских программ различной ориентации.

Однако необходимо отметить, что современный государственный и муниципальный служащий действует в принципиально иной внешней среде, к особенностям которой он должен адаптироваться, по возможности, на самом раннем этапе подготовки.

В XXI в. объект управления приобрел ряд новых признаков. Комплексность и рефлексивность как основы постмодерна требуют широкого кругозора и понимания общего контекста возникающих проблем. Политическая часть играет в этом случае решающую роль. Функциональная дифференциация превращается в вызов для индивидуума и создает необходимость высокой интегративной способности. Это относится в полной мере, как к гражданам, так и к самим служащим. Неслучайно германская модель обучения предполагает подготовку чиновников-генералистов, способных не просто реализовывать государственную политику в различных сферах, но и активно участвовать в ее разработке и детализации. Повсеместно возникает необходимость наличия у служащего как субъекта управления способности сохранять собственную идентичность в кризисных ситуациях и при фундаментальных изменениях и противостоять давлению коллективной (мы) идентичности в рамках конфликта интересов. Континуум партикуляризма и универсализма, сообщества и общества требует от современного управленца специфических компетенций, формируемых только в процессе длительного и последовательного процесса.

В целом это приводит нас к мысли, что более позднее начало такой подготовки (только в магистратуре), а также компетенции экономиста (не вникающего в политическую суть процесса) или менеджера (призванного ориентироваться на эффективность отдельной организации, т. е. уровень ее прибыльности и рентабельности) могут препятствовать формированию служащего, рассматривающего свою миссию как «служение обществу», а не как стандартную управленческую деятельность.

3. Современная модель управления. В парадигме понимания деятельности государственных и муниципальных служащих как «служения», тем не менее, в последние десятилетия все большее значение приобретает их способность сочетать политически и социально направленные компетенции с управленческими, так как необходимость придания публичному управлению таких качественных характеристик, как «эффективность» и «экономичность» повышают личную ответственность и делают, в то же время, отдельного управленца в публичной сфере «политиком», который должен осознавать общественную значимость каждого принятого им решения, поскольку оно влияет в определенной степени на качество жизни. В гибких организационных структурах и при использовании новых финансовых механизмов (бюджетирование, ориентированное на результат; партисипативное бюджетирование) требования к персоналу радикально изменяются в направлении описанных нами ранее ценностных ориентаций.

Кроме того, служащие находятся в зоне постоянного пристального внимания общественных организаций, массмедиа и отдельных граждан, которые в условиях внедрения принципа субсидиарности начинают осознавать себя как равноправных и реальных политических акторов и управленцев. Мнение граждан приобретает все большее значение на этапе принятия стратегических и тактических решений по фундаментальным вопросам общественной жизни.

Так называемое «хорошее (эффективное управление)», широко распространенное в Европе, особенно на муниципальном уровне, позволяет внедрять целый ряд принципов, на основе которых возможно построение эффективной, экономичной и, одновременно, политически корректной модели публичного управления в демократическом варианте. К наиболее важным с этой точки зрения принципам относятся продвижение демократических ценностей, уважение прав человека, главенство закона, сильная антикоррупционная политика,

прозрачность, справедливое распределение ресурсов, участие граждан в политических процессах, эффективное предоставление общественных услуг. Как можно видеть, именно политические категории играют в системе понятий «хорошего управления» главную роль.

4. Публичное управление и цифровизация. В настоящее время все большее значение приобретает еще один аспект, который неизбежно отражается в процессе подготовки служащих: переход к цифровой экономике и развитие информационного общества [4]. Кажущаяся техногенная сущность этого процесса обманчива: в данном контексте политическая составляющая также несомненна. Любое решение, направленное на внедрение в процесс публичного управления новых информационных технологий, имеет стратегическое, а значит, политическое значение. Более того, как показывает представленная схема, эти технологии должны привести к повышению эффективности взаимодействия государства и общества, позволить каждому гражданину принимать активное участие в деятельности публичной власти и выражать свою политическую волю.

Заключение. В задачу служащих входит в этой ситуации четкое понимание позиции государства или муниципалитета по конкретной проблеме и стремление и умение разъяснить эту позицию гражданам. Последнее невозможно при отсутствии у служащих собственной гражданской позиции. В случае же попыток нарушения принципов демократического правового государства со стороны отдельных сотрудников или руководителей служащий должен быть способен отстаивать эти принципы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беков Х. А.* Роскадры: опыт создания федерального ведомства по делам госслужбы // Чиновник. 2001. № 3 (13). URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1143911> (дата обращения: 15.01.2019).

2. *Camacaro de Izarra Y. M.* Teaching Values Confederates Ethics and Postmodernism. URL: http://www.indteca.com/ojs/index.php/Revista_Scientific/article/view/62 (дата обращения 15.01.2019).

3. Продвижение европейских принципов эффективного управления в органах государственной власти и местного самоуправления Северо-Запада России / Китин Е. А., Периль Б. В. (ред.-сост.) ; Сев.-зап. ин-т. упр.-фил. РАНХиГС. СПб. : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2013. 311 с.

4. *Яницкий О. Н.* Информационное общество: проблемы и методы их решения // Власть. 2016. Т. 24, № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-problemy-i-metody-ih-resheniya> (дата обращения: 15.01.2019).

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ Ш. МОНТЕСКЬЕ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ ГОСУДАРСТВА¹

Аннотация. В статье проанализированы основы принципа разделения властей, разработанные французским просветителем XVIII в. Ш. Л. Монтескье и ее влияние на построение либерально-демократических основ современного государства. Практическое применение этой теории не только позволило обрести буржуазии как классу политический вес, но и способствовало расширению политического пространства за счет включения широких слоев населения в политический процесс.

Ключевые слова: Монтескье, эпоха Просвещения, теория разделения властей, государственная власть, либеральная теория, политический процесс, политическая инклюзия.

Масштабность политических изменений и научное осмысление реальной действительности является характерной чертой исследовательских поисков мыслителей XVIII в. Одним из первых проектов грандиозного переустройства общественного порядка и создания идеальной политической организации, основанной на строгом соблюдении правовых норм и принципе верховенства закона, стал проект об ограничении власти путем ее деления английского философа Джона Локка (1632–1704) [1]. Однако у Локка учение о разделении властей основывалось на идее соподчинения властей в государственном управлении на принципах общественного договора и создании такого политического механизма, который гарантированно защищал бы граждан от произвола государства и посягательств на их гражданские, политические и экономические свободы [1].

В дальнейшем это учение в соответствии с историческими реалиями и идейными предпочтениями французского общества первой половины XVIII в. модернизировал выдающийся представитель старшего поколения французских просветителей XVIII в. Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред, граф де Монтескье (1689–1755).

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ 19-011-00247 («Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность»).

В рамках своей политической философии мыслитель разработал теорию разделения властей, ставшую основополагающим принципом современного либерализма.

Как известно, почти все просветители континентальной Европы XVIII в. были в восторге от британской конституционной модели. Поэтому, как и другие французские просветители, Ш. Монтескье не до конца понимал принцип функционирования современной ему английской государственной системы, но в полной мере осознавал, что британская конституция закрепила принцип создания баланса сил между монархом и двухпалатным парламентом. Этот баланс и стал основой создания современного порядка сдержек и противовесов в европейской и североамериканской конституционных системах и положил начало политической практике европейского либерализма.

Однако Монтескье никогда не был сторонником копирования внутреннего устройства другого государства, ибо, по его мнению, государственные устои должны соответствовать духу народа, его менталитету, нравам и традициям. Поэтому он выступал против буквального переноса рецепции чужеродных элементов общественного устройства. Он был одним из первых, кто проводил различие между понятиями общество и государство, представляя государство как институциональную категорию, основанную на политико-договорных отношениях, и рассматривал феномен государственной власти в качестве необходимой основы системы управления, порожденной общественным соглашением [2].

Исходя из этого, Монтескье выделял целый ряд общих закономерностей природы власти, к каковым он относил существование «посредствующих властей» или «каналов», через которые осуществляется механизм властвования и принуждения, регулирующих общественную и государственную жизнь. Однако существование системы посредствующих каналов не всегда полноценно обеспечивает прочность государственной системы, поэтому для охраны конституционных порядков в государстве должны функционировать специальные политические структуры: постоянные «политические коллегии», которые несменяемы и должны функционировать непрерывно, являясь хранителями Основного закона [2, 194].

Таким образом, политико-правовая концепция Монтескье была основана на компромиссе политического и социального с конкрет-

ным механизмом гражданского строительства в виде установления «умеренного образа правления» и создания действующей модели «ограниченного» или «свободного государства» [2, 139]. По мнению К. Ю. Милованова, подобный компромисс соответствовал гегемонистским устремлениям крупной буржуазии и пробуржуазно настроенной части дворянства, поэтому базовые положения философско-правовых воззрений Монтескье легли в основу политической идеологии крупной буржуазии и других непривилегированных страт [3, 29].

Конечно, Ш. Л. Монтескье, подобно Дж. Локку, идейно и практически ориентировался на Славную революцию 1688–1689 гг., основанную на компромиссе крупной буржуазии и землевладельческой аристократии. Это классовое соглашение, адаптированное для условий внутреннего развития французского общества первой половины XVIII в., было одним из основных факторов становления европейской модели правовой государственности с разделением властей. Тем не менее революционные события 1789–1799 гг. продемонстрировали практическую уязвимость теории Монтескье, ибо его идеи в реальности могли обрести свое воплощение лишь после коренного общественного переворота, который сломал абсолютизм во Франции. Поэтому в программной части трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права», наполненной радикальным демократизмом и республиканизмом, концепция Монтескье подверглась серьезной критике [4]. Ж.-Ж. Руссо отвергал принцип деления власти на обособленные институциональные элементы и признавал верховный авторитет исключительно лишь всенародного плебисцита или полномочного всеобщего референдума [5], что разводило учения Ш. Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо по двум идейным полюсам общественно-политической мысли. В целом дискуссия разворачивалась вокруг новых форм политического устройства и развития механизмов защиты индивидуальных свобод.

Тем не менее сегодня можно утверждать, что многие аспекты концепции Монтескье нашли свое применение на практике в принципах функционирования как социально-политических, так и экономических подсистем демократических государств, основанных на правах человека и свободном рынке. Монтескье понимал, что проблема свободы является весьма острой, и был убежден, что это связано со слабой защищенностью частной собственности [6, 38].

Разрабатывая концепцию включения буржуазного сословия в политический процесс, Монтескье раскрыл важнейшие факторы, влияющие на развитие предпринимательства¹ как феномена не только хозяйственной деятельности, но и социально-политической (см.: [7]). Он утверждал, что проблема взаимодействия государства и экономики должна решаться через систему налогообложения, основанную на выравнивании интересов всех слоев общества. Философ сумел выделить принципы организации этого института, установив зависимость между объемом налогов, размерами государственных доходов и свободой: «Чтобы правильно определить размеры этих доходов, следует иметь в виду как нужды государства, так и нужды граждан. Не следует лишать народ действительно необходимого ради удовлетворения мнимых потребностей государства» [2, 131]. Кроме того, Монтескье одним из первых поднял вопрос об отношении государства к торговле, связав интересы крупных торговых предприятий с общественными ценностями, выделив влияние экономических процессов на социально-политическую атмосферу как внутри отдельно взятой страны, так и в международных отношениях [6, 16]. Монтескье считал, что любые ограничения торговли приносят странам вред и был противником запретов на ввоз всяких товаров, так как это наносит ущерб не только другим странам, но и себе. «Истинная польза народа требует, чтобы он без важных причин не устранил ни одного народа от торговли со своею страной» [6, 21].

Сегодня же с помощью торговли, таможенных пошлин, банковских махинаций некоторые страны пытаются воздействовать на другие и получить выгоду исключительно для себя. По мнению В. П. Шпалтакова, современная мировая торговля строится на интересах ТНК и монополистов, которые господствуют во внутренней и внешней торговле, порождая инфляцию, зависимость экспорта сырья от мировых цен, а также часто зависимость национальных отраслей хозяйства от импорта высококачественных товаров [8, 174].

¹ Термин «предприниматель» был введен французским экономистом Ришаром Кантиллоном в начале XVIII в., и означает человека, который берет на себя риск, связанный с организацией нового предприятия или с разработкой новой идеи, новой продукции или нового вида услуг, предлагаемых обществу (*Прим. авт.*).

В целом философско-правовые идеи Монтескье послужили основой для построения либеральных теорий государства и права, нашедших свое концентрированное выражение в концепции правового государства. Идея разделения властей стала фундаментом правовой государственности, получив статус общепризнанной политической доктрины. Принцип разделения властей объективно отражал жизненно важные интересы ведущих акторов эпохи — абсолютистской власти, аристократии и буржуазии. Этому принципу пришлось пережить много этапов практического воплощения, прежде чем буржуазии удалось отвоевать у своих соперников часть власти и закрепить за собой право быть представленными в законотворческой сфере, государственной администрации и управлении экономикой. Постепенно этот процесс вылился в модернизацию всей политической сферы, ключевым аспектом которой стало расширение пространства политической инклюзии и развитие демократических способов управления государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Локк Д. Два трактата о правлении. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–405.
2. Монтескье Ш. О духе законов. Книга 10–19. М. : Директ-Медиа, 2011. 323 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63439> (дата обращения: 26.10.2019).
3. Милованов К. Ю. Философский проект «свободного государства» Монтескье и его критика современниками // Проблемы современного образования. 2016. № 5. С. 25–38.
4. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Радикальный либерализм Жан-Жака Руссо и современность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 4. С. 282–289.
5. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре. Трактаты. М. : КАНОН-пресс ; Кучково поле, 1998. С. 51–150.
6. Монтескье Ш. О духе законов. Книга 20–31. М. : Директ-Медиа, 2011. 596 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63440> (дата обращения: 26.10.2019).
7. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Основы взаимодействия бизнеса и общества. Учебное пособие по специальности 080504 «Гос. и муниципальное управление» / Коми респ. акад. гос. службы при Главе Республики Коми. Сыктывкар, 2006. 154 с.
8. Шпалтаков В. П. Социально-экономические взгляды Ш. Монтескье и современность // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35). С. 168–177.

МЕСТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Истинное местное самоуправление не может существовать без гражданского участия, выступающего в качестве первоосновы местной демократии. Существует огромный демократический потенциал там, где граждане предпринимают активные, систематические действия для того, чтобы оказывать влияние на развитие своих сообществ. В статье раскрываются ключевые моменты гражданского участия на местном уровне в странах с трансформирующимися политическим режимом. Выделяются основные проблемы, представляющие вызовы и возможности включения граждан в систему местной демократии и, соответственно, требующие своего решения. Они представляют собой общие дилеммы для всех стран, заинтересованных в развитии демократии.

Ключевые слова: местное самоуправление, местная демократия, гражданское участие, политическая культура, процесс принятия решений.

В условиях системной трансформации общества местный уровень управления становится одной из важнейших сфер модернизации и консолидации демократии. Несмотря на то, что децентрализованные единицы не всегда оказываются более эффективными с управленческой точки зрения, само движение в сторону децентрализации может быть обосновано другого рода соображениями, а именно тем фактом, что она делает возможным обеспечить демократическое участие граждан. Неслучайно один из видных теоретиков местного самоуправления второй половины XX в. британский исследователь Дж. Стюарт особо подчеркивал, что «местное самоуправление — это значительно большее, чем предоставление услуг, это развитие гражданства» [1, 127]. Местное самоуправление представляет собой идеальное место, где в процессе демократизации возникают новые пути и формы участия, способствующие развитию гражданского общества.

В настоящее время ни одно правительство не может утверждать, что оно обладает всеми инструментами, необходимыми для эффективной реализации всех составляющих политики государства. Публичная политика начала XXI в. требует особого внимания к взаимодействию между органами государственной и муниципальной

власти, бизнесом, структурами гражданского общества и рядовыми гражданами. Такого рода взаимодействие получает новый импульс благодаря возможности использования новых информационно-коммуникационных технологий, цифровизации публичного пространства, расширяющих границы не только представительной, но и прямой демократии. Несмотря на то, что решения, принимаемые на различных уровнях управленческой вертикали, в большей или меньшей степени оказывают влияние на жизнь отдельного человека, наиболее близким для него остается местное самоуправление, выступающее в роли связующего звена между государством и гражданским обществом. Именно местные власти предоставляют и наиболее широкий спектр услуг, призванных обеспечивать стабильную жизнедеятельность всего местного сообщества и отдельных его членов.

Успехи местного развития сегодня являются результатом объединенных усилий политиков, чиновников и таких акторов местного политического процесса, как частный бизнес, университеты, исследовательские институты, группы местного сообщества и гражданские организации, в том числе НКО и волонтерские группы. В результате происходит постепенный отход от восприятия гражданина как покупателя (клиента) к гражданину как соучастнику процесса управления. В новой парадигме местного самоуправления местные жители становятся партнерами, «коллегами», которые могут внести ценный вклад в инновационное развитие сообщества.

В силу целого ряда причин (падения уровня политического доверия, низкой электоральной активности) на протяжении последних десятилетий многие правительства развитых демократий все больше внимания уделяют проблеме активизации гражданского участия на местном уровне. При этом происходит это не только в странах Северной Европы и Нидерландах, представляющих собой европейские консенсусные демократии, но и в мажоритарных демократиях, таких как Великобритания и Канада. Речь идет о таких политических практиках, как консультации, переговоры, обсуждения, в рамках которых равноправными участниками выступают власти страны, ассоциации гражданского общества и отдельные граждане. Партисипаторные реформы направлены на сокращение разрыва между органами государственного и муниципального управления и современными, хорошо образованными, самостоятельно мыслящими гражданами. В то же время наблю-

дается маркетизация публичного управления, которая подрывает неокорпоративистскую систему представительства интересов, в рамках которой ограниченное число хорошо организованных групп интересов находится в привилегированном или даже монопольном положении с точки зрения допущенности к сфере принятия политических решений.

Особую значимость подобного рода процессы имеют для обществ, еще не завершивших свой процесс демократического транзита. В этом случае одним из ключевых факторов успеха является закрепление в общественном сознании и политической практике культуры гражданского участия, которая и формируется, главным образом, путем реализации основополагающих принципов местной демократии.

Главным носителем идей местной демократии выступает местное сообщество. Само понятие «местное сообщество» подчеркивает неразрывную связь групповой и локальной идентичности, соединяя тем самым функциональное и территориальное начала в его жизнедеятельности. Иначе говоря, местное сообщество характеризуется системой контактов, взаимосвязей и взаимозависимостей между его членами, основанными на взаимной помощи, чья важность возрастает в результате определенных социальных явлений, таких как безработица, демография и политических изменений. Поскольку именно для трансформирующихся обществ различного рода изменения, даже если они ведут к положительному результату, являются устойчивыми факторами социальной напряженности, то роль местных сообществ, способствующих разрешению нарастающих в подобных ситуациях социальных конфликтов, неизмеримо возрастает. В результате они становятся неотъемлемой частью политической повестки дня и ключевым понятием в вопросе развития гражданского общества.

Формулирование вопросов, влияние на формирование повестки дня, определение процедур принятия политических решений, оценка результатов – на всех этих этапах публичной политики на местах не только возможно, но и крайне желательно участие жителей как индивидуумов, так и организованных групп. Гражданское участие представляет собой процесс, посредством которого тревоги, потребности и ценности членов местных сообществ инкорпорируются в процесс принятия политических решений. Он характеризуется двусторонней коммуникацией и взаимодействием, целью которых,

в конечном счете, является принятие таких решений, которые бы имели общественную поддержку.

В то же время сам процесс гражданского участия может принимать самые различные формы: консультации, общественные слушания, партисипаторные бюджеты, участие в социальных движениях, создание различного рода гражданских ассоциаций как защитников групповых интересов, наконец, участие в референдумах и местных выборах.

Чтобы оценить тот путь, который лежит от пассивности к активности в рамках местной демократии, можно, на наш взгляд, выделить следующие этапы гражданского участия:

- Поддержка уже разработанных программ.
- Предложения по их корректировке.
- Выдвижение собственных предложений.
- Участие в процессе принятия решений.
- Решение как результат переговоров органов МСУ и гражданских организаций.
- Решение, принимаемое самими гражданами.

С точки зрения властных структур, на одном конце континуума находится решение, принимаемое автономно органами местного самоуправления, на другом — решение, основанное на широких консультациях и открытой дискуссии с общественностью. В практике муниципального управления, как правило, мы встречаем самые разнообразные сочетания этих двух крайностей, однако в самом общем виде в тех случаях, когда для реализации программ и планов нужна поддержка жителей, важно их вовлечение в процесс принятия решений на возможно более ранней стадии. Когда же речь идет о решении, вытекающем из технической оценки возможностей, ответственность за них должны брать на себе органы МСУ как представители местного сообщества, которым делегированы в результате выборов соответствующие полномочия.

Несмотря на очевидность пользы от гражданского участия в процессе принятия решений, необходимо учитывать и наличие определенных рисков в тех случаях, когда сама эта процедура плохо продумана и не подготовлена должным образом система информирования населения, консультаций с гражданами и их организациями и конкретных мер, обеспечивающих активное участие. В итоге стремление заручиться поддержкой граждан, легитимизируя тем самым свои решения, приводит к обратному результату, если фор-

мально задействованные в этом процессе люди начинают ощущать, что власти просто манипулируют ими, в действительности игнорируя их точку зрения. Гражданское участие оборачивается профанацией, поскольку никоим образом не влияет на принимаемое решение. К сожалению, именно такие случаи способствуют нарастанию недоверия и скептицизма по отношению к власти в целом и органам местного самоуправления в частности.

Отсюда необходимость интерактивного процесса определения политики и принятия конкретных управленческих решений, в рамках которого все заинтересованные лица (бизнес, структуры гражданского общества, рядовые граждане) были бы подключены к нему на возможно более ранних стадиях, имели гарантированную возможность активного участия в обсуждениях, что позволило бы сочетать элементы прямой и представительной демократии.

В целом, необходимо четко осознавать, что развитие местной демократии представляет собой необходимый элемент современной демократической государственности, без которого процесс консолидации демократии в условиях транзитных политических систем не может быть завершен.

Идеологическая переориентация с концепции «управления» (“government”) к концепции “governance”, предполагающей наличие механизмов, процессов и институтов, посредством которых граждане и социальные группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют обязанности и находят нужный баланс между различиями [2], оказывает непосредственное влияние на политические процессы, на риторику политических элит на всех уровнях системы государственной и муниципальной власти.

Решение социальных проблем перестает быть прерогативой органов власти, а их постоянное усложнение, особенно в условиях не до конца сбалансированных политических систем, заставляет развивать и укреплять систему взаимодействия всех заинтересованных лиц (политиков, чиновников, бизнеса, организаций гражданского общества и отдельных граждан).

Несмотря на наличие объективных условий для гражданского участия, реализация на практике идей и принципов местной демократии в условиях трансформирующихся режимов затрудняется, с одной стороны, неготовностью представителей власти к диалогу с гражданами и их организациями, с другой — со слабым развитием

структур гражданского общества и глубоко укоренившимся недоверием граждан к правящим элитам.

Главная проблема, общая практически для всех посткоммунистических стран, заключается в том, что само по себе наличие правовой базы для местной демократии не гарантирует участие граждан, для большинства которых в силу специфики присущей данным общественным системам политической культуры характерны политическая апатия и безразличие, низкого уровня развития социального капитала. Однако даже в случае существующей у них заинтересованности в решении местных проблем, стремления стать равноправными участниками процесса принятия решений, касающихся развития местного сообщества, превалирует тенденция игнорирования их представителями властных структур, стремление последних избежать контроля и подотчетности своей деятельности структурам гражданского общества.

Однако, несмотря на объективные и субъективные препятствия на пути становления и развития местной демократии, наличие четкого целеполагания и политической воли ведет к положительной динамике в сфере гражданского участия и постепенному формированию инновационной интерактивной модели местной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stewart J., Stoker G.* From Local Administration to Community Government. London : Fabian Society, 1998. 472 p.
2. United Nations Development Programme. Democratic Governance. URL: <http://www.undp.org/content/undp/en/home/ourwork/democraticgovernance/overview.html> (дата обращения: 27.02.2019).

Зызин П. Д., Смаль С. В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВОЕННОГО (КАДЕТСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается специфика реализации государственной политики в сфере военного образования на примере кадетских классов, проанализированы исторические и социальные аспекты патриотического воспитания в свете новых геополитических вызовов, а также последних усилий государства по институционализации патриотизма. Постулируется необходимость активизации

деятельности государства, структур гражданского общества и самих граждан в непрерывном диалогическом процессе педагогического общения поколений с учетом проведения политики памяти, что является необходимым условием сохранения целостности государства как жизнеспособной и высокоадаптивной системы.

Ключевые слова: военное образование, кадетские классы, социальная политика, политика памяти, государство, Российская Федерация.

Вопросы патриотического воспитания приобрели особо актуальное звучание в свете происходящих событий на мировой геополитической арене. Запрос на патриотическое наполнение образования как непрерывного диалогического процесса с подрастающим поколением существовал на протяжении многих лет, и значительно усилился в последнее десятилетие [1].

Патриотизм всегда отличал представителей военной сферы, развитие которой в целом можно связать с именем Петра I, хотя некоторые исследователи находят упоминания о прообразе патриотического воспитания в былинах, шедеврах устного народного творчества и Поучении Владимира Мономаха [2].

Первые военные школы появляются в России именно во время правления Петра Алексеевича. В период его правления начат процесс формирования системообразующего лозунга, оформившегося потом в триаду «За Веру, царя и Отечество», заложившего основы патриотического воспитания вплоть до конца имперского периода России.

Еще большее внимание на патриотическом воспитании было сосредоточено после 1917 г., когда работа с молодежью, особенно с военной молодежью, их правильная идеологическая ориентация рассматривались как основа для бесперебойного функционирования политического режима и, в конечном итоге, самой государственной машины.

Во время Второй мировой войны история стала главным инструментом патриотического воспитания, необходимо заметить, что серьезное внимание этому аспекту уделялось и до 1991 г. и позже [3].

Переходя к сегодняшнему дню, обращаем внимание на то обстоятельство, что сейчас в России действует программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», которая была принята Министерством образования и науки России 30 декабря 2015 г., и представляет собой последо-

вательное «продолжение, в развивающихся социально-экономических и политических условиях второго десятилетия XXI века, ранее принятых государственных программ патриотического воспитания граждан Российской Федерации» [4].

Эта программа активизировала работу по созданию кадетских классов под патронатом различных структур во всех субъектах Российской Федерации, в том числе энергичная работа ведется в Челябинской области, в городе Сатка, где объединились усилия муниципальных властей и заинтересованных граждан, которые хотят передать и привить своим детям понятия чести, долга и любви к Родине. Также много внимания уделено проведению мероприятий, направленных на развитие патриотизма, и проработке политики памяти, которой даже уделяется целый раздел «Программы».

Приведем некоторые выдержки из неё. Так, «Программой» предусмотрено «формирование патриотического мировоззрения через развитие патриотически-ориентированных исторических знаний граждан Российской Федерации» и прописана система мер по формированию патриотического мировоззрения граждан, в рамках которой предусматривалось:

1) активизация интереса к изучению истории Отечества и формирование чувства уважения к героическому прошлому нашей страны, сохранение памяти о великих исторических подвигах защитников Отечества;

2) углубление знаний о событиях, ставших основой государственных праздников России;

3) повышение интереса российских граждан к военной истории Отечества в ходе подготовки и празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;

4) сохранение исторической памяти и развитие интереса к отечественной науке и ее видным деятелям — патриотам России;

5) повышение качества работы образовательных организаций по профессиональной ориентации учащихся для службы Отечеству и их патриотическому воспитанию;

6) стимулирование и поддержка творческой активности деятелей искусства и литературы по созданию произведений патриотической направленности;

7) проведение всероссийских конкурсов, семинаров, конференций, выставок и экспозиций, посвященных славным историческим событиям и знаменательным датам России.

Каждое из этих направлений должно быть эффективным инструментом для достижения максимального результата, что в полной мере касается кадетских корпусов и классов, организация которых сейчас интересна. Также много внимания уделено успехам общепризнанных центров кадетского движения, находящихся в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе. Тем интереснее изучать и реализовывать на практике целый комплекс мероприятий, направленных на создание и планомерное развитие кадетских классов при общеобразовательных школах периферии. Например, в городе Сатка, в школах № 5 и № 10 в декабре 2018 г. были приняты положения о создании кадетских классов, разработаны программы мероприятий для формирования гражданской позиции и действительного патриотического воспитания будущих граждан России, подобная работа ведется и в школе № 4. Так, цели обучения в кадетских классах в том виде, в котором они сформулированы в «Положении о кадетском классе МКОУ «СОШ № 10» г. Сатка» [5], отвечают общим компонентам социализации граждан и реализации функции социального общения в самом широком смысле этого слова.

Приведем некоторые выдержки из этого положения. «Задачи обучения в кадетских классах»:

- 1) формирование положительного отношения к службе в силовых ведомствах;
- 2) формирование устойчивой профессионально-военной устремленности обучающихся;
- 3) содействие осознанию обучающимися общественного долга, развитие дисциплинированности;
- 4) оказание помощи обучающимся в выборе конкретного вида профессионально-военной или гражданской деятельности как основы профессиональной карьеры;
- 5) воспитание патриота и гражданина, достойного защитника своего Отечества, содействие в интеллектуальном, культурном, физическом и нравственном развитии обучающихся».

Интересными представляются и мероприятия, предусмотренные программой центра патриотического воспитания «Сыны России», функционирующего при МКОУ «СОШ № 10», укажем некоторые из них по направлениям в соответствии с логикой формирования политики памяти [6]:

1) проведение совместных Уроков мужества, посвященных памятным датам;

2) участие кадетов школы в областных смотрах, линейках, городских митингах;

3) сетевое взаимодействие между командами школ города;

4) совместные акции с ветеранами;

5) встречи с представителями поискового отряда «Сатка. Поиск» (это крайне интересное направление работы с молодежью в целом, в 2018 г. были осуществлены выезды для проведения раскопок на месте боев на территории Ленинградской области и Республики Крым);

б) совместный экологический десант под руководством Саткинского лесничества;

7) участие в спортивных и общеобразовательных мероприятиях.

В совокупности данные мероприятия позволяют реализовать основные из социальных функций, объединяющие военное образование, общее государственное строительство и формирование нового поколения россиян с активной гражданской и политической позицией:

1) функция канализации потенциально социально-опасных траекторий развития, что магистрально важно для сохранения целостности государства;

2) компенсаторная функция за счет виртуального преодоления реальных трудностей, возникающих в процессе игрового, педагогического и иного взаимодействия;

3) регулятивная функция, которая призвана обеспечить четкую организацию общественных отношений, необходимых для полноценного функционирования социальной системы в целом;

4) функция институционализации, призванная помочь перерастанию элементов патриотического воспитания, получаемого на раннем этапе обучения, в нормы и обычаи поведения, принятые и ретранслируемые в обществе;

5) идеологическая функция в самом широком смысле этого понятия [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фирсова Р. П.* Исторические аспекты военно-патриотического воспитания в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 2. С. 197–203.

2. *Вазлеев В. А.* Кадетские корпуса современной России // Молодой ученый. 2018. № 3. С. 175–178.

3. Конституция Российской Федерации. URL: [http://www. constitution. ru/10003000/10003000-3. htm](http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm) (дата обращения: 14.03.2019).

4. Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: [http://ivo. garant. ru/#/document/71769420/paragraph/114:1](http://ivo.garant.ru/#/document/71769420/paragraph/114:1) (дата обращения: 31.01.2019).

5. Положение о кадетском классе МКОУ «СОШ № 10» г. Сатка. URL: [https://sch10satka. educhel. ru/documents/right_documents](https://sch10satka.educhel.ru/documents/right_documents) (дата обращения: 31.01.2019).

6. Программа центра патриотического воспитания «Сыны России» МКОУ «СОШ № 10» г. Сатка. URL: [https://sch10satka. educhel. ru/documents/right_documents](https://sch10satka.educhel.ru/documents/right_documents) (дата обращения: 31.01.2019).

7. Смаль С. В. Социальная защита населения как функция современного государства: дис. ... канд. полит. наук / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб., 2009. 183 с.

Кетов А. Р.

НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ПОСТПРАВДЫ

Аннотация. В ходе изучения феномена постправды выявляется его высокий конфликтогенный потенциал и деструктивная для политической системы сущность. В современной российской науке можно выделить два подхода — либеральный и консервативный, предлагающие во многом противоречащие друг другу методы преодоления негативных эффектов постправды.

Ключевые слова: общественное мнение, конфликтогенный потенциал, пост-правда, фейк, новые медиа.

«Постправда» (post-truth) — это термин, недавно пришедший в политическую науку из сферы массовых коммуникаций и ставший, по версии Оксфордского словаря, «словом года» в 2016 г. Впервые в значении, близким к нынешнему, это слово было употреблено в 1992 г. в эссе Стива Тесича о войне в Персидском заливе, хотя в других значениях оно употреблялось и раньше.

Постправда означает «некую постмодернистскую модальность, деформированное состояние сознания, в котором стереотипы уже полностью потеряли связь с реальными образами» [1, 42]. Также постправду можно определить как «обстоятельства, при которых

объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, нежели обращения к эмоциям и личным убеждениям» [1, 42]. Концепции, объясняющие и соотносящиеся с концепцией «постправды» (например, «постдемократия»), разрабатывали в своих сочинениях Р. Кейес, К. Крауч, Э. Олтерман. Так, для «постдемократии» К. Крауча характерны кризисные явления в традиционных механизмах демократии, политических элитах демократических стран, вызванные длительным доминированием неолиберальной технократической модели управления [2, 230].

Можно выделить три этапа эволюции в способах распространения информации, соотносящихся с «тремя волнами», или стадиями развития человечества, концепцию которых разрабатывал Э. Тоффлер. Они обозначаются как этап вербального слова, когда письменная информация оставалась уделом элиты при традиционном обществе, этап печатного слова, когда появился печатный станок, и с развитием индустриального общества широко распространяется грамотность, и этап виртуального слова, соответствующий современному, информационному обществу [3, 223]. Именно с развитием информационного общества в XXI веке связано появление феномена «постправды».

В 2016 г. отмечается резкий скачок употребляемости слова «пост-правда» в связи с президентской предвыборной гонкой в США и британским выходом из Евросоюза — «брекситом». Оба политических процесса были отмечены волной сопровождавших их специфических фальсификаций, касающихся дебатов и новостей, именно с этого момента мы можем отметить стремительный рост популярности «постправды», соответственно, рост количества попыток осмысления феномена «постправды» как во всем мире, так и в России.

«Постправда» отделяется от схожих понятий (стереотипов, ложных имиджей, симулякров, «фейков», «вбросов») тем, что появляется в исключительно политической среде, как «политически удобная правда», соответствующая политическим интересам тех или иных акторов, порождается виртуальной средой, живущей по своим законам, в некоторой степени отличным от законов реальности. Одним из главных свойств постправды, как среды, особого контекста является исчезновение, сокрытие среди многочисленных «фейков» правдивых новостей, значимость истинности или ложности сведений утрачивается. Остаются важными только соответствие эмоциональному фону той или иной аудитории и политическим

целям актора, продуцирующего информацию. Подобную ситуацию, среду порожают не факты, а эмоциональное отношение к фактам. Истинными единицами современного информационного пространства становятся мемы, которым чужда дихотомия «истинного» и «ложного». Значимость информации для потребителя определяется зрелищностью и эпатажем, связанным с распространением мемов, запускаемых с политическими целями.

Как пример активного формирования «постправды» можно рассматривать президентские выборы в США в 2016 г. Фейк-новости, которые потоком обрушились на избирателей (причем опровержения, если они и были, легко терялись в плотном информационном потоке), сформировали особый информационный континуум, свойственный американской предвыборной гонке. Например, активно использовался эффект эхо-камеры, основанный на том, что политические установки в современном мире могут усваиваться путем передачи и повторений сообщений в закрытых системах, которые в современных условиях можно идентифицировать не просто как круг единомышленников, а как виртуальные сообщества, например, группы в социальных сетях [1, 50].

В таких сообществах происходит замкнутая циркуляция идей и взглядов, члены группы поддерживают друг друга, вместо того, чтобы дискутировать. Такие группы являются прекрасной почвой для формирования пространства постправды, с одной стороны, и, с другой стороны, появление этих групп разрушает традиционные, устойчивые социальные группы. Подобные объединения носят временный, неустойчивый характер, их просто создавать и разрушать, их членами легко манипулировать, вбрасывая в группы мемы и фейки. Социум превращается в слабо структурированное сообщество индивидов, подверженное манипуляции, скрытой ощущением свободного выбора информации, при этом новые методы манипуляции органично сочетаются со старыми. В этом проявляется высокий конфликтогенный потенциал постправды, видны корни возможных последующих социальных конфликтов.

В России сейчас сложились условия для формирования постправды в местном варианте. Актуальна противоречивость общественных настроений, выражающаяся в антизападнических и даже изоляционистских настроениях, с одной стороны, и стремлением войти в развитый западный мир, свободно передвигаться в нем, обмениваться информацией — с другой. Антизападная риторика в России в по-

следнее время усиливается, что заметно по общественным настроениям, особенно — после политического кризиса на Украине в 2014 г. Консервативные тенденции проявляются, в частности, в отношении россиян к политике по отношению к сети Интернет. По данным социологических опросов, почти половина россиян (49 %) считает, что в интернете необходима цензура, 42 % россиян верит в возможность использования Интернет-технологий во вред России, 81 % респондентов настроены негативно к призывам в сети Интернет протестовать против власти [1, 53]. Заметно, что российское общество, гипотетически находясь в состоянии перехода к демократии, сохраняет ярко выраженные авторитарные черты, проявляющиеся в стремлении жестко регулировать политику в сети Интернет.

Стремления политической власти в данном вопросе пересекается с настроениями общества. Как отмечают либерально настроенные исследователи, власти переходных режимов, так называемых «электоральных демократий», к которым они относят и Россию, пытаются сейчас усилить контроль над новыми СМИ, например, над сетью Интернет, заставить служить новые медиа своим интересам, которые зачастую идут вразрез с декларируемой демократизацией [4, 16]. Д. Браун и С. Томпсон предлагают следующие модели воздействия СМИ на общество: транзактную, ожидания-оценки, использование и зависимость. В России, согласно мнению либеральных исследователей, преобладает модель использования и зависимости, что грозит в итоге тотальным контролем над сетью Интернет и её использованием в интересах правящих групп в электоральных демократиях согласно модели «закрытых стран» [4, 17]. Постправда, таким образом, может стать орудием в руках государства с авторитарными тенденциями. Следует отметить, что консервативно настроенные отечественные исследователи подчеркивают деструктивный характер коммуникации в современных медиа в эпоху постправды для любого политического устройства, включая либеральную демократию, настороженно относятся к неконтролируемой свободе в сети Интернет [1, 44].

Нам представляется интересным рассмотреть различные подходы к постправде, которые встречаются среди современных российских политических исследователей. Как мы уже отмечали, можно выделить либеральный и консервативный подходы. Представители разных подходов сходятся на том, что феномен постправды носит негативный, разрушительный для политической системы

характер, является важнейшим конфликтогенным фактором для современного общества. Однако способы, которыми предлагается преодолевать негативные эффекты постправды, у «консерваторов» и «либералов» разнятся.

Консервативно настроенные исследователи, говоря об инструментах, которые возможно использовать против «постправды», подчеркивают, что в социокультурном генотипе российского народа есть такая черта — «особое пристрастие к справедливости как к мере всех вещей, в отличие от западной привязанности к формальному исполнению закона» [1, 53]. В «постправде» они справедливо видят вызов демократии, потому что общество в новых условиях информационного континуума, с помощью определенных манипуляций, может «свободно» сделать выбор в пользу нового авторитаризма, или вообще тоталитаризма. Консервативно настроенные исследователи видят рецепт спасения от постправды, стремительно разъедающей существующий порядок, основанный на либеральных ценностях, во включении инстинкта самосохранения и кантовского «нравственного закона внутри нас», «отбойной волне» в виде возвращения к хабермасовской “этике дискурса”, к традиционным ценностям» [1, 55]. Предлагается сформировать правовые барьеры против распространения ложной информации, жестко контролировать медиапространство, однако при этом не нарушая свободу самовыражения в рамках закона.

Напротив, либерально настроенные исследователи подчеркивают важность институтов и механизмов противодействия постправде, подотчетных гражданам и существующих в странах с развитыми демократиями. Постправда не может угрожать развитым демократиям, поскольку ее негативные эффекты нивелируются подобными институтами, основанными на существовании «групп вето» [5, 55]. «Группы вето» находятся в постоянных конфликтах на микроуровне и тем самым поддерживают стабильность демократической политической системы. А в посттоталитарных странах часто складывается система, при которой технологии, свойственные постправде, оказываются эффективными механизмами формирования выгодной для власти «гиперреальности» через СМИ, превращающиеся в «испорченный институт», действующий лишь в интересах правящей группировки. Запускается такой механизм, как «спираль молчания», в результате индивиды стараются не высказывать мнение, отличное от мнения большинства СМИ. Создаются «информационные каска-

ды», т. е. ситуации, когда фейковые новости лавинообразно распространяются, и становится невозможно отследить источник информации, а следовательно, и проверить его подлинность [5, 57]. В качестве противодействия сложившейся системе, которую можно обозначить как «тотальную постправду», либеральные исследователи предлагают создание традиционной для демократии системы сдержек и противовесов, независимых законодательных и судебных органов, которые смогут гарантировать нормальную работу СМИ. Также предлагается публичное осуждение журналистов, изготавливающих фейковые новости.

Таким образом, при изучении феномена постправды в российской науке можно выделить две тенденции, предлагающие различные, зачастую имплицитно противоречащие друг другу способы снижения конфликтогенности постправды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

2. Томин Л. В. Условия возникновения и механизмы функционирования идеологии популизма в современном мире // Политика постправды в современном мире: сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года / под ред. О. В. Поповой. СПб., 2017. С. 230–233.

3. Смаль С. В. Технологии формирования «постправды»: политико-конфликтологический аспект // Там же. С. 222–226.

4. Балаян А. А. Политизация Интернета как угроза «монополии на правду» в транзитивных политических системах // Там же. С. 15–17.

5. Вишневский Б. Л., Балаян А. А. Цена тотальной постправды: российские массмедиа как зеркало гиперреальности // Там же. С. 55–58.

Клещенко Л. Л.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В МЕКСИКЕ И САЛЬВАДОРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организованной преступности в современных Мексике и Сальвадоре, а также опыт противодействия преступности в данных странах.

Ключевые слова: Латинская Америка, организованная преступность, наркотрафик, коррупция, Мексика, Сальвадор.

Латинская Америка является регионом — мировым лидером по количеству насильственных преступлений [1]. Проблема организованной преступности остается ведущей угрозой национальной безопасности ряда стран региона, в том числе Сальвадора и Мексики, что обуславливает актуальность изучения причин роста преступности, а также выявления факторов, влияющих на динамику насильственных преступлений в регионе.

Среди причин, обуславливающих рост преступности в Центральной Америке, необходимо выделить, во-первых, географические. Страны находятся на пути транспортировки наркотиков из Южной Америки в США, которые, в свою очередь, являются крупнейшим в мире их потребителем. В настоящее время новой сферой деятельности для Центральноамериканской организованной преступности стала также перевозка нелегальных мигрантов в США, которые зачастую используются как наркокурьеры.

Необходимо отметить также социально-экономические причины распространения преступности, связанные с высокими показателями социального неравенства и общего уровня бедности. Латинская Америка продолжает оставаться регионом — лидером и по уровню неравенства [2]. Значительная часть населения вынуждена работать в секторе теневой экономики, не имея возможности получить образование и легальную оплачиваемую занятость [3, 43].

Помимо общих причин распространения преступности, можно говорить и о специфических, связанных с каждой страной в отдельности. Так, в Мексике проблема преступности теснейшим образом связана с проблемой коррупции. На протяжении семидесяти лет XX в. страной правила Институционально-революционная партия (ИРП), за годы ее доминирования сложились тесные отношения между правящим классом и организованной преступностью. Подчеркивая связь коррупции, наркотрафика, организованной преступности в Мексике, исследователи используют понятие «конвергентная преступность», подразумевающая взаимообусловленность криминализации государства и общества [4, 28].

Ситуация в Мексике начала меняться в 2000 г., когда монополии на власти ИРП пришел конец и страну возглавил Винсенте Фокс от Партии национального действия (ПРД). Происходит разрыв пре-

емственности в отношениях между властью и криминалом, следствием которого становится усиление борьбы за доступ к ресурсам различных преступных группировок, что вынудило президента Винсенте Фокса взять курс на «войну с наркотиками». Данную кампанию продолжили и следующие президенты Фелипе Кальдерон (2006–2012 гг.) и Энрике Пенья Ньето (2012–2018 гг.). Курс на «войну с наркотиками» предполагал использование для борьбы с преступностью армии и флота, а также сотрудничество с США.

Такая политика имела свои результаты — главы крупных картелей были арестованы. В то же время фрагментация картелей привела к усилению соперничества между ними, и, как следствие, увеличению количества убийств, по уровню которых Мексика в 2018 г. побила свой рекорд [5]. Новой опасной тенденцией становится распространение преступности на ранее слабо охваченные ей районы. Если ранее преступность была локализована на севере страны, то в 2017–2018 гг. она приходит в города, которые ранее считались относительно безопасными, и распространяется равномерно по всей стране.

В некоторых регионах преступные группировки занимаются так называемой «наркоблаготворительностью» — оказывают социальную помощь, а также помощь в восстановлении инфраструктуры после стихийных бедствий, что потенциально опасно ростом поддержки их деятельности населением.

Наращивание наркокартелями военной мощи, освоение новых рынков и видов преступной деятельности сделали их корпорациями, распространяющими свое влияние далеко за территорию страны. Так, лидер картеля «Синалоа» Хоакин Гусман Лоэра входил в список богатейших людей планеты, по версии журнала Forbes [6]. Он был арестован несколько раз, бежал из тюрьмы строгого режима, в настоящее время вновь задержан и экстрадирован в США, где ожидает приговора.

Нерешенность проблемы роста преступности заставила нового президента Мексики, Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018—наст. вр.), принять решение прекратить войну с наркотиками и амнистировать потребителей.

В качестве мер по противодействию преступности новый президент взял курс на развитие социальных программ. Он также отверг Американский план борьбы с картелями, в котором преобладала военная составляющая («план Мерида»). В ходе своего выступления

в Тихуане президент подчеркнул, что нельзя победить насилие с помощью насилия и предложил экономические меры, направленные на борьбу с бедностью, в качестве способа борьбы с причинами, а не с последствиями криминализации общества.

Говоря о ситуации в Сальвадоре, необходимо отметить, что здесь в числе факторов роста преступности — историческая ситуация, характеризующаяся тем, что после длительной гражданской войны (1979–1992 гг.) у населения осталось большое количество оружия. Это оружие и попадает в руки уличных банд.

Банды Сальвадора являются специфическим явлением, появление которых обусловлено как социально-экономическими, так и социокультурными факторами. Говоря об экономических, необходимо подчеркнуть, что после начала реализации нелиберальных реформ экономическая ситуация в Сальвадоре была отмечена ростом бедности и безработицы. В то же время исследователи связывают рост преступности в Сальвадоре с экспортом «культуры насилия» из США. Банды Сальвадора возникли в американских тюрьмах, они были созданы находящимися там сальвадорцами для защиты от afroамериканских банд.

Многие из участников таких банд были депортированы из США обратно на родину. Усвоенные реэмигрантами образцы поведения, нормы и ценности американских уличных банд они успешно распространили в преступной среде страны происхождения. Сами участники банд называют в качестве причин вступления «бедность, социальное исключение, недостаток возможностей по трудоустройству и получению образования» [7].

Таким образом, банды Сальвадора были, среди прочего, продуктом регионального процесса экономического отчуждения и межкультурного обмена. В данном контексте импортированные извне культурные нормы и модели идентичности, сформировавшиеся в условиях имущественного и социального расслоения североамериканских мегаполисов, оказались востребованы молодежью неблагополучных латиноамериканских кварталов. Соперничество банд между собой обеспечивало их внутреннюю сплоченность.

Государственная политика по противодействию преступности длительное время включала исключительно меры, связанные с ответным использованием насилия. Декларировалась политика «нулевой терпимости» к деятельности преступных группировок. Были приняты законы, допускающие лишение свободы за предполагаемую

связь с бандами. К полицейским операциям привлекались армейские подразделения. На переполненные тюрьмы обрушился поток новых заключенных.

При задержаниях имели место многочисленные нарушения прав человека. В конечном итоге репрессивные меры государства привели к противоречивым итогам. Они способствовали укреплению криминальных сетей, установлению связей между разрозненными ранее группировками, формированию иерархических отношений в сообществе, управлявшемся ранее преимущественно горизонтально. Сплочению различных банд также способствовало решение не допускать объединения в рамках одной тюрьмы представителей двух основных соперничающих криминальных группировок.

Смена правоохранительными органами стратегии борьбы с преступностью произошла в 2011 г., когда все стороны конфликта осознали необходимость диалога и неэффективность силового подавления преступной деятельности. В 2012 г. при посредничестве католической церкви прошли переговоры, и между конкурирующими бандами было заключено перемирие. Заключение соглашения привело к снижению уровня насилия [8], в то же время способствовало институционализации преступности, признанию преступных групп в качестве субъекта переговорного процесса и, соответственно, политической силы. По мере развития сальвадорской преступности она включается в транснациональные преступные сети, демонстрирует способность к трансформации и саморазвитию, что обуславливает сложность противодействия ей властями страны.

Таким образом, политика силового подавления преступности не принесла успехов в Мексике и Сальвадоре. Проблема организованной преступности тесно связана с проблемой коррупции и слабости формальных политических институтов. Опыт Мексики и Сальвадора свидетельствует, что для успешного решения проблемы организованной преступности необходимы скоординированные усилия государства и гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Latin America is the world's most violent region. A new report investigates why. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2018/04/25/latin-america-is-the-worlds-most-violent-region-a-new-report-investigates-why/> (дата обращения: 03.05.2019).

2. Latin America: The Most Unequal Region in the World. URL: <https://www.focus-economics.com/blog/inequality-in-latin-america> (дата обращения: 03.05.2019).
3. *Попова Л. Л.* Кризис общественной безопасности в Мексике: истоки и уроки // Политические изменения в Латинской Америке. 2014. № 1 (15). С. 42–50.
4. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / отв. ред. Мартынов Б. Ф. М. : ИЛА РАН, 2014. Серия «Аналитические тетради ИЛА РАН». Вып. 24. 96 с.
5. Cartel-Ravaged Mexico Sets a New Record for Murders. URL: <http://time.com/5509216/mexico-murder-rate-sets-record-2018/> (дата обращения: 03.05.2019).
6. Мексиканский наркобарон снова в списке самых богатых людей. URL: <http://ria.ru/world/20110310/344403607.html> (дата обращения: 03.05.2019).
7. *Пономарева А. М.* От уличной группировки к транснациональной криминальной организации: эволюция Mara Salvatrucha сквозь призму социологии (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: Реферативный журнал. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-03-013-014-ot-ulichnoy-gruppirovki-k-transnatsionalnoy-kriminalnoy-organizatsii-evolyutsiya-mara-salvatrucha-skvoz-prizmu> (дата обращения: 03.05.2019).

Пашковский Е. А.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ 2019 ПО ИТОГАМ 1-ГО ТУРА

Аннотация. В статье рассматриваются итоги первого тура выборов Президента Украины 2019 г. В условиях потери поддержки большинства населения действующий Президент Украины получил поддержку в Западных регионах страны. Кандидат от оппозиции получил поддержку в регионах Востока и Центра страны. Кандидаты, занявшие третье и последующие места, также имели свои региональные электоральные базы. Украинское политическое пространство демонстрирует наличие региональных расколов.

Ключевые слова: электоральная география, выборы, Украина, Президент Украины.

Электоральная география как одна из составляющих политической географии представляет научный интерес для исследователей избирательных кампаний. В основе электоральной географии находится метод анализа результатов выборов в пространственном изменении. Сравнение региональных конфигураций, где кандидаты (или партии) занимают относительное большинство на выборах в течение

одного или нескольких циклов, позволяет определить влияние различных неполитических факторов. Такими факторами могут быть исторические, экономические, демографические, этнокультурные особенности регионов, которые составляют государство. В политической науке на эти особенности обратил внимание С. Роккан [1, 56] (в теории социальных расколов упомянут раскол «центр-периферия»), а из отечественных специалистов можно отметить Р. Ф. Туровского [2, 165].

Внутри государств можно выделить макрорегионы (включающие несколько исторических регионов). Наиболее явным примером здесь может стать Украина, которая состоит из большого количества исторических регионов (Галичина, Закарпатье, Волинь, Слобожанщина, Донбасс, Новороссия), но при этом сохраняет унитарный характер и в течение всего периода независимости украинские политические элиты, как правило, игнорируют региональные особенности страны. В период 2004–2014 гг. основное политическое противостояние велось между партиями, представлявшими два макрорегиона — Запад и Центр Украины, а также Юго-Восток Украины [3].

Президентские и парламентские выборы 2014 прошли в условиях постреволюционных изменений. В рамках анализа электоральных изменений можно выделить падение явки избирателей Юго-Востока на выборах Президента Украины и Верховной рады — в 2014 г. она была на десятки процентов ниже, чем у жителей регионов Запада и Центра Украины.

Выборы Президента Украины 2019 г. прошли в два тура. В первом туре со значительным отрывом победил оппозиционный кандидат — Владимир Зеленский, ранее не участвовавший в политической деятельности. Уроженец Кривого Рога, русскоязычный украинец, актер и юморист имел минимальный антирейтинг. Имидж героя политического телесериала «Слуга народа» принес ему общенациональную известность. В отличие от действующего Президента, который выстроил мобилизационный образ лидера с лозунгами «Армия, язык, вера», Зеленский обращал внимания на кризисные явления в политической и экономической ситуации на Украине. Кандидатом, занявшим третье место, стала Ю. В. Тимошенко — бывший премьер-министр Украины в 2007–2010 гг., опыт политической деятельности которой составил более 20 лет.

Владимир Зеленский набрал относительное большинство голосов во всех регионах Украины, за исключением пяти — три региона Западной Украины (в Ивано-Франковской области большинство

голосов было у Ю. Тимошенко, Львовская и Тернопольская области отдали относительное большинство голосов П. Порошенко, на территориях Донецкой и Луганской областей Украины, контролируемые украинским правительством, большинство избирателей отдали предпочтение Ю. Бойко) [5]. П. Порошенко и Ю. Тимошенко вели борьбу за второе место. Электоральные базы обоих кандидатов затрагивали Западную и Центральную Украину.

Остальные кандидаты — лидер партии «Оппозиционная платформа — за жизнь!» Ю. Бойко, бывший министр обороны А. Гриценко, бывший директор СБУ И. Смешко, депутат Верховной рады О. Ляшко, депутат Верховной рады А. Вилкул и политик Р. Кошулинский — получили меньшее количество голосов (от 11.6% у Бойко до 1.6% у Кошулинского). При этом необходимо отметить, что каждый кандидат получал значительную поддержку избирателей в отдельных регионах Украины, по сравнению с общенациональным итогом голосования.

Региональная поддержка кандидатов

Политик	Результаты в областях (отклоняющиеся от среднеарифметического)	Регионы наибольшей электоральной поддержки
Бойко	Луганская; Донецкая; Харьковская; Одесская; Запорожская; Херсонская; Днепропетровская	Донбасс, Южная и Восточная Украина
Гриценко	Львовская; Тернопольская; Ивано-Франковская; г. Киев	Галичина, г. Киев
Смешко	Черкасская; г. Киев; Винницкая; Киевская; Черниговская; Житомирская; Сумская; Полтавская; Хмельницкая	Центральная Украина, г. Киев
Вилкул	Донецкая; Днепропетровская; Луганская; Харьковская; Одесская; Запорожская; Херсонская	Донбасс, Новороссия
Ляшко	Черниговская; Волынская; Ровенская; Хмельницкая; Житомирская; Кировоградская; Винницкая; Сумская; Черкасская; Черновицкая; Полтавская; Тернопольская; Закарпатская	Центральная Украина, Волынь, Буковина, Закарпатье
Кошулинский	Ивано-Франковская; Тернопольская; Львовская	Галичина, Волынь

Таким образом, электоральное пространство Украины делится на исторические регионы, каждый из которых представляют местные политики. Избиратели демонстрируют склонность поддерживать кан-

дидата, который апеллирует к ценностям и запросам «своего» региона. Избрание Президентом В. Зеленского, получившего относительное большинство голосов в большинстве регионов Украины, не отменяет важность региональных особенностей украинского пространства. Успех В. Зеленского связан с полным отсутствием политической деятельности у кандидата и является исключением, подтверждающим правило. Таким образом, украинский кейс подчеркивает важность изучения электоральной географии страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Centre-Periphery Structures In Europe / Rokkan et al. (eds.). N. Y., 1987. P. 54–63.

2. *Туровский Р. Ф.* Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // *Полития*. 2016. № 1 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalizatsiya-i-regionalizatsiya-partiynyh-sistem-podhody-k-issledovaniyu> (дата обращения: 06.09.2019).

3. *Черкашин К. В.* Электоральная география постпереворотной Украины и новая расстановка сил в стране // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnaya-geografiya-postperevorotnoy-ukrainy-i-novaya-rasstanovka-sil-v-strane> (дата обращения: 06.09.2019).

4. Сведения о кандидате в Президенты Украины В. Зеленском. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp005pt021f01=233pt001f01=719.html> (дата обращения: 06.09.2019).

5. Выборы Президента Украины 2019 г. Официальный сайт Центральной Избирательной системы Украины. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2019/wp300pt001f01=719.html> (дата обращения: 06.09.2019).

Попова О. В.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ДИСФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ¹

Аннотация. В статье приведены результаты анализа данных эмпирических исследований 2018 и 2019 гг., выполненных в рамках реализации гранта РФФИ № 18-011-00756 «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства». Автор анализирует систему

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 18-011-00756 «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства».

факторов, определяющих доверие/недоверие к инструментам цифрового государственного управления. Отношение к услугам цифрового правительства определяется востребованностью и удобством использования предлагаемых технологий, доверием к электронному документообороту, институциональным и политическим доверием.

Ключевые слова: общественное мнение, политическое и институциональное доверие, цифровое государственное управление.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

«УЗКИЕ МЕСТА» ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Vox rópuli vox Déi. Эта известная формула отношения к значимости общественного мнения в современных государствах вне зависимости от типа политического режима благополучно «канула в Лету». Даже в странах так называемой «стабильной демократии» можно наблюдать «все более и более активизирующуюся критику общественности в отношении политической системы за неспособность избираемых должностных лиц действовать транспарентно и подконтрольно обществу и его институтам» [1, 118]. Институты власти заинтересованы в получении точнейшей информации о массовых настроениях в исключительно высокой степени, но их интересует прежде всего достоверная информация о реакции населения на свои действия и проекты, а также способы оперативного реагирования с целью ликвидации даже потенциальных протестов, чем информация о запросах населения для разработки политического курса. Но это обстоятельство отнюдь не отменяет необходимости для ученых — политологов, политических социологов и политических психологов — изучать общественное мнение по наиболее значимым для государства и социума вопросам.

Наиболее заметным трендом политического управления в нашей стране в последние годы является реализация политики цифровизации. Конечно, в эту политику списываются и программа реализации проектов электронного правительства, и политика информатизации взаимодействующих с гражданами в социальной сфере государственных структур, и многое другое. Можно выделить две ключевые проблемы развития цифрового управления с точки зрения общественного мнения.

Первая ключевая проблема — сложности при развитии цифрового управления в государстве, обеспечение информационной безопасности отдельного конкретного индивида. Эта проблема стоит

достаточно остро. Риски нарушения прав человека в связи с размещением его персональных данных в онлайн-пространстве не могут рассматриваться как только техническая проблема. Сейчас можно говорить о новом поколении прав человека. Мало кого из исследователей ныне смущает понятие цифровых прав человека (право на доступ к Интернету, право на регулирование информации о себе, «право на забвение» и т. д.). Неизбежно возникает вопрос о гарантиях права на конфиденциальность персональных данных, которые становятся доступными не только для властных структур, но и для других политических акторов, для организаторов коммерческого маркетинга товаров и услуг и т. д. Право на защиту персональных данных является фундаментальным, поскольку связано с правом на защиту частной жизни. С одной стороны, российское законодательство в этом направлении действует вполне успешно в русле традиций законодательства европейского, а эксперты сетуют лишь на отсутствие института специального уполномоченного, который мог курировать эту сферу. С другой стороны, декларируемое законодателями право на частную жизнь и ее неприкосновенность в современном мире достаточно эфемерно. Меняется время, само понятие человеческого, понятие прав человека в условиях технологической революции 4.0.

В современном мире государство в известном смысле претендует на присвоение понятия и логики прав человека, претендует на право интерпретировать права человека. Российские юристы, занимающиеся этими вопросами, сетуют на отсутствие независимого института, который бы контролировал ситуацию с защитой персональных данных. С развитием цифрового правительства возникает ряд системных конфликтов. Это и возможность несанкционированного использования личных данных без согласия человека, передача их «третьим лицам», отказ от обезличивания информации при использовании технологий больших данных для политических и маркетинговых целей, распространение устаревшей или недобросовестной информации о конкретной личности, нарушение границ личной жизни и т. д. Ситуация усугубляется ростом рисков тотального контроля, возможной утраты персональных данных, недобросовестного, а то и просто криминального использования этих данных. В ситуации широкой представленности в сети фейковой информации эти вопросы вырастают в существенную правовую проблему.

Вторая серьезная проблема — дефицит доверия институтам власти и, возможно, предлагаемым политической элитой проектам. Выполняя серию важнейших функций в социуме (коммуникативную, деятельностьную, интегрирующую, перцептивную, управленческую, ориентирующую, прогностическую и стабилизирующую), доверие при всей сложности социальных и политических отношений обеспечивает положительное отношение к объекту, тем самым снижая уровень напряженности. Доверие как позитивные ожидания субъекта относительно поведения другого субъекта интерпретируется как процесс иррациональный (не требующий целерационального обоснования) и коммуникативный. Можно говорить о дуальной сущности доверия как одновременно явления и процесса, и групповой характеристики, и личностной, как состояния ожидания, отношения, чувства, процесса социального обмена и передачи информации и иных значимых благ.

На институциональное доверие населения в странах и демократического, и авторитарного транзита «существенным образом воздействуют политические и экономические факторы» [2, 92]. В отношении темы доверия к развитию политики цифрового управления у исследователей возникает вопрос о возможности редукции отношения населения к политическим институтам и элите на проекты, связанные с развитием новых технологий во взаимодействии социума и власти.

ДИЗАЙН И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В октябре 2018 и ноябре 2019 г. в рамках реализации проекта «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства» (Гранта РФФИ № 18–011–00756) с целью выяснения отношения населения к политике цифровизации управления были проведены два эмпирических исследования «Граждане и электронные платформы цифрового правительства». Первое исследование — пилотное на основе метода личного стандартизованного интервью (вид выборки — квотная несвязанная; контроль выборки — пол, возраст, образование, район проживания; регионы — Санкт-Петербург, Ленинградская область). Второе исследование — массовое методом телефонного интервью в 10 регионах с наиболее высоким уровнем качества

электронных услуг (объем выборки — 1200 респондентов, вид выборки аналогичен первому исследованию, опрос проводился в Москве, Московской и Тульской областях, Санкт-Петербурге, Белгородской, Смоленской, Ульяновской областях, Республике Башкортостан, Ярославской и Тамбовской областях). Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS. 23.

Проверка гипотезы о связи между доверием политическим институтам и цифровому управлению основывалась на учете комплексного показателя обоих параметров. Исследователи исходили из гипотезы, что доверие институтам власти является показателем политической лояльности. Учитывался уровень доверия следующим структурам: Президенту РФ, премьер-министру, правительству, Совету Федерации, Государственной думе, главе региона, региональному парламенту, органам местного самоуправления. Анализ данных и пилотного, и основного исследования показал значительную долю российских граждан, показатели доверия власти которых крайне невысоко (учитывались варианты ответа «не доверяю совсем», «скорее не доверяю», «затрудняюсь ответить»). На основе учета ответов респондентов этим институтам выяснилось, что не испытывают высокое или умеренное доверие вообще ни к одному институту власти около 46: респондентов. Низкая степень доверия примерно у четверти опрошенных, средняя — у 11–12%, высокая — у 15–17%.

Положительно оценивают расширение технологий электронного документооборота не менее 2/3 респондентов, больше половины отмечают удобство использования технологии электронного документооборота и ускорение решения вопросов при использовании электронного документооборота. Но при этом менее 40% доверяют электронному документообороту и лишь около 30% считают, что при использовании электронного документооборота обеспечивается информационная безопасность и конфиденциальность личных сведений. Наблюдается высокая степень тревожной убежденности респондентов в возможности тотального контроля со стороны государства за гражданами в процессе использования электронного документооборота (4/5 респондентов волнует проблема «Большого Брата»).

В результате выполнения факторного анализа с включением параметров, характеризующих отношение к цифровому управлению,

и доверием к институтам власти, выяснилось, что в пространстве оценки развития цифрового управления институциональный фактор доверия имеет очень низкое влияние (таблица 1).

Таблица 1

**Модель факторов отношения к цифровому управлению
(факторный анализ)**

Матрица компонентов после вращения ^a			
	Компонент		
	1	2	3
Активность использования технологий услуг электронного правительства	0,817		
Удобство использования электронного документооборота	0,696		
Поддержка расширения использования технологий электронного документооборота	0,691		
Скорость принятия решений при использовании электронного документооборота	0,621		
Удовлетворенность результатами обращения	0,584		
Тревога по поводу тотального контроля со стороны государства при использовании электронного документооборота		-0,806	
Информационная безопасность при использовании электронного документооборота		0,645	
Положительное отношение к цифровой экономике		0,634	
Доверие электронному документообороту		0,586	
Доверие институтам власти			0,734
Достаточность информирования государством об электронных государственных услугах			0,678
Конфиденциальность личных сведений при использовании электронного документооборота			0,572

О качестве полученной модели свидетельствуют высокие показатели объясненной дисперсии и коэффициенты факторной нагрузки. В результате выполнения факторного анализа были выявлены три фактора.

1. «Эмоциональная позитивная оценка технологической стороны цифрового управления» (активность использования услуг цифро-

вого правительства, удобство использования электронного документооборота, позитивное отношение к расширению использования его разнообразных технологий и представление о высокой скорости решения вопросов).

2. «Оценка возможностей электронного документооборота и развития цифровой экономики» (информационная безопасность при использовании электронного документооборота, доверие электронному документообороту, положительное отношение к цифровой экономике). Следует обратить внимание на отрицательное значение высокого коэффициента факторной нагрузки у переменной «Тревога по поводу тотального контроля со стороны государства при использовании электронного документооборота» (-0,806).

3 «Пакт доверия» (доверие институтам власти, достаточность информирования государством об электронных государственных услугах, сохранение конфиденциальности личных сведений при использовании электронного документооборота).

В настоящее время на сайте Госуслуг, который является наиболее востребованным инструментом цифрового управления, зарегистрировано свыше 60 % взрослого населения нашей страны. Регрессионный анализ показывает, что наличие опыта использования этого портала определяется возрастом граждан (стандартизованный коэффициент регрессии Бета равен +0,473) и субъективным представлением об удобстве для пользователей системы электронных государственных услуг (стандартизованный коэффициент регрессии Бета равен +0,460).

Представление населения о целесообразности расширения электронного документооборота связано с фактором доверия к нему (коэффициент Пирсона равен +0,540). В свою очередь доверие электронному документообороту связано с наличием практики использования электронной подписи (коэффициент Пирсона равен +0,371).

В целом можно говорить о повышении доверия к цифровым технологиям управления по мере увеличения практик их использования.

Этот тезис подтверждают и результаты факторного анализа, контрольной переменной выступил показатель доверия электронному документообороту (таблица 2). Объяснительная способность модели (объясненная совокупная дисперсия) составила 76,76 %.

**Модель факторов доверия электронному документообороту
(факторный анализ)**

Матрица компонентов после вращения ^{a,b}					
	Компонент				
	1	2	3	4	5
Опыт использования портала Госуслуг	0,903				
Отношение к расширению электронного документооборота	0,856				
Предпочтительный способ подачи документов	0,720				
Не пользуюсь Интернетом		0,819			
Достаточность информирования населения об электронных госуслугах		0,716			
Основание тревоги по поводу нарушения права тайны частной жизни, тотального контроля со стороны государства		0,645			
Знание и/или использование электронной подписи		-0,530			
Опыт обращения в МФЦ			0,901		
Удовлетворенность обращения в МФЦ			0,900		
Личная информационная безопасность граждан при использовании электронного документооборота				0,777	
Гарантии конфиденциальности личных данных при использовании электронных платформ				0,748	
Отношение к развитию цифровой экономики в РФ				0,658	
Скорость делопроизводства в госструктурах после введения электронного документооборота					0,94
b. В фазе анализа используются только наблюдения, для которых 18. Доверие к электронному документообороту = 1. Доверяю полностью.					

Проведенный факторный анализ позволил выделить 5 факторов:
1 фактор — «Опыт владения инструментами электронного документооборота».

2 фактор — «Информационная грамотность».

3 фактор — «Результаты использования инструментов доцифрового управления».

4 фактор — «Информационная безопасность».

5 фактор — «Минимизация временных затрат пользователей электронными услугами».

ОСНОВНЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Медианное значение использование услуг цифрового правительства — 2. Основные социально-демографические факторы интенсивности использования услуг цифрового правительства — возраст и образование респондентов.

В массовом сознании представление о сути цифровой экономики не актуализировано (хотя положительно оценивают эту тенденцию чуть менее половины респондентов, их представление о цифровой экономике связывается преимущественно с электронным маркетингом и торговлей, а не с глобальными проектами в области цифровизации производства и энергетической или транспортной инфраструктуры).

Наблюдается низкая удовлетворенность населения информационной политикой государства по вопросам оказания органами государственного управления цифровых услуг (положительно ее оценивают не более 25 %).

Отношение к использованию услуг цифрового правительства определяется 3 группами факторов: а) комфортностью и востребованностью предлагаемых услуг; б) доверием к электронному документообороту; в) институциональным доверием.

Наблюдается высокая тревожность населения по поводу расширения возможностей тотального контроля за гражданами вследствие использования услуг цифрового правительства.

Поддержка расширения сферы электронного документооборота определяется доверием его применения и позитивным отношением к практикам безличной коммуникации с органами власти.

Базовым маркером отношения к цифровому правительству является оценка использования портала Госуслуг, которая в свою очередь определяется возрастом и образованием респондентов, а также наличием у респондентов практики использования электронной подписи.

Показатели различным аспектам доверия электронного документооборота относительно низки.

Доверие к электронному документообороту определяется: позитивным опытом использования портала Госуслуг, информационной грамотностью граждан, успешным опытом обращения к формам доцифровых услуг, личной безопасностью пользования услугами, скоростью решения вопросов, позитивной оценкой увеличения скорости рассмотрения вопросов, отношением к цифровой экономике, поддержкой расширения сферы его применения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пилотное исследование 2018 г. (анализировалось общественное мнение жителей двух регионов — Санкт-Петербурга и Ленинградской области) и массовый опрос 2019 г. показали, что самую большую проблему наши граждане видят в кошмаре «Большого Брата» Джеймса Оруэлла — тотальном контроле государства за каждым из своих граждан. При этом прямая корреляция между осознанием этой проблемы и доверием к органам власти не обнаружена. Нуждается в дополнительной проверке гипотеза относительно влияния межпоколенческих и образовательных расколов общества на отношение к реально увеличивающемуся контролю над частной жизнью человека со стороны властных институтов вне зависимости от типа политического режима государства.

В топ-лист причин беспокойства граждан относительно последствий расширения цифрового управления вошли опасения граждан по поводу «подглядывания» государства за своими гражданами (четыре пятых респондентов), риски утраты данных на электронном носителе и невозможность их восстановления при отказе от бумажных документов (около двух третей респондентов), риски несанкционированного и бесконтрольного распространения личных данных и использования их в незаконных целях (более половины опрошенных).

С одной стороны, налицо достаточно высокие показатели тревожности граждан по поводу негативных эффектов цифрового управления. С другой стороны, присутствует и достаточно узкое осознание этой ситуации, интерпретация ее как рисков конкретного индивидуума, а не как системной проблемы нарушения прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курюкин А. Н. Политическое доверие в России и США: Опыт сравнительного анализа // Власть. 2018. № 8. С. 118–123.
2. Терин Д. Ф. Конструкция политического доверия в России // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 2. С. 90–109.

Рябова Т. Б., Панкратова Е. В.

КИНООБРАЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: СЛУЧАЙ «ДОКТОРА СТРЕЙНДЖЛАВА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП)¹

Аннотация. Рассматривается восприятие современными россиянами кинообразов Холодной войны на примере оценки фильма С. Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» (1964). Отмечается, что россияне считают, что в изображении СССР и советских граждан (чиновников и военных) фильм полностью воспроизводит стереотипы Холодной войны. Советская сторона характеризуется исключительно негативно, в отличие от американской. Авторы показывают сохранение идентификации российских граждан с советским прошлым и гомогенность их оценок.

Ключевые слова: Холодная война, фильм «Доктор Стрейнджлав», кинематограф США, образ врага, пропаганда, российско-американские отношения.

В 1964 г. на киноэкраны вышел фильм С. Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу». О значении этого фильма говорит уже то, что в 1989 г. он вошел в число самых первых двадцати пяти американских картин, которые были переданы в Библиотеку Конгресса Комиссией по сохранению национального кинонаследия. По случаю его пятидесятилетия, в 2014 г., про фильм говорили как о самом каноническом, возможно, фильме эпохи Холодной войны [6].

Помимо своих художественных достоинств, лента привлекла внимание и политической позицией режиссера, к тому времени уже знаменитого: в ней высмеивались американские «ястребы» Холодной войны и акцентировалось внимание на абсурдности ядерного

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ».

апокалипсиса. Этому фильму посвящен значительный массив исследовательской литературы, включающий несколько монографий и десятки статей [напр.: 14; 11; 9; 5; 8], в этих работах показано, что фильм стал переломным для американского дискурса Холодной войны. В частности, исследователи отмечают, что работа Кубрика выступила в качестве манифеста идеологии либерального консенсуса, в ходе которого были преодолены маккартистские настроения 1950-х гг. [10].

Дискуссии об этом фильме не прекращаются и сегодня, более полувека спустя после его появления. В недавно опубликованной статье Дж. Дейча показано, что после выхода на экран он вызвал противоречивую реакцию; многие комментаторы в США обвиняли картину в антиамериканизме, в то время как в кинокритике стран Восточного блока она была встречена положительно [6]. Мы бы хотели внести свой скромный вклад в эти дискуссии, обратившись к проблеме, которая еще не исследовалась, а именно: как этот фильм воспринимается в сегодняшней России? Мы постараемся ответить на два вопроса: во-первых, согласны ли граждане России с тем, что этот фильм знаменует отказ от стереотипного изображения двух сверхдержав Холодной войны; и, во-вторых, в какой степени они идентифицируют себя с персонажами фильма.

Как известно, кинематограф играл очень важную роль в Холодной войне. Многочисленные исследования выявили, в частности, что, с одной стороны, кинематографические образы использовались в качестве оружия в пресловутой борьбе за сердца и умы, а с другой — советско-американская конфронтация выступала значимым фактором развития кинематографа, будь то организация кинопроизводства, содержание фильмов или их интерпретация критиками [напр.: 13; 12; 7; 4; 1]. Однако вопрос о том, как эти образы воспринимаются сегодня, почти не исследовался. Между тем это актуально еще и потому, что мы видим попытки использования этих кинообразов в современной символической политике, в том числе в контексте нынешнего обострения отношений между Россией и странами Запада, которые иногда называют «новой Холодной войной» [2].

Для решения задачи исследования рецепции кинообразов Холодной войны в современной России нами было проведено фокус-групповое интервью. Данный метод был выбран по причине возможности использования стимульного материала, в качестве кото-

рого выступили фрагменты советских и американских фильмов периода Холодной войны.

В четырех фокус-группах, проводившихся в городах Санкт-Петербург¹ и Иваново в ноябре 2018 г., приняли участие 29 информантов, которые были разделены по возрасту на старшее (от 45 лет и старше) и младшее поколение (от 18 до 30 лет). Среди информантов были женщины и мужчины с разным уровнем образования и политическими предпочтениями. Стимульным материалом послужили фрагменты фильмов Холодной войны — советские и американские; одним из них был фильм «Доктор Стрейнджлав».

В ходе социологического исследования нами были получены данные по различным аспектам рецепции кинообразов Холодной войны [о некоторых из них см. : 3]. Что касается фильма «Доктор Стрейнджлав», то информанты, сравнивая черты образов представителей СССР (премьер-министр Киссов, посол в США де Садецкий) и США (президент Маффли), рассуждали о том, можно ли этот фильм считать свободным от антироссийских стереотипов Холодной войны и высказывали свое отношение к нему.

Участники фокус-групп отметили, что, в то время среди американцев есть как отрицательные, так и положительные персонажи, а советская сторона характеризуется исключительно негативно. Президент США оказывается рыцарем в белых одеждах; участники фокус-групп полагают, что создатели фильма наделяют его такими характеристиками, как «деловой», «вежливый», «дружелюбный», «твердый», «уверенный в себе», «компетентный», «человечный», «ощущает ответственность за все человечество». Его визави, руководитель СССР, наделяется, по мнению информантов, такими чертами, как «недалекий», «безответственный», «склонный к пьянству», «морально неустойчивый». Наконец, советский посол представлен как «примитивный», «бескультурный», «жадный», «лживый», нахальный, «с дурными манерами», «лишенный вкуса» «недружелюбный». В целом, по мнению информантов, фильм воспроизводит стереотипы Холодной войны, подкрепляя те черно-белые картины мира, которые формировались при помощи кинематографов двух стран. Обсуждение фильма показало сильную эмоциональную реакцию информантов на образ советских граждан.

¹ Благодарим С. В. Смаль (РГПУ им. А. И. Герцена) за работу с информантами в Санкт-Петербурге.

Такие репрезентации, по признанию опрошенных, задевали их чувства, что говорит о сохраняющейся идентификации современных россиян с советским прошлым.

В ходе исследования было установлено, что представления информантов были достаточно гомогенными, они не зависели от пола, образования, места проживания и политических предпочтений информантов; фактором, дифференцирующим мнения информантов в наибольшей степени, выступил их возраст.

Подведя итоги, отметим, что политическое поведение определяется многими факторами, среди которых заметную роль играют существующие в обществе представления. Одним из источников этих представлений являются те образы, которые производятся кинематографом. Кино не просто отражает реальный мир, но и творит его. При этом создаваемые кинематографистами интерпретации социально-политической реальности оказывают воздействие на аудиторию во всем мире в течение продолжительного периода и к тому же достаточно легко актуализируются. Это особенно актуально для кинематографа Холодной войны, и, анализируя существующие в России и США стереотипы и предрассудки в отношении друг друга, необходимо учитывать, что для российского и американского зрителя и избирателя одни и те же образы могут иметь различные смыслы и вызывать различные ассоциации. Это еще раз подчёркивает значимость компаративного анализа восприятия в разных странах одних и тех же образов и сюжетов фильмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рябов О. В.* «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!» Образ США в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946–1963) // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 2. С. 89–103.

2. *Рябова Т. Б.* «Белое солнце Пальмиры»: Маскулинность киногероев Холодной войны в современной символической политике // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 4. С. 36–48.

3. *Рябова Т. Б., Панкратова Е. В.* «Cold Warriors» глазами современных россиян: Рецепция кинообразов маскулинности американских военных периода Холодной войны // *Женщина в российском обществе.* 2019. № 4. С. 29–40.

4. *Федоров А. В.* Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М. : Информация для всех, 2010. 202 с.

5. *Bliddal H.* The joke's on you: International relations and Stanley Kubrick's Dr. Strangelove Classics of International Relations: Essays in Criticism and

Appreciation / ed. H. Bliddal, C. Sylvest, Peter Wilson. Routledge, 2013. P. 118–127.

6. *Deutsch J. I.* «No communist could dream of a more effective anti-American film»: Dr. Strangelove and its red reviewers // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. 2016. Vol. 36. № 1. P. 40–52.

7. *Gillespie D.* *Russian Cinema*. Oxfordshire, England; New York: Routledge, 2014.

8. *Higgins S.* Purity of essence in the Cold War: Dr. Strangelove, paranoia, and bodily boundaries // *Textual Practice*. 2018. Vol. 32. № 5. P. 799–820.

9. *Kirshner J.* Subverting the Cold War in the 1960s: Dr. Strangelove, The Manchurian Candidate, and The Planet of the Apes // *Film & History: An Interdisciplinary Journal of Film and Television Studies*. 2001. Vol. 31, № 2. P. 40–44.

10. *Maland Ch.* Dr. Strangelove (1964): Nightmare Comedy and the Ideology of Liberal Consensus // *American Quarterly*. Vol. 31. № 5. Special Issue: Film and American Studies (Winter, 1979). P. 697–717.

11. *Margot A.* *Henriksen Dr. Strangelove's America: Society and Culture in the Atomic Age*. University of California Press, 1997.

12. *Riabov O.* Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946–1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 1. № 1. P. 193–219.

13. *Shaw T., Youngblood D.* *Cinematic Cold War: the American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010.

14. *Wolfe G. K.* Dr. Strangelove, Red Alert, and Patterns of Paranoia in the 1950's // *Journal of Popular Film*. 1976. Vol. 5. № 1. P. 57–67.

Скоробогатько А. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль идеальных факторов в глобальном социально-политическом процессе. Анализируется взаимодействие России с другими международными акторами, причины глобального кризиса и способы его преодоления.

Ключевые слова: управление, политика, идеал, ценности, кризис, система, общество, цивилизация.

В управлении социальными процессами нуждается всё мировое сообщество. Мировая цивилизация столкнулась с проблемой отсутствия механизмов глобального регулирования и управления.

Причиной тому, на наш взгляд, является множество факторов, среди которых можно выделить основные.

Чаще всего мы сталкиваемся с версией, касающейся смены мирового лидерства. Налицо кризис американской системы политического и экономического господства на нынешнем историческом отрезке. Мировой лидер видел за собою право определять правила игры или тотально влиять на нормы, принятые в мировом сообществе. Сегодня это подвергается сомнению в силу появления новых глобальных игроков в экономической, политической и иных сферах жизни.

Не менее важным является и другой фактор, и он кроется в самих цивилизационных основах западного мира. Прошло ровно пятьсот лет со времени принятия Западом лютеровских реформ. Западная цивилизация достаточно давно и основательно начала отказываться от первохристианской догматики и двигаться к новому религиозному мировоззрению. Это, в свою очередь, отразилось на общественной морали, традициях, укладах, нормах и ценностях. Констатация М. Вебером самого факта глобальной эволюции христианского мировоззрения в западном сообществе [1, 60] нашла своё подтверждение и логическое завершение к началу XXI в. Запад окончательно порвал с системой ценностных координат, существовавших в христианской цивилизации западного мира в дореформенный период.

Попраие всяческих норм морали, в том числе на глобальном уровне, становится новой нормой международных отношений. Можно предположить, что речь идёт о девиации уже не на уровне личностном, групповом, а на уровне жизни целых государств и народов. В этих условиях функционирование всех международных политических, экономических и иных институтов, включая ООН, становится крайне неэффективным. Уровень агрессии и нетерпимости принимает всё более возрастающий размер, и это грозит перерасти в столкновение с перспективой взаимного уничтожения.

Следуя логике общих цивилизационных законов, уместно заметить, что Россия уже прошла в конце XX века через своё падение и геополитическую катастрофу и хотелось бы верить, что у неё выработался иммунитет к этим болезням. Современный Запад во главе с США втягивается в системный кризис. В нынешних условиях речь идёт не только об экономике, но и политике, а также кризисе базисных культурных ценностей. Признаки кризиса были

отмечены достаточно давно самыми прозорливыми людьми Америки. Об этом, в частности, высказывался крупнейший специалист в области макросоциологии И. Валлерстайн в своей книге «Конец знакомого мира. Социология XXI века» [2, 104]. В этой книге, в частности, отмечается, что все исторические системы (какой является мир системы капитализма) приходят к своему концу. С течением времени «эволюция» определённой структуры достигает точки невозврата.

Америка и, в целом, Запад пока ещё на лидирующих позициях, но всё очевиднее становится перспектива обойти лидера западного мира — США такими странами, как Китай и Индия. Для России в этих условиях появляется альтернативное западному миру пространство. Объёмы новых рынков сбыта и инвестиций практически неограниченны. Новые мировые лидеры, что особенно важно, становятся источником, в том числе, и передовых технологий. Особенно это касается Китая, для которого партнёрство с США в экономике дало и это преимущество.

Мир стоит на пороге нового технологического цикла, при этом «любая инновация — это создание нового богатства» [3, 446]. Следует отметить, что новый продукт будет приносить прибыль необязательно тому, кто обладал наибольшими ресурсами до внедрения этой инновации. Посему, важно найти таких международных партнёров, которые бы помогли получить необходимые технологии и возможности освоить огромные природные ресурсы во благо собственного народа.

Современные США повторяют ошибку А. Гитлера, который полагал, что можно объявить войну сразу двум крупнейшим цивилизациям. Американцы намерены успешно бороться одновременно и с Россией, и с Китаем, а также и с их союзниками. В частности, они толкают эти страны к отказу от доллара, как глобального платёжного средства и надёжного инструмента хранения финансовых резервов. Последнее вызывает особое недоумение и выглядит как логически необъяснимый парадокс. Благополучие Америки и её безопасность напрямую связаны с преимуществом использования доллара. Надежды Д. Трампа вернуть в Америку производство и начать производить не зелёную бумагу, а материальные, не виртуальные, продукты следует считать необоснованными. Подрыв статуса доллара может похоронить систему в целом. Современные экономисты связывают рост экономики, уменьшение безработицы, главным

образом, не со структурными реформами Трампа, а с новым витком накачки экономики эмиссионными деньгами.

США планируют увеличение оборонного заказа и, таким образом, поднять экономическую активность. Остаётся только принудить своих союзников покупать по завышенным ценам. Большинство вооружений, производимых США, крайне дороги и серьёзно уступают в этом смысле производимому в России. С помощью таких, во многом уже исчерпавших себя, подходов вряд ли можно решить экономические и геополитические проблемы, встающими перед современными США.

История Соединённых Штатов Америки отмечена крупнейшими достижениями во многих областях человеческой деятельности. Наибольший успех достигался в периоды, когда США мобилизовывали экономику и общественную систему к внешним вызовам. Это, в первую очередь, Вторая мировая война, а также послевоенное противостояние СССР в гонке вооружения. С крушением советского проекта, а с ним и целой социалистической системы, у Америки исчез главный фактор роста и катализатор общественной динамики. Имперский проект во главе с лидером остался сам с собою и миром, в котором нет иного центра силы. США повторяют судьбу Римской империи, повергшей Карфаген и вступившей на путь проедания завоёванных богатств. Испытание богатством, как показала история Древнего Рима, для империи значительно опаснее, чем испытание войной и лишениями. Идея избранности, основанная на прошлых достижениях, не стоит ничего и ведёт любое общество к своему закату. Таковы непреложные цивилизационные законы. Для лидерства нужна идея, которая могла бы консолидировать общество и настроить на самосовершенствование и борьбу. Ответственный идеал нации должен отвечать этим запросам.

Примером, говорящем о кризисе глобальных ценностей и норм, является попытка константинопольской церкви предоставить автокефалию Украинской раскольничьей церкви. Мировое православие до нынешних времён стремилось сохранить внешнее единство. Однако ещё в отдалённые времена, с крушением Византийской империи, начался кризис в мировом православии, как единой системе. Русская православная церковь, в лучшие свои времена, стремилась взять на себя роль мирового православного лидера. В сегодняшней истории православия наступает период, когда Русская православная церковь должна отстоять в чистоте христианские

заповеди и догматы и, тем самым, уберечь христианство от углубления кризиса и падения.

Церковь, решая, казалось бы, свои внутрицерковные проблемы, на самом деле выходит в авангард решения глобальных цивилизационных вопросов. От того, как решится спор вокруг христианских ценностей, будет зависеть и глобальный ценностный выбор мировой цивилизации. В начале третьего тысячелетия начинается решающая битва за человека. Христианство, в лице его последовательных адептов, православной церкви, либо защитит основные базовые ценности человека, либо допустит его гибель, расчеловечивание, и возврат к варварству в новой его редакции.

В связи с обсуждаемой проблемой, касающейся роли идеальных факторов социально-политического развития, правомерно рассмотреть вопрос о целях развития. Общепринятыми показателями успешности развития общества и государства принято считать высокие темпы прироста ВВП, повышение реальных доходов населения, рост потребительской активности. Именно так, в том числе и в прошлой социалистической системе, оценивались результаты функционирования общественного организма. Возникает закономерный вопрос — только ли экономическими показателями измеряется общественное благо. Кроме исключительно материальных благ в российском общественном сознании значимыми считались и чисто идеальные стороны жизни: культура, религия, образ жизни и многое другое, что составляет важную часть цивилизационных основ российского общества. Возникает в этой связи и другой вопрос — а нужно ли повторять экономическую логику государств и цивилизаций, исповедующих идеологию потребления, как высшую ценность.

Российскому обществу, безусловно, нужно лечить социальные язвы, повышать уровень жизни людей, создавать благоприятную среду для расширенного воспроизводства самих людей. С этим никто не станет спорить, но утверждать на уровне государственной политики идеалы потребительского общества, на наш взгляд, является не только ошибкой, но и путём, который должен привести наше общество ко всему тому, что мы осуждаем в западной цивилизации. Наше общество на всех исторических этапах вырабатывало собственное отношение к потреблению, труду и другим важным общественным ценностям. При этом всегда, на что неоднократно обращала внимание русская социальная мысль, Россия искала формулу

абсолютной гармонии общественного бытия. России и её народу, считал Н. А. Бердяев, свойственен духовный максимализм: «Русское и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия — “святая Русь”. Россия грешна, но и в грехе она остаётся святой страной, — страной святых, живущей идеалами святости» [4, 9].

Одним из существеннейших выводов, касающихся глобального социального управления, является нарастание кризисных явлений, как в самой мировой экономической системе, так и в способах её регулирования и управления. Попытка одного из участников экономического процесса отказаться от ранее установленных для всех правил ведёт к коллапсу мирового хозяйственного механизма. В попытках найти собственные преимущества, поменяв правила, содержится угроза для всех, а также для самого инициатора подобных инициатив.

В связи с вышесказанным уместно напомнить о причинах, по которым рухнула социалистическая система. Инициатором её разрушения стали, во многом, внутренние акторы. Роль нашего конкурента, совокупного Запада, носит второстепенный характер. Именно в нашей стране, как основателе социалистической системы и основном поставщике глобальных идей и проектов в социально-экономическом и политическом строительстве, начался с середины 80-х гг. отказ от прежних подходов и поиск, как нам казалось, более правильных и эффективных методов регулирования социалистической системы.

Выбранный нами путь плюрализма в системе идеологических ценностей, в формах и укладах экономики, пересмотр принципов политического управления с отказом от однопартийной системы и ряд других подобных мер в исторически короткий промежуток времени привели не только к крушению социалистической системы, как существенной части мирового сообщества, но и собственную страну к распаду и упадку самих основ экономической и социальной жизни. Одной из главных причин случившейся геополитической и цивилизационной катастрофы являлось, в частности, то, что социалистическая система была системообразующей, она поставила и остальные страны и народы в положение, при котором исчез единый хозяйственный механизм, единый рынок сбыта, возникла угроза и в области национальной безопасности, включая военную. Лишь отдельным странам удалось удержаться в прежней парадигме развития, что лишь доказывает то, что всякая система, если она

не создаёт внутри себя альтернативной реальности, способна на самосохранение. Современный Китай — тому яркий пример.

Нынешняя Россия, частично учтя свой прежний опыт, пытается в ответ на шаги главного инициатора обрушения мировых правил, США, создавать альтернативную систему, в которой будут уважаться права каждого участника, признаваться и действовать инструменты экономического регулирования. Всё это мы наблюдаем в сегодняшнем стремительно меняющемся мире. Мир ищет новые методы глобального управления, и российское общество стремится выработать и предложить всем его принципы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М. : Логос, 2003. 368 с.
3. Кирсанова Е. Г. Глобальное управление или экономическое сотрудничество: к вопросу об инновационном развитии на современном этапе // Международные отношения. 2015. № 4. С. 443–447.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с.

Смаль С. В.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Проблемы социального обеспечения и социальной защиты особо актуальны для города федерального значения Санкт-Петербург, что определяется совокупностью причин, среди которых главной являются демографические особенности (а именно, многочисленное население пожилого возраста) и финансовое благополучие региона. Этот факт подтверждается проведенным сравнительным анализом с положением, наблюдаемым в социальной сфере в Ленинградской области.

Ключевые слова: социальная политика, меры социальной защиты, социальное обеспечение, Ленинградская область, Санкт-Петербург.

11 февраля 2019 г. Правительство РФ опубликовало в виде инфографической брошюры сведения о целевых показателях и основных ожидаемых результатах от реализации национальных

проектов, которые призваны решить задачи, сформированные в майских указах В. В. Путина [1] и в Постановлении Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 [2].

На первом месте ожидаемо расположились национальные проекты, охватывающие здоровье, образование, демографию и культуру [3, 4–31]. Всего в этом аналитическом отчете прописано 13 проектов. Одной из задач, реализуемой в рамках национальных проектов, является «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [3, 15], чего невозможно добиться без конкретных мероприятий, которые можно четко отследить и измерить их эффективность и результативность.

Социальной сфере, очевидно, уделяется значительное внимание как на федеральном, так и на региональном уровне. Конечно, в этой сфере наблюдается значительная дифференциация, начиная с того, что Санкт-Петербург был первым субъектом федерации, где стали появляться специальные законодательные акты обобщающего социального характера. Относительно принятия первого в истории современной России «Социального кодекса» [4], который появился в Санкт-Петербурге 9 ноября 2011 г., а вступил в силу с 1 января 2012 г., необходимо сказать, что процесс был запущен под региональные выборы в Законодательное собрание, однако результатом стал не высокий процент завоеванных «Единой Россией» голосов [5], а новый подход к социальному обеспечению и социальной защите. Затем этот опыт стал распространяться и на другие субъекты Российской Федерации, в том числе свой «Социальный кодекс» [6] был принят в Ленинградской области 25 октября 2017 г. и начал работать с 1 января 2018 г. Всего на апрель 2019 г. всего 5 субъектов РФ кодифицировали законодательство в социальной сфере подобным образом.

Оговоримся, что в рамках этого нового подхода государство взяло на себя обязательства осуществлять социальную политику, исходя из принципов целенаправленности, учета возможностей, реальности, открытости, целостности, адекватности, всеобщности и адресности [7, 11]. Что, однако, не означает, что получатель, ожидает получения услуг, находясь по адресу постоянной регистрации, а наоборот, должен самостоятельно сигнализировать о необходимости предоставления помощи, основываясь на принципах

доказательности [8, 136]. При этом уровень патернализма и ожидания социальных предпочтений от властей высок, особенно в Санкт-Петербурге, что объясняется также и особой демографической ситуацией в городе федерального значения: здесь проживает значительное количество как пенсионеров, так и детей (оба показателя находятся на третьем месте в России после Москвы и Московской области и составляют 29,9% пенсионеров [9], и 26,9% детей до 16 [10], лет подробная статистика ведется также и администрацией Санкт-Петербурга [11]).

Итак, государство, очевидно, осознавая меру ответственности за своих граждан, уделяет много внимания социальной защите в Санкт-Петербурге. Так, только мер поддержки для льготников в Санкт-Петербурге, основываясь на официальных данных [12], насчитывается 76 категорий, при этом туда не включены услуги, оказываемые различным категориям граждан при рождении ребенка, а это еще 26 категорий. Это связано, прежде всего, с тем, что именно в этом регионе существуют возможности для оказания широкого спектра социальной помощи. Речь идет о многофункциональных центрах предоставления услуг (МФЦ) и возможности, а порой и необходимости, например, при записи ребенка в первый класс, использовать и портал «Государственные услуги». Также упомянем общий уровень доходов в городе федерального значения.

В сравнении с другими регионами эта разница ощущается особенно сильно, посмотрим на результаты регионов в специальном РИА-рейтинге. Санкт-Петербург второй, его совокупный показатель в рейтинге качества жизни регионов России составляет 75,88 (Москва предсказуемо расположилась на первом месте — 76,92 балла), Ленинградская область — двенадцатая, 56,61 балл [13]. И эти показатели все равно довольно высокие, ведь сравнение производилось среди всех регионов России, что и обуславливает достаточную проработку социальной помощи в выбранных для анализа регионах.

Как же обстоят дела с оказанием социальной помощи в Ленинградской области? Как было уже сказано ранее, в этом регионе также принят и вступил в силу «Социальный кодекс», его положения, при поверхностно проведенном анализе, производят впечатление кратких, но содержательных (в кодексе всего 13 статей). Оказание мер социальной поддержки в Ленинградской области имеет, безусловно, также свою специфику, связанную, прежде всего, с тем, что

многие жители области работают в городе, а пенсию и прочие социальные выплаты получают по месту регистрации.

Проведем некоторое сравнение положений кодексов в части количественных показателей, а также выделяемых для реализации социальных трат средств. Так, «Социальный кодекс» Санкт-Петербурга насчитывает 53 льготные категории, без учета подкатегорий, а в Ленинградской области положения прописаны поста-тейно, их порядка 70. Но организация именно статей и изложенных в них материалов в кодексах совершенно различна: в Ленинградской области описывается мера социальной поддержки, например, «Бесплатное обеспечение лекарственными препаратами и медицинскими изделиями» (ст. 6.2), и уже внутри этой статьи перечисляются все категории граждан, которые этой мерой пользуются. В Санкт-Петербурге же положения расположены по категориям граждан, и, таким образом, одна и та же мера социальной поддержки может быть прописана множество раз.

Также существуют специфические, оказываемые только в самом субъекте, меры социальной поддержки. Отметим, например, в городе федерального значения такую интересную льготу, как частичная компенсация затрат на капитальный ремонт квартиры (если нет задолженности по оплате квартплаты). Это объясняется тем, что в Санкт-Петербурге из 14688 домов 4038, почти 27,5 % жилого фонда, относится к периоду постройки до 1919 г., поэтому вопрос предоставления выплат на капитальный ремонт стоит остро [14]. Семье, в которой трое детей, власти компенсируют 30 % стоимости ремонта, если в семье от четырех до семи детей — 40 %, а если детей восемь и более — тогда 50 %. В Ленинградской области осуществляется такая поддержка, как выплата парам, прожившим в браке 75 лет (ст. 11.6). В Петербурге поддержка оказывается семейным парам, отмечающим юбилей в 50, 60 и 70 лет совместной жизни (ст. 33.1), а в Ленинградской области законодатель добавил еще и рубежные 75 лет.

Подводя некоторые итоги краткого знакомства с положениями социальной политики, реализуемой в отношении нуждающихся категорий граждан в двух соседствующих регионах, отметим следующее:

1. Социальная защита граждан является на данный момент одной из наиболее остро востребованных, наравне с обеспечением национальной безопасности, функцией государства [8], реализуемой в отно-

шении многочисленных категорий на основании широкого законодательного базиса как на федеральном, так и на региональном уровне.

2. Понятие социальной защиты напрямую связано с дефиницией социального риска, так как именно наступление последнего делает государство необходимым участником новых социальных отношений, а граждан можно назвать ущемленными по отношению к их недавнему социальному положению. Регионы по мере возможности пытаются препятствовать наступлению социальных рисков, связанных с экономическими основаниями, но демографические и экологические социальные риски сложно компенсировать даже в среднесрочной темпоральной перспективе.

3. Модель социальной защиты, реализуемая в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, как и в целом, вся социальная политика в России, относится к постреабилитационной, т. е. оказывающей социальные услуги в случае наступления ситуации социального риска, но не влияющим на причины их возникновения. Социальная помощь, таким образом, может быть охарактеризована как многовидовая и многоуровневая, также двух типов по выплатам (единовременно или ежемесячно), основанная при этом на принципах адресности и всеобщности, но требует при этом обширной доказательной базы, подтверждающей и обосновывающей правомочность предоставления социальных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 29.03.2019).

2. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 28.03.2019).

3. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты на основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98 OOwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).

4. «Социальный кодекс» Санкт-Петербурга. URL: <http://docs.cntd.ru/document/891859785> (дата обращения: 29.08.2019).

5. Официальные результаты выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга 4 декабря 2011 года. URL: http://www.st-petersburg.izbirkom.ru/etc/www_29.pdf (дата обращения: 29.08.2019).
6. «Социальный кодекс» Ленинградской области. URL: <http://docs.cntd.ru/document/555652177> (дата обращения: 29.08.2019).
7. Социальная помощь и государственная поддержка в областях и регионах России. URL: <http://lgoty-vsem.ru/regiony> (дата обращения: 05.03.2019).
8. Смаль С. В. Социальная защита населения как функция современного государства дис. ... канд. полит. наук. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 183 с.
9. Афанасьев С. Анализ численности пенсионеров в РФ. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/110866-analiz-chislennosti-pensionerov-v-rf> (дата обращения: 28.08.2019).
10. Петростат — население. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/population/ (дата обращения: 28.08.2019).
11. Администрация Санкт-Петербурга, раздел Статистика. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_kalinin/statistic/ (дата обращения: 28.08.2019).
12. Администрация Санкт-Петербурга, раздел Денежные выплаты в Санкт-Петербурге различным категориям граждан в 2016 - 2019 гг. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/denezhnye-vyplaty-v-sankt-peterburge-razlichnym-kategoriyam-grazhdan-v/> (дата обращения: 28.08.2019).
13. РИА-рейтинг качества жизни регионов России 2017. URL: <http://www.giarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения: 29.03.2019).
14. Жилой фонд в Санкт-Петербурге. URL: <http://dom.mingkh.ru/sankt-peterburg/sankt-peterburg#stats> (дата обращения: 29.03.2019).

Фролова Ю. Н.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ БАСКСКОГО СЕПАРАТИЗМА В ИСПАНИИ

Аннотация. Автор делает акцент на таких факторах сепаратизма в регионе, как расформирование организации ЭТА, эволюция общественного мнения по вопросу самоопределения, политика современного правительства автономного сообщества.

Ключевые слова: сепаратизм, Страна Басков, ЭТА, автономия, самоопределение.

Борьба за самоопределение в Стране Басков имеет длительную историю, что связано, в том числе, и с их древнейшим происхождением. Принято считать, что конфликт зародился в конце XIX в.,

когда были отменены территориальные привилегии фуэрос, существовавшие в Стране Басков с XIII в. Основным идеологом борьбы басков за независимость был Сабино Арана, который выдвигал идею баскской расы, ключевым аспектом которой был баскский язык. Однако самой известной силой движения за независимость в Стране Басков в Испании является террористическая организация ЭТА. При этом организация отвергала идею Сабино Арана, основанную на понятии баскской расы. Для ЭТА основной целью было создание баскского государства на исторических землях проживания басков во Франции и в Испании на основе территориального принципа.

История терроризма ЭТА является примером классического политического терроризма, смысл которого состоял в том, чтобы с помощью физического устранения известной личности спровоцировать массовые волнения, вплоть до революций [1, 53]. Самым известным актом в деятельности ЭТА было убийство премьер-министра Луиса Каррера Бланко в 1973 г.

ЭТА была создана в 1959 г. как сила, боровшаяся против диктатуры Франко и против тех ограничений, которые возникли при этом режиме в отношении баскского региона. Однако, когда франкизм пал, ЭТА не распустилась, а продолжила борьбу с уже демократической Испанией. Методы вооруженной борьбы оставались теми же, при этом в новых реалиях они оказались неоправданно жестокими и стали терять свою актуальность.

Это и ряд других факторов в итоге привели к роспуску ЭТА, который состоял из нескольких этапов. 20 октября 2011 г. ЭТА объявила об окончательном прекращении вооруженной борьбы. В начале 2017 г. стало известно, что организация собирается сдать властям оружие и в итоге полностью разоружиться. 17 марта это действительно произошло — появилось объявление об окончательном одностороннем и безусловном разоружении. Испанское правительство весьма сдержанно отреагировало на такое заявление ЭТА ввиду того, что за свою историю организация не раз объявляла перемирие, а потом сама же нарушала его. В официальном заявлении по этому поводу говорилось, что решение ЭТА является ничем иным, как «последствием окончательного разгрома» этой организации «испанской демократией» [1, 58].

Еще одним важным событием финала существования организации стала внутренняя дискуссия по вопросу о будущем самоопределения басков, о чем было объявлено через газету Gara в сентябре

2017 г [2]. На рассмотрение оставшихся на свободе членов ЭТА (примерно одна четверть от общего числа участников, остальные отбывают наказание в испанских и французских тюрьмах) были вынесены документы, в которых были сформулированы политические предложения о будущем ЭТА и Страны Басков. Например, речь шла о необходимости полного прекращения вооруженного конфликта с целью решения вопроса с помощью политических методов. Членам ЭТА было предложено принять участие в работе легальных левых баскских националистических партий для достижения независимости.

И точкой в этой истории стал май 2018 г., когда вышло заявление о полном роспуске организации с продолжением борьбы в мирном виде, о котором упоминалось выше. При этом сами члены организации упомянули, что есть возможность существования диссидентов, которые захотят продолжить вооруженную борьбу [3, 11] (примерно 10 % от бывшего состава). Важным вопросом во все время процесса роспуска ЭТА оставался вопрос с жертвами (которых за всю историю было около 800 человек), а именно будут ли принесены извинения родственникам. Однако в своем заявлении ЭТА извинилась лишь перед теми своими жертвами, которые «не принимали прямого участия в конфликте» [4].

Таким образом, современный этап развития баскского сепаратизма характеризуется следующими основными моментами. ЭТА дискредитировала себя неоправданностью своих действий даже среди самих басков, об этом, например, свидетельствуют опросы общественного мнения [5, 73]. При этом даже среди сторонников наиболее радикальной баскской националистической партии «Euskal Herria Bildu» («Единство Страны Басков») только 40 % считает франкистский режим оправданием деятельности ЭТА. Существует также еще два аспекта, повлиявших на роспуск организации. Классический политический терроризм, речь о котором шла выше, оказался в тени нового типа терроризма — на порядок более жестокого, ориентированного на одновременное уничтожение значительного числа случайных людей, который в большинстве случаев имеет религиозную окраску, прежде всего исламистскую [1, 53]. Конфликт по вопросу борьбы басков за самоопределение из вооруженного перешел в политическую плоскость.

Согласно последнему опубликованному опросу общественного мнения только 42 % басков выступают за независимость (при этом

распределение между испанскими провинциями традиционно неравномерное: например, провинция Алава заинтересована в независимости меньше всего — только 37%). С точки зрения формы территориального устройства остается три примерно равноценных варианта развития событий: федерация (имеется в виду процесс преобразования всей Испании в федерацию), автономия и независимость. Однако большинство высказывается за автономию (36%) [6, 40]. В случае получения независимости большинство населения считает, что жизнь станет хуже (33%). Также важно учитывать, что в баскском обществе вопросы политики уже не первый год значительно отодвинуты с приоритетных позиций вопросами экономики, а именно безработицей. При этом средние зарплаты в регионе остаются одними из самых высоких в стране, а продолжительность среднего рабочего дня самой короткой [7, 40]. Что касается отношения к ЭТА, то несмотря на то, что в целом баскское общество не оправдывает действия организации, наметился поворот к более толерантному отношению к заключенным. Большинство опрошенных (38%) считают возможным реинтеграцию в общество членов группировки в независимости от видов их преступлений.

Политику президента Страны Басков Иньиго Уркульо по отношению к центральному испанскому правительству за последние годы можно охарактеризовать как «новый подход» баскской ответственности и правительства автономного сообщества к решению проблемы независимости, и эта политика во многом является противоположной политике каталонского руководства, которую многие, в том числе и в Стране Басков, считают «авантюристичной» [8, 370]. Иньиго Уркульо выступает за расширение автономных прав, а не за независимость. Оценивая прошедший в Каталонии референдум в октябре 2017 г., Иньиго Уркульо высказал общую разочарованность действиями как каталонских, так и испанских властей, сказав, что «проиграли все» [9].

Из вышесказанного следует очевидный вывод о снижении заинтересованности населения региона в получении независимости. Однако на современном этапе нельзя полностью сбрасывать со счетов этот вариант развития событий, так как PNV (националистическая партия) по-прежнему занимает лидирующие позиции. Конечно, в случае развития событий по сценарию независимости возникает ряд сложных моментов. Так, например, почти вся история борьбы за самоопределение относится лишь к испанским баскам,

тогда как французские баскские территории фактически не участвуют в конфликте. Основная причина в экономическом положении: Страна Басков является одним из самых экономически развитых регионов Испании, чего нельзя сказать о французских территориях (Северная Страна Басков). Также не совсем понятно, какие территории должны войти в гипотетически независимую Страну Басков: например, провинция Алава не заинтересована в независимости [10]. На сегодняшний день самым важным аспектом в вопросе является позиция ЕС. Баски готовы стать независимым государством только в рамках ЕС, однако сам Европейский союз занял четкую позицию по этому вопросу [11] и категорически против выхода территорий из состава государств-участников союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов А. А. Кризис политического терроризма // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2018. № 5 (340). С. 52–62.

2. ETA lance une phase decisive // Gara - 18.09.2017. URL: https://mediabask.naiz.eus/en/info_mbsk/20170918/eta-lance-une-phase-decisive (дата обращения: 25.03.2019).

3. Орлов А. А. Дебаты в ЭТА о ее будущем: последний шаг перед роспуском террористического синдиката // Ибероамериканские тетради. 2018. № 1 (19). С. 7–12.

4. ETA anuncia por carta que disuelve “completamente todas sus estructuras” y cierra “su ciclo histórico y su función” // El diario - 02.05.2018. URL: https://www.eldiario.es/norte/euskadi/ETA-disuelve-completamente-estructuras-carta-terrorismo-Euskadi-Aiete_0_767123476.html (дата обращения: 17.02.2019).

5. Euskobarometro. Estudio periodico de la opinion publica vasca. Octubre 2016. URL: <http://www.ehu.eus/documents/1457190/1525260/Euskobarometro+octubre+2016+%28castellano%29> (дата обращения: 17.02.2019).

6. Euskobarometro. Estudio periodico de la opinion publica vasca. Octubre 2018. URL: <https://www.ehu.eus/documents/1457190/1525260/EB+2018+octubre.pdf/5f41df21-4582-5522-74e3-7433ba0e6e1a> (дата обращения: 25.03.2019).

7. El Pais Vasco, a la cola de Espana en tiempo de trabajo // El correo. № 34.356. 29.08.2017. P. 40.

8. Басманова А. А., Миссауи-Ульянищева Е. В. Сепаратизм в Стране Басков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 3. С. 365–375.

9. Urkullu: “Se han traspasado líneas rojas pero la relación con el Gobierno de Rajoy debe mantenerse” // El Correo - 02.10.2017. URL: <http://www.elcorreo.com/politica/urkullu-referendum-cataluna-20171002091946-nt.html> (дата обращения: 12.08.2018).

10. Интервью с профессором Alberto de la Peña (Universidad del País Vasco). 26.05.2017.

11. By refusing the request for a new statute for Euskadi Spain is violating the principle of the self-determination of peoples // Parliamentary questions. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2005-0516&language=EN> (дата обращения: 12.08.2018).

РАЗДЕЛ II Трибуна молодых ученых

Баракат Кайс А. М.¹

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ПАЛЕСТИНА

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме политического устройства и управления в Государстве Палестина, а также рассмотрению причин, способствовавших проявлению внутренних противоречий в Палестине.

Ключевые слова: Государство Палестина, Организация освобождения Палестины (ООП), Палестинский национальный совет (ПНС), Движение за национальное освобождение Палестины (ФАТХ), ХАМАС.

Нестабильная ситуация в Государстве Палестина обращает на себя внимание международного сообщества длительное время, а продолжающийся процесс образования палестинской государственности привлекает внимание исследователей к проблеме политического устройства и организации управления в Палестине.

Начало формирования органов государственной власти Палестинской автономии относится к 1993 г., когда между Организацией освобождения Палестины и Израилем был подписан договор о создании самоуправления в Палестине, что позволило Палестинской администрации установить контроль над значительным количеством территорий Западного берега реки Иордан и Сектором Газа.

На данный момент Государство Палестина является полупрезидентской многопартийной республикой. Основным законом государства является Конституция 2003 г., изменения в которую могут быть внесены Законодательным советом Палестины при получении большинства в 2/3. Главой Палестинского государства является президент. Президент избирается сроком на четыре года, при этом один человек не может занимать должность президента

¹ Научный руководитель: д-р полит. наук, заведующая кафедрой политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена Л. А. Гайнутдинова.

более двух сроков подряд. Президент Государства Палестина наделён широкими полномочиями и является главнокомандующим силами безопасности, определяет внешнюю политику государства, имеет право налагать вето на законопроекты правительства, издавать различные указы, а также назначать премьер-министра. На сегодняшний день президентом Палестины является Махмуд Аббас [1].

Парламент Палестины называется Палестинский законодательный совет и состоит из 132 представителей, избираемых на четыре года. С 2007 г. выборы в парламент должны проводиться по пропорциональной системе, при этом часть депутатов должна являться христианами и женщинами. Спикер Законодательного совета является вторым лицом государства, а также имеет право исполнять полномочия президента в случае его смерти или отставки. На данный момент спикером Законодательного совета является Абдель Азиз Дуэйк, представляющий движение ХАМАС [2, 456].

Важно отметить, что в Государстве Палестина существует также и Палестинский национальный совет, который состоит более чем из 700 членов и должен представлять интересы не только жителей Государства Палестина, но и живущих за рубежом беженцев. Стоит заметить, что до 2018 г. Национальный совет не собирался более 20 лет, что связано с разногласиями участников. Последнее заседание проходило с 9 по 13 апреля 2018 г., а основной темой стало обсуждение вопросов решения различных проблем Палестины, а также расширение демократизации государства. Однако оппоненты Махмуда Аббаса заявляют, что данная сессия собралась не для решения проблем Палестины, а с целью легитимизировать президентство Аббаса в попытке преодолеть раскол между ХАМАС в Секторе Газа, а также Палестинской администрацией на Правом берегу Иордана [3].

Региональное управление в Государстве Палестина разделено на 16 мухафазов, 11 из которых находятся на Западном берегу реки Иордан, а 5 в Секторе Газа. Управление территориями на Западном берегу регулируется палестино-израильским соглашением 1995 г. Согласно этому соглашению все мухафазы разделены на три категории. К первой относятся территории, управление на которых полностью осуществляется Палестинской администрацией, во вторую категорию входят мухафазы, находящиеся под совместным управлением с Израилем, а к третьей принадлежат те, что полностью контролируются Израилем [4, 241].

Стоит заметить, что из-за острых противоречий между ФАТХ и ХАМАС функционирование парламента и исполнение положений конституции оказалось практически невозможным, а парламентские выборы 2006 г. оказались последними на данный момент.

Противоречия между ФАТХ и ХАМАС проявились после избрания первым президентом Палестины лидера ФАТХ Ясира Арафата, на которого возлагались надежды по созданию институтов государственной власти в Палестине, а также налаживанию международных отношений. Однако недовольство движения ХАМАС уступками Израилю способствовало крайнему обострению внутреннего положения в Палестине, что осложнило функционирование Палестинской администрации уже сразу после её создания [5, 69].

Новый виток внутренних противоречий, осложнивших управление Палестиной, случился в 2004 г. после смерти Ясира Арафата и избрания на должность президента Махмуда Аббаса, который также являлся лидером движения ФАТХ. Данные события привели к тому, что в Секторе Газа началось вооружённое противостояние ФАТХ и ХАМАС. Боевые действия привели к утрате контроля за территорией Сектора Газа со стороны ФАТХ и установлению власти ХАМАС в регионе. На данный момент Сектор Газа является самоуправляемой территорией, на которой функционирует своё собственное законодательство, основанное на законах шариата, некоторых законах времён Османской империи, а также времён британского владычества. В Секторе Газа функционирует государственная прокуратура, а также ряд гражданских и военных судов [3].

Президент Аббас после своего избрания в 2005 г. попытался провести ряд неолиберальных реформ в Палестине под руководством премьер-министра Саяма Файяда, что должно было способствовать развитию государственных институтов, а также экономическому росту для полностью независимого функционирования Палестины. Несмотря на все попытки, реформы провалились, что привело к отставке Файяда, которого сменил Рами Хамдалла, занимавший пост до 10 марта 2019 г. На данный момент пост премьер-министра принадлежит Мухаммеду Штайе, назначенному Аббасом после отставки Хамдаллы [2].

Стоит заметить, что на протяжении всего президентства Махмуд Аббас сталкивается со значительным количеством критики из-за своего авторитарного стиля правления, а также из-за того, что нарушил законодательство Палестины, отказавшись уходить с поста

президента и объявив отмену парламентских и президентских выборов. При этом основной причиной сохранения запрета на выборы называется невозможность их проведения из-за неполного контроля правительства Аббаса над территориями Государства Палестина. В связи с подобным поведением Аббаса, ХАМАС с 2009 г. не признаёт его законным президентом. Однако в 2014 г. ФАТХ и ХАМАС всё же смогли заключить перемирие и объявить формирование нового правительства национального единства, в которое должны были войти представители обеих группировок. Основная задача данного правительства должна была заключаться в подготовке новых парламентских и президентских выборов, однако, каких-либо успехов достигнуто так и не было [3].

Кроме ФАТХ и ХАМАС на территории Государства Палестина действуют более 20 политических партий, однако, их влияние среди населения значительно уступает авторитету ФАТХ и ХАМАС [6, 328].

В целом государственные структуры Палестины на данный момент сформированы не полностью. Так, отсутствует армия, а также контроль администрации Аббаса над значительной частью территорий. Существенные препятствия для формирования государственных институтов в Секторе Газа вызывают действия ХАМАС. Это можно связать с тем, что идеология движения предполагает уничтожения Израиля, что привело к изоляции Сектора Газа и сохранению статуса ХАМАС как террористической группировки в большинстве развитых стран. Однако с 2017 г. ХАМАС вынуждены были отказаться от идеи уничтожения Израиля, что несколько снизило напряжённость в регионе. На данный момент отношения между ФАТХ и ХАМАС остаются напряжёнными, что существенно затрудняет продолжение оформления государственных структур в Палестине. Тем не менее для упорядочения управления в Государстве Палестина с 2017 г. между ФАТХ и ХАМАС ведутся переговоры о реформах в административных вопросах, а также обсуждается проблема выборов президента и парламента, однако, несмотря на попытки выхода из сложившейся ситуации, консенсуса достигнуть не удалось [1].

Таким образом, Государство Палестина на данный момент не обладает рядом признаков государственного суверенитета, а функционирование органов политической власти и управление территориями крайне затруднено конфронтацией движений ФАТХ и ХАМАС, а также отсутствием президентских и парламентских выборов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com> (дата обращения: 31.03.2019).
2. Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М. : Просвещение, 2007. 592 с.
3. Палестинский информационный центр. URL: <https://russian.palinfo.com> (дата обращения: 31.03.2019).
4. Брасс А. Палестинские истоки. М. : Русь-Олимп. ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 347 с.
5. Полисар Д. Выбирая диктатуру: Ясир Арафат и формирование органов власти Палестинской администрации. М. : ИИИБВ, 2003. 96 с.
6. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М. : Российская газета, 2006. 384 с.

Буддыханова С. Ю.¹

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье анализируются причины эффективности Е. С. Савченко на посту губернатора Белгородской области. Автор провёл пилотажное исследование, в ходе которого был сделан вывод: электоральная поддержка губернатора Белгородской области зависит от его партийной принадлежности к «Единой России», поддержка губернатора Белгородской области заключается в эффективности проводимой им политики.

Ключевые слова: губернатор, Белгородская область, Е. С. Савченко, эффективность, партия «Единая Россия».

Выбор данной темы обусловлен тем, что Е. С. Савченко продолжительное время занимает пост губернатора Белгородской области. Он был назначен ещё Б. Н. Ельциным в 1993 г. Актуальность темы исследования заключается в том, что даже на фоне ротаций глав субъектов, начавшихся с 2016 г., Савченко сохраняет свои позиции. В связи с этим автору статьи стали интересны причины его поддержки. Поэтому в рамках данного исследования были сформулированы следующие гипотезы:

¹ Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена С. В. Смаль.

- Электоральная поддержка губернатора Белгородской области от партийной принадлежности к «Единой России».
- Поддержка губернатора Белгородской области заключается в эффективности проводимой им политики.
- Поддержка губернатора Белгородской области обусловлена его личностными качествами.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эти гипотезы, нами были введены следующие показатели:

1) электоральный показатель (явка избирателей [1]; процент проголосовавших за Е. С. Савченко на выборах [2]); позиция в рейтинге политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0» [3]);

2) место Белгородской области в РИА Рейтинге регионов по качеству жизни [4];

3) показатели эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ (результаты независимой оценки качества оказания услуг организациями социальной сферы, оценка населением условий для самореализации и т. д. [5]).

Проанализировав различные показатели, можно сделать вывод, что Белгородская область занимает высокие позиции в стране по целому ряду показателей. Например, в РИА Рейтинге регионов по качеству жизни Белгородская область занимает 5 место, уступая при этом только таким регионам, как Москва, Санкт-Петербург, Московская область и Республика Татарстан.

Это говорит об эффективности деятельности губернатора.

Личный рейтинг Е. С. Савченко также можно назвать устойчивым. Е. Н. Минченко в своём рейтинге политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0» (см. рис. 1) присваивает Е. С. Савченко 15 баллов из 27 возможных, что означает маловероятную его отставку.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ										
Губернатор (регион)	БОНУСЫ						ШТРАФЫ			ИТОГ
	№1 - ПОЛИТИКОР 2.0 (Макс -10 баллов); №2 - Большие проекты (Макс -5 баллов); №3 - Экономическая привлекательность; №4 - Отличные показатели; №5 - Политическая воля; №6 - Качество полит. менеджмента						№7 - Федеральные конфликты; №8 - Региональные конфликты; №9 - Аресты/уголовные дела			
	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	№9	
	С.Собянин (г. Москва)	10	5	1	3	3	2	0	-1	
А.Дюмин (Тульская область)	10	2	2	2	2	2	-2	0	0	18 (16)
С.Воскресенский (Ивановская область)	6	2	3	3	2	1	0	-1	0	16
Е.Савченко (Белгородская область)	3	4	2	2	3	2	0	-1	0	15 (16)
А.Воробьев (Московская область)	7	5	1	3	2	2	-2	-2	-1	15 (14)

Рис. 1. Рейтинг политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0»

Однако при этом в Интернете можно увидеть новости об обращениях граждан [6] и петиции по поводу отставки Савченко [7], которые ставят под сомнения его лидирующие позиции. Поэтому автором был проведен опрос, необходимый для того, чтобы проанализировать в целом мнения граждан по поводу эффективности деятельности губернатора Белгородской области. Выборку составили жители Белгородской области в возрасте от 18 лет и выше. Опрос был проведен с 18 января по 29 января 2019 г. в форме очного индивидуального анкетирования.

Результаты.

Было опрошено 100 респондентов, из которых: 27% — это респонденты в возрасте от 18 до 24; 11% — от 24 до 30; 14% — от 30 до 40; 23% — от 40 до 55; 25% — старше 55 лет.

Анализ результатов показал, что 30% респондентов полностью согласны с утверждением, что за Е. С. Савченко голосуют по причине его партийной принадлежности к «Единой России», аргументируя это тем, что «Единая Россия» — «устойчивая и стабильная партия», «правящая партия», «партия Путина», «ЕР в принципе не даёт право выбора», «у ЕР такие же цели, как и у Е. С. Савченко». 33% респондентов частично с этим согласны, позиция опрошенных такова: Е. С. Савченко хороший лидер и политик, «при нём стабильно и всё процветает», но они не отрицают того, что партийная принадлежность к «Единой России» играет большую роль при выборе кандидата в момент голосования на выборах. 12% респондентов полностью не согласны с важностью партийной принадлежности, отмечая, что «нет доверия больше к Единой России» либо «я не думаю, что Е. С. Савченко хуже выполнял свои обязанности, если бы состоял в другой партии». 6% ответили, что они частично не согласны, аргументируя это тем, что при Е. С. Савченко Белгородская область развивается в положительном ключе; остальные 19% затруднились ответить.

Результаты остальных ответов на вопросы, касающихся эффективности деятельности губернатора и его личностных качеств, представлены ниже:

Таким образом, проведенное пилотное исследование:

1) подтвердило гипотезы о зависимости электоральной поддержки губернатора Белгородской области от партийной принадлежности к «Единой России», а также о том, что поддержка губерна-

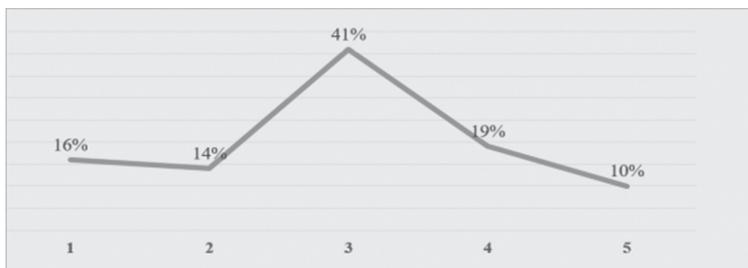

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы оцениваете работу губернатора Белгородской области?» (по шкале от 1 (минимум) до 5 (максимум))

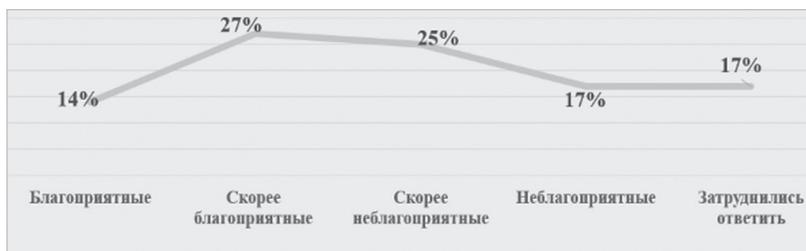

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы в целом оцениваете условия для самореализации (возможность достижения желаемого социального статуса за счет своих способностей и усилий) в Белгородской области?»

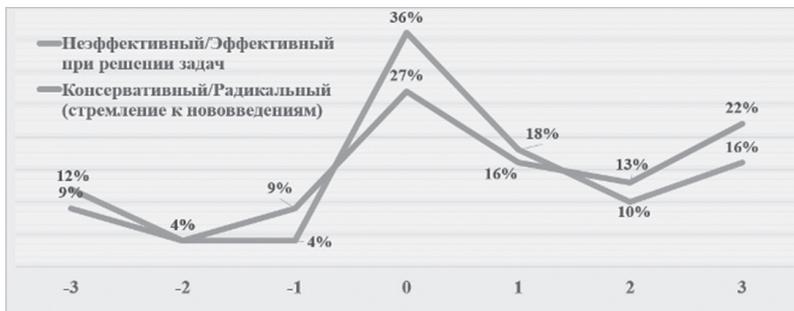

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените на ваш взгляд, какими качествами обладает губернатор Белгородской области?»

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «На ваш взгляд, какими качествами обладает губернатор Белгородской области?»

тора Белгородской области заключается в эффективности проводимой им политики. Заключительная гипотеза была опровергнута: респонденты не смогли объективно оценить личностные качества губернатора, так как большинство из них с ним никогда не встречалось или не наблюдало за его деятельностью.

2) продемонстрировало необходимость изменения инструментария, переработки имеющихся вопросов и добавления новых.

В качестве промежуточного итога и в завершении данной статьи, отметим, что исследование находится в своей начальной стадии и будет продолжено в рамках написания полноценной аналитической работы для ВКР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги губернаторских выборов Белгородской области. URL: <http://www.belgorod.izbirkom.ru/docs/8243/> (дата обращения: 20.03.2019).

2. Сводная таблица результатов губернаторских выборов Белгородской области. URL: http://www.belgorod.vybory.izbirkom.ru/region/region/belgorod?action=show&root=1&tvd=2312000634645&vrn=2312000634641®ion=31&global=&sub_region=31&prver=0&pronetvd=null&vibid=2312000634645&tyre=222 (дата обращения: 20.03.2019).

3. Минченко Е. Н. Рейтинг политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0» // Минченко консалтинг. 2018. С. 1–14.

4. РИА Рейтинг регионов по качеству жизни 2018. URL: <http://riarating.ru/regions/20190219/630117442.html> (дата обращения: 15.03.2019).

5. Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42465> (дата обращения: 10.01.2019).

6. Жители Белгородской области просят президента РФ об отставке губернатора региона. URL: <http://belgorod.bezformata.com/listnews/prezidenta-rf-ob-otstavke-gubernatora/49406792/> (дата обращения: 15.01.2019).

7. Отставка губернатора Белгородской области Евгения Савченко. URL: <https://www.change.org/p/президенту-рф-путин-в-в-отставка-губернатора-белгородской-области-евгения-савченко> (дата обращения: 15.01.2019).

Егоров Н. А.¹

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ИТ-КОРПОРАЦИЙ В США: ФАКТОРЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЛОББИСТСКИХ ИНИЦИАТИВ В 2018 ГОДУ

Аннотация. Лоббизм в США — одно из наиболее спорных и неординарных явлений политической процесса. В статье рассматриваются причины увеличения финансовых трат на лоббизм со стороны корпораций, представляющих индустрию информационных технологий. Анализируется статистика отчетов о лоббизме, а также используется контент-анализ материалов СМИ.

Ключевые слова: лоббизм, ИТ-корпорации, группы давления.

В настоящий момент семь из десяти наиболее дорогих публичных компаний мира работают в сфере производства программного обеспечения, вычислительной техники, а также интернет-ритейла [1]. Вместе с увеличением капитализации корпораций растет также и степень их вовлеченности в политический процесс, что в особенности отражается на Соединенных Штатах Америки. Статистика показывает колоссальное увеличение трат на лоббизм со стороны технологических компаний США: за последнее десятилетие затраты со стороны интернет-компаний увеличились с 15 млн до 77 млн долларов [2]. Среди наиболее крупных корпораций-лоббистов можно выделить Alphabet Inc., Amazon. com, а также Facebook Inc.

Бурный рост лоббистских инициатив, исходящих со стороны ИТ-сегмента, объясняется следующими факторами:

¹ Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) А. А. Балаян.

I. Давление, связанное с политикой конфиденциальности. Google (Alphabet Inc.) и Amazon вместе с другими компаниями, входящими в бизнес-ассоциацию Internet Association, выступили против нового законопроекта California Consumer Privacy Act [3]. Законопроект предполагает жесткие требования к IT-компаниям и подразумевает право пользователей запрашивать информацию о том, как их личные данные собираются интернет-платформами и продаются [4]. Так как подобные законы были приняты также в Вермонте и Иллинойсе [5], основные лоббистские усилия были направлены на снижение юридического влияния локальных законов штата за счет разработки единой федеральной законодательной базы.

Дополнительное давление на отрасль было вызвано обвинениями в политической ангажированности и блокировке публикаций консервативных политиков, которые поступали со стороны представителей Республиканской партии и президента США [6]. Репутационные издержки, а также необходимость работы с новыми регуляторными механизмами значительно увеличили траты на лоббирование (приятный вывод).

II. Попытка создания законодательной базы для автопилотируемых автомобилей. Среди наиболее крупных лоббистских инициатив можно назвать попытку принятия AV Start Act [7] закона, который должен был регулировать требования к эксплуатации автоматизированных средств передвижения. Принятие закона было отложено в связи с обращениями гражданских групп.

III. Лоббирование законодательства, регулирующего доставку с помощью дронов. В 2018 г. Amazon и Google были вовлечены в попытку изменения регуляторного механизма, касающегося коммерческого использования дронов для доставки. Инициативы были направлены на получение у Федерального управления гражданской авиации разрешения на тестирование технологии [8]. В настоящий момент использование автоматических дронов запрещено, а со стороны представителей государственной власти поступают требования о пилотируемом запуске дронов.

IV. Лоббирование поднятия МРОТ. В качестве одной из стратегий борьбы с менее экономически мощными конкурентами, компания Amazon начала продвижение поднятия минимального размера оплаты труда до 15 \$ (текущий МРОТ — 7.25 \$). С помощью лоббизма Amazon принуждает других онлайн-ритейлеров платить работникам повышенную минимальную ставку, что может негативно

отразиться на прямых конкурентах корпорации [9]. Данные условия создают для Amazon конкурентное преимущество.

V. Лоббирование по закону Honest Ads Act [10]. Наибольшее число лоббистских инициатив компании Facebook было зарегистрировано по вопросу Honest Ads Act, закона, который должен внести новое регулирование для размещения политической рекламы на онлайн-платформах с высоким трафиком. Законопроект был подан представителями обеих партий Сената, став ответом на информацию о размещении политической рекламы иностранными лицами во время президентской кампании 2016 г. Закон призван исключить прямое или косвенное финансирование политической рекламы в Интернете со стороны иностранных государств [11].

VI. Лоббирование по вопросам иммиграции. Одна из наиболее крупных статей лоббистских затрат [2] Google пришлось на вопросы миграционной политики. Google оказывает сопротивление попытке президента Трампа повысить требования по визе H-1B, которая позволяет заграничным работникам устраиваться на временную работу в американских компаниях. Позиция компании по этому вопросу объясняется стремлением совета директоров к созданию условий для привлечения кадров из других стран.

Приведенная аналитика позволяет сделать вывод о возрастающем политическом влиянии технологических компаний. В финансовом аспекте лоббизм со стороны технологической отрасли растет очень большими темпами, что объясняется двумя факторами. Рекордное финансирование лоббизма связано с инновационным характером продуктов и услуг, которые создают компании. Для многих продуктов на данный момент не существует регуляторной механики, поэтому большая масса средств расходуется на попытки создания новой правовой базы. Помимо этого, IT-корпорации тратят большое количество средств на получение преференций и конкурентных преимуществ со стороны государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. The World's Most Valuable Brands. URL: <https://www.forbes.com/powerful-brands/list/> (дата обращения: 12.03.2019).
2. Lobbying Spending Database Internet, 2018 | OpenSecrets. URL: <https://www.opensecrets.org/lobby/indusclient.php?id=B13> (дата обращения: 12.03.2019).

3. Statement on the Enactment of California Privacy Legislation. URL: <https://internetassociation.org/statement-enactment-california-privacy-legislation/> (дата обращения: 13.03.2019).

4. *Hautala L.* California enacts a broad privacy law, taking on companies that collect and sell your data. URL: <https://www.cnet.com/news/californias-new-data-privacy-law-the-toughest-in-the-us/> (дата обращения: 13.03.2019)

5. 740 ILCS 14/ Biometric Information Privacy Act. URL: <http://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs3.asp?ActID=3004&ChapterID=57> (дата обращения: 13.03.2019).

6. *Solsman J. E.* Twitter «censorship» still an obsession for Congress as hearing gets political. URL: <https://www.cnet.com/news/twitter-censorship-still-an-obsession-for-congress-as-hearing-gets-political/> (дата обращения: 13.03.2019).

7. *Thune J. S.* 1885 — 115th Congress (2017–2018): AV START Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1885> (дата обращения: 13.03.2019).

8. H. R. 4 — 115th Congress (2017–2018): FAA Reauthorization Act of 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4/text> (дата обращения: 13.03.2019).

9. *Green D.* An economist explains how Amazon could use its lobbying for a \$15 minimum wage as a «weapon» against other retailers. URL: <https://www.businessinsider.com/amazon-lobbies-for-15-wage-weapon-over-walmart-target-2018-10> (дата обращения: 14.03.2019).

10. *Klobuchar A. S.* 1989 — 115th Congress (2017–2018): Honest Ads Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/1989> (дата обращения: 14.03.2019).

11. Honest Ads Act would regulate Facebook, Google, Twitter ads — Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/honest-ads-act-facebook-google-twitter-russia-2017-10> (дата обращения: 14.03.2019).

*Крылова М. А.*¹

РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные теории трактовки ресурсов политической партии в период избирательной кампании. Более подробно рассмотрен наиболее показательный вариант оценки ресурсного потенциала политических партий в период избирательной кампании, приведены

¹ Научный руководитель: д-р полит. наук, заведующая кафедрой политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена Л. А. Гайнутдинова.

подробные характеристики каждого из ресурсов. Сделан вывод о влиянии ресурсного потенциала на ход избирательной кампании.

Ключевые слова: избирательная кампания, политические партии, ресурсы.

Период избирательной кампании для любой политической партии — это проверочный этап мобилизации всех ресурсов, состояние и наличие которых являются основополагающим фактором исхода избирательной кампании. Ресурсы избирательной кампании политической партии трактуются неоднозначно. Так, например, российские ученые Е. Б. Малкин и Е. Б. Сучков [1, 39] выделяют следующие составляющие в зависимости от характера избирательного процесса: 1. Кандидат (лидер партии); 2. Команда (партийный аппарат); 3. Время; 4. Деньги.

Данный вариант предоставления ресурсной структуры является наиболее простым, но недостаточно информативным для получения адекватной оценки потенциала конкретной политической партии в период предвыборной кампании.

Другой отечественный исследователь О. П. Кудинов [2, 148] выделяет следующие виды ресурсов:

1. Личность кандидата (лидера),
2. Имидж кандидата (лидера),
3. Предвыборную программу,
4. Идеологическую платформу,
5. Наличие рычагов влияния на печатные и электронные СМИ,
6. Организационный ресурс,
7. Административный ресурс,
8. Финансовый ресурс,
9. Активистский блок,
10. Электоральный ресурс.

Данный вариант оценки представляется слишком детализированным, недостаточно отрегулированным, что может привести к занижению оценки одних ресурсов и завышению других.

Наиболее сбалансированной предстаёт система оценивания, предложенная женеvским профессором С. Хугом (Hug S.) в работе «Исследование электорального успеха новых политических партий: методологический аспект» [3, 194]. Он выделяет в качестве основных следующие ресурсы электорального успеха.

1. Лидер как ресурс избирательной кампании политической партии.

Лидер — это человек, представляющий лицо партии, выражающий интересы и цели других людей, побуждающий их к определенным действиям [4]. Главная задача лидера любой политической партии — это оправдать возложенные на него надежды. Полноценно функционирующий партийный лидер должен осуществлять процесс объединения общества на основе партийных идей, общих целей, ценностей; определять стратегию развития партии; участвовать в процессе разработки и принятии решений; определять способы и методы реализации программных целей партии; обладать способностью мобилизации общественных масс; иметь и сохранять свои властные полномочия легально и легитимно; сохранять и наращивать коммуникационные связи с обществом [5, 35–36].

2. Идеология как ресурс избирательной кампании политической партии.

Идеология партии — это последовательно создаваемая система взглядов и идей, реализующая программу партии, формирующая концепцию жизни людей, их отношение к власти и друг к другу. Наличие сформированной партийной идеологии позволяет создать полное впечатление о партийных ценностных ориентирах в глазах общества, постепенно перерастая в систему социальных установок для большинства населения страны, становясь одним из самых действенных инструментов сохранения социальной и политической стабильности в государстве.

3. Партийный аппарат как ресурс избирательной кампании политической партии.

Партийный аппарат — это своего рода иерархия должностных лиц, образующих многоуровневую систему управления политической партией, состоящую из разноуровневых подразделений, со своими характерными функциями и задачами. Слаженная работа партийного аппарата позволяет осуществлять эффективное управление партией. Управление партией должно осуществляться в соответствии с регламентирующими нормативными документами: уставам партии, постановлениями, утвержденными на съездах партии, — находиться в рамках правового законодательства, регламентирующего деятельность партий.

4. Административный ресурс в рамках избирательной кампании политической партии.

Административный ресурс — это влияние, оказываемое на итоги избирательной кампании, опосредованно относящихся к ней

политиков, чиновников, государственных органов и подразделений. Примерами такого воздействия можно считать: эпизоды необоснованного переноса выборов, увеличение количества потенциальных избирателей, авторитарное воздействие сил власти с целью сокращения конкуренции, принуждение к добровольному отказу от избрания, отказ наблюдателям в допуске на избирательные участки с целью сокрытия фальсифицированных бюллетеней, использование многократного группового голосования одновременно на нескольких участках [6].

5. Финансовый ресурс избирательных кампаний политической партии.

Финансовый ресурс является одним из самых значимых в избирательной кампании, на сегодняшний день для большинства политических партий он является основой их успеха. У политических партий, как правило, имеется несколько источников финансирования. Парламентские партии большую часть своего дохода получают из бюджета, партии, не вошедшие в парламент, лишены бюджетного финансирования. Среди статей дохода политических партий стоит также отметить пожертвования коммерческих компаний, некоммерческих фондов, основателя партии, граждан, членские взносы, бизнес партии.

6. Электоральный ресурс избирательной кампании политической партии.

Под электоральным ресурсом понимают как уже имеющихся сторонников партии, так и потенциальных будущих избирателей.

Электорат политической партии в большинстве случаев состоит из:

1. Устоявшейся части — неизменных сторонников.
2. Колеблющейся части, голосующей за партию время от времени.
3. Потенциальной части — возможных будущих избирателей.
4. Протестной части — случайных избирателей, негласно выступающих против всех.

Грамотная оценка всех ресурсов политической партии является основой для построения правильной стратегии избирательной кампании. Некоторые ресурсы в зависимости от ситуации являются самозаменяемыми, что позволяет политтехнологам совершать ряд маневров и при этом добиваться желаемых результатов.

Успех партии в избирательной кампании зависит от большого количества факторов, но одной из главных его составляющих остается тактическое планирование, которое невозможно осуществить без оценки ресурсного потенциала политической партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малкин Е. Б., Сучков Е. Б. Политические технологии. М. : Русская парорама, 2006. 680 с.
2. Кудинов О. П. Большая книга выборов: как проводятся выборы в России. М. : Арт Бизнес Центр, 2003. 663 с.
3. Hug S. Studying the Electoral Success of New Political Parties: A Methodological Note // Party Politics. 2000. № 6 (2). P. 187–197.
4. Дадаев А. С. Политический лидер как субъект коммуникации в глобализующемся мире // Вестник современных исследований. 2018. № 4.2 (19). С. 128–129.
5. Пызин В. А. Методика дистантной диагностики личностного профиля политических лидеров // Анализ политических персон. По материалам конференций и семинаров. М., 2018. С. 23–46.
6. Булгак О. В., Лычагин А. И. Злоупотребление административным ресурсом в ходе избирательной кампании как угроза основным ценностям демократической системы России // Власть. 2011. № 2. С. 115–117.

Морайта И. А.

СУВЕРЕНИТЕТ АРГЕНТИНЫ НАД МАЛЬВИНСКИМИ ОСТРОВАМИ: ИСТОРИЯ ДЛИТЕЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Конфликт за суверенитет Мальвинских островов продолжается более 180 лет. Со второй половины XX столетия Аргентина безуспешно пытается в рамках международного права вступить в переговоры с Великобританией с целью поиска постоянного решения. В статье коротко описываются история конфликта, достижения аргентинского государства в Организации Объединенных Наций, и значимые характеристики внешней политики Аргентины в последние годы.

Ключевые слова: Мальвинские острова, конфликт суверенитета, внешняя политика, Аргентина, Великобритания.

ВВЕДЕНИЕ

В январе 1833 г., без объявления войны Великобритания нападает на Мальвинские острова, высылает представителей аргентин-

ской власти и граждан, и завладевает территориями новой независимой страны. До сих пор Аргентина постоянно заявляет своё легитимное право суверенитета над островами, а Великобритания неизменно нарушает международно-правовые документы. В работе описываются достижения аргентинского государства на международной арене в течение XX в. и основные подходы к «вопросу Мальвинских островов» во внешней политике последних демократических правительств.

ДОСТИЖЕНИЯ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ И АРГЕНТИНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Со второй половины XX в. попытки Аргентины достичь соглашения с Великобританией по вопросу Мальвин стали систематическими, в том числе в рамках ООН, созданной с целью защиты прав человека, безопасности и мира. В этот период начинаются процессы деколонизации и обретения независимости африканскими нациями, что подчёркивало особый характер ситуации Мальвинских островов: мировая держава, следуя логике колониализма, оккупирует территории независимого государства, и отказывается освободить территорию и восстановить суверенитет аргентинского государства над островами [1]. Аргентина добивается значительного прогресса в ООН, что можно проследить в таблице.

Резолюции ООН на тему суверенитета Аргентины над Мальвинскими островами

Резолюции, №	Дата	Содержание
1514	14/12/1960	Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Подчинение народов иностранному господству считается отрицанием прав человека. Народы имеют право на самоопределение
2065	16/12/1965	Признается существование спора о суверенитете над островами между Аргентиной и Великобританией. Ситуация с Мальвинами рассматривается как колониализм, в связи с чем конфликт должен быть решён в соответствии с резолюцией № 1514

Резолюции, №	Дата	Содержание
3160	14/12/1973	Мировое сообщество выражает беспокойство из-за отсутствия успехов в решении конфликта. Так же, признаёт усилия Аргентины по содействию процессу деколонизации
31/49	1/12/1976	ООН поддерживает предыдущие резолюции. Призывает стороны воздержаться от совершения односторонних действий, пока конфликт не решается
37/09 40/21 41/40 42/19 43/25	9/11/1982 27/01/1986 25/11/1986 17/12/1987 17/11/1988	ООН вновь обращается к правительствам стран с просьбой начинать действия по мирному решению конфликта

Анализ резолюций показывает, что:

- признается наличие конфликта и законность претензий Аргентины;
- признается необходимость процесса деколонизации;
- сторонам запрещается принятие односторонних действий;
- признается стремление Аргентины к решению конфликта.

В 1982 г., самая жестокая и кровавая военная диктатура в стране начала войну за острова, что привело к углублению внутреннего кризиса и восстановлению демократии. Таким образом, была прервана традиция мирных требований решения конфликта согласно международному праву.

С 1989 г. «Мальвинский вопрос» находится на рассмотрении в Специальном комитете по деколонизации ООН, и с 2004 г. стоит на повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН.

«Мальвинский вопрос» являлся основным направлением внешней политики правительства Кристины Фернандес де Киршнер, как следует из анализа её выступлений на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и выступлений министров иностранных дел в Специальном комитете по деколонизации.

Стратегия Киршнер была направлена на поддержание требований восстановления суверенитета над островами на международном уровне, осуждение односторонних действий и эксплуатации природных ресурсов, а также поиск союзников, особенно среди латиноамериканских государств и региональных организаций.

С 2010 г. двусторонние отношения между странами ухудшаются, поскольку Великобритания в одностороннем порядке начинает разведку углеводородного сырья в морской зоне островов и увеличивает военное присутствие, нарушая резолюции 31/49 и 41/11, и Декларацию денуклеаризации Южной Атлантики.

Внешняя политика правительства Маурисио Макри ослабила позиции Аргентины.

В 2016 г. вице-министр Аргентины Форадори обнародовал совместное заявление, подписанное с представителем Великобритании Дунканом, которое обязывает Аргентину устранить препятствия для экономического развития Мальвинских островов, т. е. разрешить эксплуатацию природных ресурсов, которые принадлежат к аргентинской провинции Огненная Земля. Хотя было заявлено, что Соглашение выгодно обеим сторонам, оно подчиняет историческое требование суверенитета над островами коммерческим интересам. Благодаря соглашению, легитимность которого сомнительна, поскольку оно было заключено без предварительного одобрения Парламента, стали разрешены коммерческие полеты на острова, но они осуществляются из соседних стран и не аргентинскими авиакомпаниями. Страны также обязуются работать над опознанием тел, личность которых не установлена со времен войны 1982 г., что в действительности является фундаментальным пунктом международного гуманитарного права.

Выводы. Конфликт по поводу принадлежности Мальвинских островов продолжается более 180 лет. 50 из них Великобритания не выполняет резолюции ООН. В XXI в. еще существуют колониальные анклав, но Аргентина выражала непоколебимую волю требовать восстановления своего законного права суверенитета над островами, хотя внешняя политика нынешнего правительства не учитывает национальные интересы страны в этом вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. González Napolitano. S. Lecciones de derecho internacional público. B. A. : Errepar, 2015. 447 p.

2. Резолюции ООН: № 1514 от 14.12.1960; № 2065 от 16.12.1965; № 3160 от 14.12.1973; № 31/49 от 1.12.1976; № 37/49 от 9.11.1982; № 40/21 от 27.01.1986; № 41/40 от 25.11.1986; № 42/19 от 17.12.1987; № 43/25 от 17.11.1988.

3. Выступления Президента Кристины Фернандес в Генеральной Ассамблее ООН от 2008, 2009, 2010, 2013 и 2014 годов. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/>

ipac20/ipac.jsp?session=155N49P13H626.152607&profile=speech&menu=search&submenu=power&ts=1553499223813 (дата обращения: 25.03.2019).

4. Выступления Президента Маурисио Макри от 2016 и 2017. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=155N49P13H626.152607&profile=speech&menu=search&submenu=power&ts=1553499223813> (дата обращения: 25.03.2019).

5. Выступления министра иностранных дел Эктор Тимерман в Специальном комитете по деколонизации от 2013. URL: <https://cancilleria.gob.ar/es/cuestion-malvinas-discurso-completo-del-canciller-timerman-en-el-comite-de-%20descolonizacion-de-las> (дата обращения: 25.03.2019).

6. Выступления министра иностранных дел Эктор Тимерман в Специальном комитете по деколонизации от 2014. URL: <https://www.dipublico.org/16665/discurso-del-canciller-hector-timerman-ante-el-comite-especial-desdescolonizacion-de-la-onu-en-nueva-york/> (дата обращения: 25.03.2019).

7. Выступления министра иностранных дел Эктор Тимерман в Специальном комитете по деколонизации от 2015. URL: <http://www.eperu.mrecic.gov.ar/es/content/discurso-del-canciller-hector-timerman-ante-el-consejo-de-descolonizaci%C3%B3n-de-la-onu-sobre-la> (дата обращения: 25.03.2019).

8. Совместное заявление. Информация для прессы № 304/16 Министерства иностранных дел от 13.09.2016. URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/es/actualidad/comunicados/comunicado-conjunto-9> (дата обращения: 25.03.2019).

Пашкин В. С.¹

СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕШОУ)

Аннотация. Каждое государство, заинтересованное в успешном ведении собственной внутренней и внешней политики, обязано уделять особое внимание информационному сопровождению. Только обеспечение грамотной информационной политики позволит государственной власти без особых проблем и потрясений проводить необходимые изменения и формировать в обществе необходимые установки. В данной статье рассматриваются политические телешоу как элемент информационного сопровождения государственной политики.

Ключевые слова: информация, политика, телешоу, СМИ.

В последние годы политический курс России как внешний, так и внутренний, претерпел большие изменения. Конфликт на Украине, экономические санкции, противостояние с Западом — все это

¹ Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена С. В. Смаль.

стало причиной радикальных перемен. Особую опасность нынешние события представляют в контексте прошедших в стране, в период с 2011 по 2013 г., массовых протестов. Казалось, что благодаря 90-м и нулевым годам в России сформировалась активистская политическая культура, поскольку граждане массово выходили на улицу, причем не только с протестом, но и со стремлением поддержать действующую власть. В общей сложности более ста тысяч человек с обеих сторон во множестве городов страны приходили на митинги.

Это время характеризовалось рядом крупных восстаний в разных государствах: Арабская весна, протесты в Лондоне, США, соседней Белоруссии и так далее. Но камнем преткновения для российской власти стал так называемый «Евромайдан». В результате был отстранен от власти президент Украины Виктор Янукович, страна погрузилась в глубокий кризис. Безусловно, повторение подобного сценария в Москве было недопустимо, в государственных средствах массовой информации началась кампания по дискредитации новых украинских властей, критике либеральной оппозиции, созданию образа «внешнего врага» в лице западных стран, привлечению граждан к политике при помощи пропаганды провластной позиции. Телешоу стали одним из инструментов информационного сопровождения государственной политики, которая, безусловно, необходима.

В век информационных технологий средства массовой информации стали «четвертой властью». Ее сила превосходит все три ветви власти вместе взятые, благодаря СМИ осуществляется публичная политика, происходит оперативное реагирование на те или иные политические события, а также их обсуждение и анализ. Информационное сопровождение есть элемент «мягкой силы», используемый государствами для создания собственного положительного имиджа, донесения каждому, отдельно взятому человеку, цели ведения внутренней и внешней политики. Главной целью информационного сопровождения является формирование в общественном сознании установок, способных обеспечить необходимую поддержку государственной политики населением данной страны [1].

В статье д-ра полит. наук профессора МГУ им. М. В. Ломоносова И. А. Василенко «Современные технологии информационного сопровождения государственной политики» автор приводит данные ВЦИОМ, согласно которым 33 % россиян затрудняются оценить эффективность деятельности органов государственной власти по

материалам СМИ. На основе этого в статье делается вывод, что государственная политика России должна в более полной мере освещаться в СМИ [2]. Безусловно, открытие множества политических телешоу, идущих в прайм-тайм по несколько часов в день, соответствует данной рекомендации. Однако далее автор утверждает, что специалисты по связям с общественностью сегодня отказываются от практики «жесткой пропаганды», агрессивных комментариев и хлестких выпадов в адрес оппонентов, и главное, откровенных технологий упрощения информации, однако профессор переоценила уровень подготовки российских СМИ к серьезному информационному противостоянию. В сложных условиях федеральные СМИ вновь начали прибегать к пропагандистским приемам подачи информации. Это можно объяснить различными факторами:

- 1) неопытность (после распада СССР России не приходилось активно участвовать в реальной информационной войне);

- 2) отсутствие собственной теоретической базы;

- 3) рудименты советской информационной политики (включая невозможность равной дискуссии, подданническую политическую культуру) и др.;

- 4) зритель зачастую не желает сам анализировать и проверять информацию, поэтому через телевизионного «авторитета» намного легче доносить до людей «правильную» точку зрения.

В данной статье рассматриваются 3 политических телешоу: «Время покажет», «Место встречи» и «Вечер» с Владимиром Соловьевым (здесь позиция ведущего играет особую роль). Именно они стали воплощением вышеперечисленных проблем.

Суть программ одинаковая: в студии находится один или несколько ведущих (интересно, что в российских телешоу они выступают не только в роли модераторов дискуссии, но и активно в ней участвуют) [3], 5–6 экспертов, представляющих диаметрально противоположные взгляды. То есть, это дискуссия между людьми с провластной позицией и оппозиционной, включая гостей из Украины, США, Германии, Польши, которые исполняют роль защитников политики своих властей. Эксперты в эфире обсуждают насущные политические темы: конфликт на Украине, войну в Сирии, противостояние России и Запада, экономическую ситуацию в стране.

В последнее время информационным поводом для передач служат высказывания политиков в социальных сетях, важные полити-

ческие события или их годовщины. Например, в программе Владимира Соловьева все чаще обсуждаются 90-е гг., преимущественно с отрицательной стороны, а все положительные их моменты подаются в саркастической манере. Вероятно, что делается это по причине прокатившихся по стране протестов. Провластные эксперты вспоминают 90-е гг., сравнивают их с нынешним «благополучным» временем и благодарят президента Путина за рост экономики и «восстановление страны». Либералы же, которые, по мнению ведущего и части гостей, разворовали и почти уничтожили страну, пытаются снова раскачать общество и ввергнуть страну в пучину анархии, как это случилось 27 лет назад. Оппоненты с либеральными взглядами довольно слабо защищают свою позицию, на них оказывается огромное давление, их позиция преподносится как ложная. Например, Дмитрий Куликов может бесконечно кричать на либерала Бориса Надеждина, упрекая его в том, что он работал в правительстве в те годы, а значит, и разворовал страну. Именно на этом примере раскрывается практика «жесткой пропаганды».

Интересно, что российские телешоу периодически выступают и в качестве канала обратной связи. Например, еще до старта предвыборных дебатов в программах «Время покажет» и «Вечере» В. Соловьева кандидаты имели возможность выступить в федеральном эфире. На передачу к Соловьеву периодически приходят министры, депутаты Госдумы, а иногда и пресс-секретарь президента Дмитрий Песков. Причем формат общения с гостями высокого уровня происходит в виде интервью, т. е. на вопросы экспертов, а тем более оппозиционных, важный человек отвечать не будет, разговор ограничится диалогом с ведущим. Следует заметить, что, например, на Украине в телешоу «Свобода слова» президент Порошенко и премьер-министр Гройсман любят выступать и высказывать свою позицию сами, но в России такой практики пока нет, первые лица редко включаются в информационное сопровождение политики.

Таким образом, задача современных общественно-политических телешоу заключается в привлечении людей к политике и обсуждению общественных проблем, но, к сожалению, они упрощаются, сводятся к уровню «ссоры с соседями по квартире», оппоненты власти показываются необразованными, неспособными защитить собственную, «абсурдную» позицию. В редких телешоу можно уви-

деть по-настоящему серьезных гостей, оказывающих реальное влияние на политику, но если они и приходят, то избегают дискуссии и ограничиваются небольшим интервью с ведущим.

Однако даже такая информационная политика приносит свои плоды. По данным ВЦИОМ, в мае 2018 г. рейтинг одобрения деятельности СМИ составлял 60 %, однако в июле уже находился на уровне 53 % [4], рейтинг президента также довольно высок: в августе 2018 г. деятельность Владимира Путина одобряли 65 % опрошенных россиян [5]. Во многом это заслуга ежедневных, многочасовых политических телешоу.

Конечно, практика информационного сопровождения государственной политики в России далека от идеала. Телевидение пока не готово реально и объективно обсуждать насущные проблемы и искать из них выход. Естественно, это можно оправдать кризисом и сложной политической обстановкой в мире. Однако на сегодняшний момент информационная политика сводится к «жесткой» пропаганде, уход от которой наметился в 2013 г. Значит, федеральные СМИ под этим давлением меняются, а до властей все труднее донести разнонаправленные точки зрения на происходящие события. Все это может привести к самым серьезным последствиям в будущем, а тележурналистике придется «перерождаться» заново.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тельнга М. П.* Эволюция системы информационного сопровождения внешней политики США в 1946–1999 гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 116–119.

2. *Василенко И. А.* Современные технологии информационного сопровождения государственной политики // Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-14): материалы Третьей Международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 211–216.

3. *Козлова О. А., Бондарев Д. А.* Национальные особенности развития жанра общественно-политического ток-шоу на российском телевидении // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 10. С. 119–125.

4. Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshestvennykh_institutov/ (дата обращения: 01.09.2018).

5. Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9300> (дата обращения: 01.09.2018).

АНАЛИЗ ПРАЗДНИКОВ И ПАМЯТНЫХ ДАТ В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТИ И ДОСУГА

Аннотация. В статье рассматриваются современные исследования праздничной и мемориальной культур. Показаны примеры изучения торжественных мероприятий с позиций различных дисциплин, на фоне которых автор раскрывает актуальность компаративных исследований.

Ключевые слова: праздники, памятные даты, исследования памяти, досуговые исследования, досуг.

За два последних века появилось множество философских, культурологических, этнографических работ, посвящённых торжественным ритуалам, практикам поминания предков, праздничной культуре. Наиболее часто отмечаются заслуги классических работ XX столетия: Э. Дюркгейма, А. Р. Радклифф-Брауна, М. Хальбвакса, М. Дуглас и мн. др.; среди наших соотечественников — М. М. Бахтина, С. А. Токарева, Ю. М. Лотмана [1, 152–154]. Работы этих учёных сформировали базовое понимание ритуальных практик, их функций, структуры обрядов, торжеств и карнавалов. Однако, как показывают работы современных ученых (см. [2; 3]), сегодняшние исследования отходят от чисто культурологического или философского анализа и формируются на основе междисциплинарного подхода.

Нам хорошо известно, что крупный праздник или памятная дата — повторяющееся событие, особо отмеченное в календаре, но всегда ли мы изучаем объективно хорошо знакомые торжества и памятные события? Какую помощь в этом может оказать междисциплинарный подход? Праздники и памятные дни способны сказать о самых разных внутренних положениях общества, на которые мы можем не обращать внимание, например, о том, что карнавалы и дни святых два века назад были формой политического протеста населения [4, 78], или о том, какова степень травмоопасности и суицида в период государственных праздников [5].

Как иностранные, так и значительная часть отечественных исследований праздничной культуры связаны с изучением взаимосвязи праздника с идентичностью на различных уровнях. Множество

работ отсылает к региональному опыту анализа досуга российских граждан (см. [6; 7]). Политическая сторона данной темы в России зачастую исходит из концепции символической политики, аспектов социализации подростков и политического воспитания через государственные праздники (см. [8; 9]).

К сожалению, пока в отечественных разработках нельзя найти большого количества межрегиональных или международных сравнительных исследований, рисующих компаративную картину досуговой жизни, так как чаще мониторинг проводится локально, без эмпирического погружения, не помещая отдельные праздничные события в контекст работы акторов, разрабатывающих календарную политику или конкретные культурные условия [10, 115]. Малоизученными остаются процесс принятия решений и взаимодействие государства, бизнеса и общества при утверждении концепций праздников и форм его проведения (как пример см. [11]) или менеджерализация праздников, досуга и коммеморации в рамках концепции процессно-реляционной методологии.

Возможно, если учесть эти нюансы, анализ праздников и памятных мероприятий скажет нечто новое о данном феномене общества, а значит, и о нас самих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веретинова Т. Ю.* Праздник как феномен и концепт антропологии культуры // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 4 (8). С. 150–167.
2. *Barrera F., Garrido N.* Public Holidays, Tourism, and Economic Growth // *Tourism Economics*. 2017. № 24 (4). P. 473–485.
3. *Baptista J. A.* The Good Holiday: Development, Tourism and the Politics of Benevolence in Mozambique. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2017. 292 p.
4. *Tilly Ch.* Charivaris, Repertoires, and Urban Politics // *Routledge Revivals : French Cities in the Nineteenth Century / ed. John Merriman*. London : Routledge, 1981. Chapter 3. P. 73–92.
5. *Sohn K.* Suicides around Major Public Holidays in South Korea // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2016. № 47 (2). P. 217–227.
6. *Белецкая Е. А.* Событийный туризм как инструмент повышения туристской привлекательности Белгородской области // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 12 (140). С. 278–282.
7. *Кржижевский М. В.* Традиционные весенние праздники народов Самарской области: роль и перспективы в сфере туризма // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2012. № 2. С. 15–18.

8. Тихомирова С. В. Процессы символизации в социальных представлениях молодежи о празднике // *Pedagogy and Psychology. Theory and practice*. 2016. № 6 (8). С. 71–74.

9. Опарина Н. А., Левина И. Д., Кайтанджян М. Г. Праздник в структуре досуга как уникальная воспитательная система // *Среднее профессиональное образование*. 2017. № 2. С. 53–57.

10. Малинова О. Ю. Комmemорации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики // *Историческая память и российская идентичность* / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М. : РАН, 2018. С. 115–133.

11. Мэрия Нижнего просит бизнес помочь в подготовке Дня города // *Newsnn. ru*. Все новости Нижнего Новгорода. 25 июля 2019. URL: <https://newsnn.ru/news/economy/25-07-2019/meriya-nizhnego-prosit-biznes-pomoch-v-podgotovke-dnya-goroda> (дата обращения: 26.07.19).

Рыбалов М. В.

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРГ В КОНТЕКСТЕ ЕС

Аннотация. Автор анализирует векторы влияния ФРГ на внешнюю политику ЕС. Рассматриваются проблемные моменты и перспективы влияния ФРГ на внешнюю политику ЕС. Анализируется влияния германских государственных и негосударственных акторов на общеевропейскую внешнюю политику.

Ключевые слова: ФРГ, ЕС, внешняя политика, Восточная Европа, Балканы, атлантизм, европеизм.

Современный мир быстро меняется. Вещи, которые ранее казались невозможным, происходят, заставляя врасплох как представителей политический элит, так и учёных. В данной возросшей неопределённости и турбулентности окружающего мира ЕС сталкивается с целым рядом внешних и внутренних вопросов, решение которых необходимо для сохранения и конструктивного развития европейского проекта. В то время как позиции евроскептиков усиливаются, а правые популистские партии Европы расширяют свой электорат и всё громче заявляют о себе, крайне важно находить

общее векторы развития в различных областях существования человека, государства и наднациональных структур. Понимание вклада и потенциала каждой отдельно взятой страны, организации и личности — это тот ключ, который поможет открыть, если не все двери, то хотя бы приоткрыть их и показать существующие возможности, тенденции и обозначить цели и задачи.

ФРГ в последние десятилетия выходит на качественно новый как национальный, так и наднациональный уровень в данной сфере. Острая необходимость, вызванная мирополитической повесткой современности, в выработке общей внешней политики государств-участников Союза, а также важность концептуализации ЕС как актора мировой политики, подталкивают к тщательному изучению вклада отдельных стран сообщества в формирование единой внешнеполитической линии. ФРГ в данном контексте представляет особый интерес, как одна из двух основных стран (включая Францию), которая прилагает наибольшие усилия для углубления дальнейшей европейской интеграции. Германская внешняя политика была и остается существенным фактором, влияющим на расстановку сил в Европе и мире. ФРГ взяла на себя основную долю ответственности за Европу как страна, у которой есть для этого все ресурсы, но при этом сотрудничая со странами ЕС, используя общеевропейские внешнеполитические инструменты, а также, открыто не вступая в конфликт с атлантистской политикой США, избегая резких изменений курса и не раздражая соседей. И, как следствие, ФРГ извлекает серьезные выгоды из нынешнего мирового порядка и глобализации [1, 56]. Возвращение ФРГ на Балканы позволило ей избавиться от «комплекса вины», который был связан со Второй мировой войной, и повысить свой международный статус. Участие в украинском кризисе позволило говорить о ФРГ как об активном акторе мировой политики, который формирует общеевропейский политический курс.

У ФРГ есть значительно больше ресурсов «мягкой силы», чем у других стран ЕС, что в первую очередь связано с тем, что ФРГ раньше осознала необходимость использования этой концепции для решения поставленных внешнеполитических задач. «Мягкая сила» ФРГ имеет как внутренний вектор, так и внешний, её гражданские организации больше мотивированы, им предоставляется более широкая свобода действий. Преимущество стратегии «мягкой силы»

ФРГ состоит в том, что ФРГ не декларирует открыто своё желание воздействовать на других своей привлекательностью и менять их предпочтения, о чём, к примеру, заявила Россия, приняв в 2013 г. Концепцию внешней политики [1, 57]. Поэтому германские масштабные мероприятия не вызывают той критики, которой подвергаются подобные российские мероприятия.

У немецкого правительства есть понимание, что «мягкая сила» не всемогуща, и чтобы добиться первых позиций в мире, нужно использовать «жёсткую силу». По этой причине Дж. Най позже изменил свою концепцию «мягкой силы» на «умную силу», которая сочетает как элементы «мягкого», так «жёсткого» воздействия [2, 191]. В последние годы основополагающая роль ФРГ в общей внешней политике ЕС всё чаще достигается за счёт применения «жёсткой силы», а именно путем использования финансовой и экономической мощи. Новые вызовы и угрозы: внутренние международные конфликты, незаконный оборот наркотиков, терроризм часто требуют быстрого реагирования. В то время как для получения положительных результатов за счёт использования «мягкой силы» необходим длительный период времени. В данный момент ФРГ стремится расширить сферы применения сил бундесвера в собственной внешней политике, для этого она пытается получить поддержку некоторых «новичков» в ЕС, привлекая их в сферу стратегического партнёрства, а также США. Именно ФРГ поспособствовала признанию Словении и Хорватии в 1992 г., а затем содействовала их включению в ЕС [3, 340]. Нынешний канцлер А. Меркель делает в своей внешней политике ставку на привлечение старых критиков, дабы сформировать совместную позицию в ЕС. Так, Польша участвует в проекте «Восточное партнерство», где она может критиковать Россию, не затрагивая ФРГ. Что касается отношений ФРГ и США, то ради их сохранения и укрепления ФРГ пришлось пойти на жертвы, запятнав собственный имидж правового государства в скандале о прослушивании спецслужбами США телефонных разговоров немецких политиков, а также рядовых граждан [4, 467].

Одним из важных факторов европейской интеграции является усиление влияния ФРГ на формирование наднациональной политики. Объединение европейских государств всегда имело важное значение для ФРГ. Следует отметить, что ФРГ последовательно

наращивает усилия по продвижению своего позитивного образа в Европе. Это проявляется в многообразии используемых ФРГ средств и механизмов для продвижения своих ценностей, влияния на внешнюю политику ЕС, в количестве германских представительств в Европе, интенсификации контактов среди всех слоев населения, применении современных средств коммуникации, включая сеть Интернет [3, 343].

Внешняя политика ФРГ после воссоединения гораздо более европейская, нежели внешняя политика остальных влиятельных членов ЕС. Реализуемые различными фондами проекты структурно-политической значимости важны и для реализации внешнеполитических целей ЕС в отношении других трансформирующихся и развивающихся стран. В Восточной Европе и государствах Балтии, к примеру, политические фонды проделали большую работу, которая нацелена на необходимое для вступления в ЕС изменение политических и социальных структур этих государств. Безусловно, при всей своей европолитической активности фонды в первую очередь остаются германскими организациями. Европолитическую деятельность фондов не стоит изучать обособленно — она неразрывно сплетена с национальными интересами ФРГ и нередко — с особыми партийными интересами [5, 123].

Развитие и закрепление общеевропейского внешнеполитического инструментария детерминировано вектором развития политической интеграции ЕС. В том случае, если вместо укрепления федерации государств ЕС — или хотя бы его ядра — все же продолжат двигаться по пути создания федеративного государства и общих европейских институтов в сфере внешней политики и политики безопасности, вероятно, что по мере укрепления роли Европейского парламента, активизации европейских политических партий и становления ЕС в качестве единого политического актора, будут конституироваться и укрепляться и общеевропейские НПО, аналогичные существующим национальным, так, что при сильных будущих «европейских» партиях возникнут, быть может, когда-нибудь партийные институты, которые подобны современным германским политическим фондам, финансируемым из соответствующих общеевропейских ведомств. Однако пока внешняя политика ЕС конституируется на межправительственной основе и строится на концепциях, она будет воплощаться прежде всего

в работе его членов, используя национальные внешнеполитические инструментарии, и далеко не в последнюю очередь — национальные НПО [6, 144].

Векторы влияния ФРГ на общеевропейский политический курс, хотя и имеют в своей основе традиционные для ФРГ цели, все же обладают рядом свежих тенденций и намерений, что позволяет по праву говорить об идущем процессе серьезного переосмысления роли ФРГ в системе международных отношений. Вместе с тем новая линия получила трудный старт ввиду длительного процесса формирования нового правительства, неустойчивости Большой коалиции, накопившимися внутренними трудностями ФРГ, изменением отношения США к Европе, обострением экономических противоречий между атлантическими союзниками, все еще неопределенной ситуацией на Украине, отсутствием единства в ЕС, кризисом отношений России и Запада. И во многом от способности Большой коалиции убедить население в необходимости реализации намеченной в Коалиционном соглашении внешнеполитической стратегии будет зависеть, перейдет ли ФРГ к активному воздействию на внешнюю политику ЕС окончательно или ее правительство будет вынуждено вновь занять более осторожную позицию по текущей международной повестке дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин А. К.* Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ. М., 2018. 273 с. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/41903/> (дата обращения: 21.02.2019).
2. *Трунов Ф. О.* ФРГ как центр влияния в многополярном мире. Особенности подхода к использованию силы // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 5. С. 185–206.
3. *Patterson William R.* Smart power in reunified Germany // Journal of Power. Vol. 1, № 3. P. 339–354.
4. *Пушкарева В. В.* Внешняя политика современной Германии на постюгославском пространстве / Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. № 4. С. 466–474.
5. *Haftendorn H.* Deutsche Außenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung. Stuttgart, München : Deutsche Verlagsanstalt, 2011. 309 s.
6. *Schmidt S.* Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden : Springer VS, 2007. 388 s.

ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Этнополитический экстремизм — это деятельность этногрупп, направленная на дестабилизацию политического режима и представляющая угрозу для России как полиэтничного государства.

Ключевые слова: экстремизм, этнополитические процессы, экстремистские группировки, межэтническая напряженность.

К началу XXI в. экстремизм как инструмент нелегитимного насильственного достижения политических целей получает широкое распространение в мире. Для ряда регионов России характерно наличие деструктивных группировок, использующих для достижения своих целей этнический и религиозный факторы. Среди причин возникновения и активизации идей экстремизма следует выделить как объективные факторы, воплотившиеся в ухудшении политической, экономической, социальной, духовной и культурной ситуации в государстве в конце прошлого века, так и субъективные факторы, связанные с человеческой психологией и моделями поведения отдельных индивидов.

Питательной средой для формирования негативных тенденций в области межэтнических отношений послужило ослабление государственных институтов и специфика переходного периода формирования демократического государства. Любой транзитный период неизбежно сопровождается увеличением социальной напряженности и несет усиление актуальных и латентных конфликтов. Возникшие вследствие политического транзита «шоковые» реформы в экономике привели к существованию в течение длительного периода неэффективных форм хозяйства, экономической отсталости, обнищанию и частичной маргинализации населения. Разрушение авторитарной политической системы и ослабление центральной власти в совокупности с остальными причинами социального и

¹ Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП А. Р. Кетов.

экономического характера стали причиной «парада суверенитетов» 1990–1991 гг.

Одним из существенных факторов распространения экстремистских идей среди населения является нестабильная экономическая ситуация. Для иллюстрации данного тезиса обратимся к коэффициенту Джини, который выявляет корреляционную зависимость между проявлениями девиантного поведения и степенью неравенства в распределении доходов населения. В начале XXI в. коэффициент Джини для России составлял 0,456, тогда как для Австрии — 0,309, Германии — 0,283, Бельгии — 0,250. Показатели, приближенные к российским, наблюдались в Боливии (0,447), Иране (0,430), Камеруне (0,446), Уругвае (0,446) [1, 261]. Показательно, что за период с 1990 по 1999 г., годом с максимальным индексом Джини стал 1994 — именно тогда было зарегистрировано наибольшее число убийств (32,3 тысячи) [3, 73]. В условиях снижения жизненного уровня произошло резкое расслоение населения: согласно статистике Росстата, каждый седьмой житель России живет за чертой бедности. При подобной поляризации общества «богатые — бедные» происходит дестабилизация системы, что при определенных обстоятельствах может привести к социальным потрясениям. В ряде субъектов наблюдается спад производства в промышленном и аграрном секторах, порождающий проблему занятости трудоспособного населения. Согласно исследованиям 2017 г., анализировавшим материальное благополучие жителей и баланс миграции, самыми депрессивными регионами России стали Южный, Уральский и Сибирский федеральные округа [2]. Из-за отсутствия альтернативных возможностей в сфере занятости воинствующие экстремистские организации могут рассматриваться в качестве привлекательного источника дохода.

Среди социальных факторов роста экстремистских настроений следует выделить безработицу в отдельных регионах России, порождающую миграцию населения. На протяжении последнего десятилетия самый низкий уровень безработицы остается в Москве (1,8%). Высокие показатели наблюдаются в Северо-Кавказском федеральном округе, Сибирском федеральном округе и Дальневосточном федеральном округе. Разумеется, высокими остаются и показатели внутренней и внешней миграции. Согласно данным глав-

ного управления по вопросам миграции МВД России на апрель 2016 г., на территории страны находилось 9,87 миллионов иностранных граждан и лиц без гражданства. Миграционный прирост обеспечивают мигранты из Украины, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Молдавии и Киргизии. Долгая социальная адаптация и интеграция мигрантов в новую социальную среду, этнокультурные, психологические, религиозные различия способствуют увеличению социальной напряженности и усилению межэтнической неприязни, росту преступности, дискриминации по национальному, религиозному и языковому признаку. Активные миграционные процессы способствуют росту националистических настроений в обществе, что является благодатной почвой для деятельности экстремистских организаций.

Актуальной проблемой остается отсутствие государственной идеологии и национальных идей, разделяемых большинством населения [4, 10]. Идеология предстает в качестве системы ориентиров, целей и программ социальной деятельности и призвана способствовать осознанию отношения людей к действительности и друг другу. Являясь отражением общественного бытия в сознании людей, идеология активно воздействует на развитие общества, способствуя или препятствуя ему. Деидеологизированное общество является разобщенным и отчасти дезориентированным, что и является привлекательной основой для развития радикальных воззрений и их действенных воплощений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. М. : Весь мир, 2005.
2. Институт «Центр развития»: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2018. URL: <https://dcenter.hse.ru/> (дата обращения: 20.03.2019).
3. *Ольков С. Г.* О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73–78.
4. *Сазонов И. А.* Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Московского университета. Серия № 12. Политические науки. 2000. № 2.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГРУЗИИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ САЙТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ)

Аннотация. Исследование посвящено выявлению специфики символической репрезентации парламентских политических партий России и Грузии в сети Интернет. Автор проводит сравнительный анализ символической репрезентации парламентских политических партий РФ и Грузии, транслируемой через официальные сайты. В работе раскрывается понятие символической репрезентации, производится анализ воздействия символов на конструирование социальной и политической реальности.

Ключевые слова: символическая репрезентация, символическая политика, символ, политические партии, политический дискурс, позиционирование, имидж, сеть Интернет.

В условиях современного общества особый смысл приобретает проблема производства символов. Понимание их коммуникационного потенциала необходимо для анализа коммуникационных процессов, происходящих во всех сферах социального взаимодействия. Осуществление символической репрезентации напрямую связано с публичной сферой и информационным полем, так как именно здесь происходит обсуждение проблем и возможностей, формируется общественное мнение, происходит столкновение различных способов интерпретации социальной реальности. Стремительное развитие интернет-технологий оказывает влияние на все сферы жизни общества, в том числе упрощает процесс распространения информации, способствуя увеличению аудитории политических партий. В силу того, что интернет имеет более молодую аудиторию (средний возраст интернет-пользователей составляет 30 лет), он является наиболее привлекательной площадкой для политической коммуникации, в которой символы являются детерминантой восприятия политических событий и процессов. Символическая репрезентация в современном мире прибегает к использованию как аудиальных и визуальных средств, так и дискурсивных и семиотических единиц и представляет собой сложный конструкт, состоящий из символических действий, политических идей, публичных по-

зий, деятельности политических лидеров и рядовых членов, политической агитации, политической рекламы, символов и лозунгов. Формирование социальной и политической реальности требует от субъекта политической власти выстраивать коммуникацию с объектом на общем языке, и здесь большое значение приобретают ритуальные практики и символические структуры, а также выстраивание системы символов, мифов и ритуалов, которые должны оказывать воздействие на эмоциональную сторону жизни населения: чувства и переживания. Позиционирование политических партий ориентируется на определение своего сегмента политического рынка, т. е. той части электората, для которой транслируемая коммуникативная и символическая информация является наиболее актуальной. Основанием для выстраивания стратегии символического позиционирования может служить как рациональная база, так и разного рода манипуляции [1, 95]. Политическая конкуренция создает для партий опасность затеряться в потоке схожей транслируемой информации, символическое позиционирование позволяет справиться с возникающей коммуникативной проблемой. Развитие средств массовой коммуникации стало причиной того, что риторика отошла на второй план, уступив место семантике, позволяющей производить различные смысловые манипуляции, рождать новые дискурсивные единицы и закреплять их в виде паттернов. Символическая репрезентация политических акторов в сети Интернет на сегодняшний день стремится к персонификации коммуникативных действий, используя технологии таргетинга [2, 154]. Уже сегодня сайты политических партий имеют возможность реализовывать персонализированную символическую репрезентацию (обращение к пользователю по имени вкупе с общей деанонимизацией, контекстная реклама, представленная в формате фото и видео, обусловленная поисковыми запросами пользователя), но в перспективе адресность репрезентации будет только усиливаться.

Коммуникация в сети Интернет трансформируется из текстовой информации в систему символов (изображения, иконки), мы можем наблюдать рост популярности аудиовизуальных средств выражения (блоги, подкасты, сториз, коубы). Новый язык выходит за рамки вербальности, дополнительно используя визуальные компоненты, что позволяет говорить о «посталфавитной» коммуникации [4, 97]. Текст, содержащий в себе определенный нарратив, замещается набором символов, более наглядным и эффективным. Изображения

представляют собой более гибкую, подвижную структуру, требуют меньше ответственности за содержание, нежели слово, в силу чего оказывают более мягкое воздействие на индивида. В то же время наблюдается постепенное уменьшение степени значимости смысла, заложенного в слова. Слова теряют свой сакральный смысл, «замыливаются», сливаются с повседневностью.

Представленное исследование носит прикладной характер, и преследует цель выявления специфики технологий символической репрезентации парламентских политических партий России и Грузии в сети Интернет. Выбор политических парламентских партий РФ и Грузии в качестве объекта исследования обусловлен общим историческим контекстом. Единство региона, общее советское прошлое и сложные политические взаимоотношения двух стран, в которых Россия желает сохранить влияние в регионе, а Грузия стремится к максимальному сближению с Западом, делают исследуемую тему еще более актуальной. Кроме того, при наличии значительного числа зарегистрированных политических партий, места в парламенте у обеих стран получили только малое число партий, со значительным перевесом правящей. Официальные сайты политических партий рассматривались в исследовании как специфические медиатексты, что потребовало применения смешанных методик когнитивного, лингвистического и дискурс-анализа, а также сравнительного анализа и анализа визуальных образов. Для выявления особенностей символической репрезентации политических партий была разработана авторская система критериев и индикаторов. Анализ производился по внешнему, личностному, деятельностному и программно-идеологическому критериям, каждый из которых включал ряд индикаторов. Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы: несмотря на наличие общих принципов символической репрезентации: ориентации визуальной символической репрезентации на цветовую гамму партийной или государственной символики; применение общих технологий, способствующих повышению узнаваемости партийных политических деятелей; позиционирование путем освещения деятельности политической партии; использование коммуникативных технологий, отражающих взгляды, идентификационные признаки политической партии, соотношение данных сегментов в символической репрезентации российских и грузинских парламентских политических партий может в значительной мере различаться.

Символической репрезентации российских партий свойственна ориентация на текстовую информацию, тогда как грузинские политические партии, напротив, ориентированы на высокую степень визуализации даже в ущерб содержательности коммуникативной информации. Символическая репрезентация большинства российских политических партий направлена в первую очередь на реализацию личностного и деятельностного критериев. Технологии, способствующие повышению узнаваемости партийных политических деятелей, используются в большей мере российскими парламентскими партиями, однако стратегии позиционирования могут в значительной мере различаться: таким исключением является политическая партия ЛДПР, продемонстрировавшая специфическую стратегию личностной символической репрезентации, ориентированную не на политическую партию в целом, а исключительно на персону руководителя.

Сравнительный анализ деятельностной символической репрезентации российских и грузинских оппозиционных парламентских партий показал, что на сегодняшний день российские партии осуществляют репрезентацию своей деятельности в сети Интернет более успешно, что обусловлено использованием широкого спектра текстовых, фото и видео форм представления информации, тогда как грузинские оппозиционные партии или совсем не используют возможности деятельностной символической репрезентации, или реализуют ее в ограниченной форме. Необходимо отметить различия в программно-идеологическом ключе символического позиционирования: российским оппозиционным партиям свойственен официальный подход к представлению программно-идеологической информации, тогда как грузинские оппозиционные парламентские партии делают ставку на идеологическую направленность символической коммуникации, что находит отражение в низком уровне представленности на сайтах официальной и программной документации. Символическая репрезентация грузинских партий ориентирована на визуальный и программно-идеологический критерии символической репрезентации, с уклоном в идеологичность, что подтверждает значительное превалирование фото- и видеоконтента над текстовым и смысловым содержанием. Проведенное исследование продемонстрировало сходство стратегий символической репрезентации в рамках одной страны, вне зависимости от правящего или оппозиционного характера партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорян Д. К., Крицкая. А. А., Буланов Г. В. Политические технологии формирования имиджа власти в практиках лидерско-элитного позиционирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 5 (72). С. 94–96.
2. Мартыанов Д. С. Репрезентация политических партий в сети Интернет: векторы развития // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. № 3 (16). С. 154–156.
3. Сморгунев Л. В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 21–37.
4. Сурова Е. Э., Васильева М. А. Влияние интернет-среды на репрезентационные и идентификационные стратегии // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3 (57). С. 93–99.

Титов К. С.¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ США

Аннотация. В статье рассматриваются три основные волны эволюции политического функционала аналитических центров США и выделяются ключевые параметры его изменений.

Ключевые слова: аналитические центры США, государство, влияние, политические функции, общество.

Термин «аналитический центр» впервые был употреблен в середине XX в. в отношении RAND Corporation. В дальнейшем это понятие прочно вошло в научный дискурс и стало применяться в отношении других организаций подобного типа, в независимости от даты их возникновения. Хотя аналитические центры и вышли из научного сообщества, со временем они во многом от него отошли. Это можно объяснить возникшем в обществе запросом на более прикладной характер политических исследований.

Характер возникновения аналитических центров условно можно поделить на три периода. Первый относится к началу XX в., в США это время отождествляется с началом новых социальных преобразований, общественных вызовов, развитием технологий и новым

¹ Научный руководитель: д-р полит. наук, заведующая кафедрой политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена Л. А. Гайнутдинова.

витком в экономике. Финансирование аналитических центров обеспечивалось благодаря поддержке благотворительных фондов и частных пожертвований меценатов. Центры пытались найти ответы на новые социальные вызовы, возникшие в США. Одним из центральных вопросов подобного типа было развитие экономики и преодоление разрыва между богатыми и бедными. В обществе так же возник вопрос о преодолении глобальных мировых проблем. Некоторые центры работали в этом направлении.

Одним из самых первых подобных центров является Фонд Рассела Сейджа. Он был основан в 1907 г. Изначально главной задачей Фонда было улучшение экономического положения в США. Благодаря его деятельности в стране удалось снизить уровень нищеты. Появились новые узконаправленные благотворительные организации [1, 34].

Фонд Карнеги за международный мир был основан в 1910 г. и больше ориентировался на международные отношения и вопросы внешней политики. Фонд всегда ставил перед собой задачу работать на общее благо мирового сообщества. Отделения Фонда находятся в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

Брукингский институт был основан в 1916 г. Во время Великой депрессии центр критиковал Франклина Рузвельта и проводимую им политику. В дальнейшем акцент сместился на другие социальные проблемы и новые вопросы, с которыми сталкивались Штаты. Исследования института оказали существенное влияние на политику США в период двух мировых войн, сотрудники центра принимали участие в разработке Плана Маршала [2].

Второй период развития аналитических центров принято связывать с окончанием Второй мировой войны и становлением США как одной из двух сверхдержав. Появился острый запрос на научных специалистов и консультантов в области международной и национальной безопасности [3, 10–11]. Для данного периода характерна все большая вовлеченность государства в деятельность аналитических центров. Государство становится одним из главных спонсоров их работы, все чаще появляются правительственные заказы.

Корпорация RAND была основана в 1948 г., одной из главных декларируемых целей было содействие национальной безопасности США. Интересно что изначально исследования касались космической программы США. Однако позже институт стал заниматься такими вопросами, как экономический рост, затрагивал изучение

политических и социальных проблем. При этом сохранилась тенденция к более техническим наукам, изучался искусственный интеллект, информатика, Интернет.

Гудзоновский институт был образован в 1961 г. Институт занимался изучением масштабных мировых процессов, например, гонки вооружений. В дальнейшем предмет исследований стал более узконаправленным, акцент сместился на геополитику и локальные войны.

Третий период начинается с 1970-х гг. и характеризуется появлением неоконсерваторов, отстаивающих принципы меньшего вмешательства государства в экономический сектор. Они привлекают на свою сторону инвестиции из крупного капитала, возникают попытки поставить деятельность интеллектуальной элиты на службу свободного рынка. В результате бизнес, ориентированный сектор предпринимателей, становится одним из крупнейших инвесторов аналитических центров.

Фонд Наследие был основан в 1973 г. Он был ориентирован на продвижение консервативной идеологии и свободный рынок, затрагивались вопросы обороноспособности Штатов. Отличительной чертой фонда стала публикация кратких аналитических записок, которые отображали позиции фонда в лаконичной и понятной форме. Более объемные работы также активно публиковались. Часть из них была адресована напрямую новоизбранным президентам США. Все это закрепило авторитет фонда в глазах научного общества и политиков.

Институт Катона был образован в 1977 г. Он отображал либертарианскую повестку. Центр вел разработки в области экономического и военного бюджета. Исследования касались вопросов деятельности НАТО и других масштабных политических акторов.

Таким образом, отчетливо прослеживается все большая вовлеченность различных акторов-спонсоров в работу центров. Если первые два периода (второй в меньшей степени) старались рассматривать возникшие проблемы с точки зрения традиционных научных методов, возлагали на себя роль экспертного сопровождения государственной политики, то третий период характеризовался все большей вовлеченностью государства и крупного частного капитала в работу аналитических центров. Центры все чаще в открытую заявляли о своей вовлеченности в политическую деятель-

ность, правительственные заказы стали нормой. Результаты их работы все больше становятся предназначены для государства и конкретных политиков [4, 45]. Все это позволяет говорить о неоднозначности такого явления как мозговые центры. С одной стороны, они вносят существенный вклад в науку, политику и общество, с другой — становятся все более политизированными и идеологически ангажированными. Несмотря на это, в современном американском обществе центрам отводится значимая роль в общественной жизни и политической системе как внутри страны, так и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rich A.* Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. The Edinburgh Building, Cambridge, 2004. 34 p.

2. *Строб Тэлботт.* Институт Брукинга: как работает мозговой центр. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2194> (дата обращения: 07.04.2019).

3. *Abelson D.* American Think Tanks and their role in the U. S. foreign policy. New York, Macmillan, 1996. 10–11 p.

4. *Диксон П.* Фабрики мысли. М. : АСТ, 2004. 512 с.

Усенко М. Ю., Куртаметова Д. Ш.¹

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ. КАК МЕНЯЕТСЯ РИТОРИКА И ЛЕКСИКА ДИПЛОМАТА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ? (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕЧЕЙ М. ЗАХАРОВОЙ)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу инструмента цифровизации, в которой происходит смена лексики и риторики дипломатических представителей посредством контент-анализа текстовых речей М. Захаровой в социальных сетях.

Ключевые слова: цифровизация, социальные сети, риторика, дипломатическая лексика, М. Захарова.

Сегодня платформа Рунета (российского Интернета) — это относительно свободная зона для политических и резонансных дискус-

¹ Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) А. А. Балаян.

сий. Поскольку граждане России моложе 40 лет являются активными пользователями сети Интернет [1, 49], то их политические настроения необходимо отслеживать через внедрение высоких технологий. Стоит отметить, что первым интернет-инструментом для политических вопросов был э-мейл, который послужил средством обмена информации в период августовского путча 1991 г. [2, 89]. Тенденция цифровизации ведет к изменению лексики официальной власти на внутригосударственном и международном уровнях. Наиболее ярким примером может выступать представитель МИД РФ М. Захарова, которая позволяет резкие заявления, содержащиеся в сообщениях Твиттера и Фейсбука.

С её назначением на пост Директора департамента информации и печати МИД РФ в 2015 г. риторика МИДа РФ претерпела изменения, вызванные ростом интернет-площадок для обсуждения политических вопросов, и направлена на то, чтобы дипкорпус соответствовал цифровым реалиям [3; 4]. Вместе с этим произошли изменения в лексике, которую начали использовать официальные политики во время собственных выступлений. Несмотря на то, что некоторые громкие заявления депутатов нередко становятся поводом для их увольнения (например, исключение из партии «Единая Россия» Гасана Набиева [4]), формально-неформальный язык М. Захаровой воспринимается как нормальный ответ на нападки диппредставительства [5, 94].

Сама М. Захарова позиционирует себя как «дипломат-блогер», деятельность которого связана с активным ведением социальных сетей, которые нацелены на открытость, оперативность и доходчивость позиции [6]. Другими словами, М. Захарова определяет роль социальных сетей, как возможность быстрой передачи информации и преобразование её с официального языка на более понятный публике.

М. Захарова использует социальное пространство как инструмент, где публично отвечает зарубежным коллегам, транслируя личную позицию. Так, М. Захарова ответила по поводу американской пропаганды: «Американская пропаганда ползает по дну». В том же сообщении она употребила словосочетание «отчаянный трэш» [7]. В другом заявлении М. Захарова высказалась в отношении президента Украины так: «Петр Алексеевич осатанел» [8]. В блогах М. Захаровой можно натолкнуться на саркастический стиль сообще-

ний. Например, отвечая на эфир Би-Би-С об утечке информации о сотрудниках МИДа РФ, она заявила: «Потрясающе работают британские журналисты. Их могут обогнать лишь британские учёные» [9]. Кроме того, помимо таких слов как «фейк», М. Захарова может позволить себе использовать, например, такое слово как «деза» [10], сокращенное от «дезинформация», что говорит о том, что официальные представители тоже применяют сленговую лексику.

На примере М. Захаровой можно отметить, что риторика официальных представителей отличается менее нормативной формой лексики, допущением использования сленговых выражений, которая подкрепляется употреблением различных лексических эффектов, которые ранее были просто недоступны и недопустимы для официальных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефанов А. А.* Влияние цифровизации на деструкцию института регионального телевидения // *Власть*. 2017. № 8. С. 49–53.

2. *Воинов Д. А.* Политические амбиции интернета в России // *Власть*. 2007. № 2. С. 88–91.

3. *Мартыненко Е. В., Мельникова А. В.* Медийные лица внешней политики США и России: Дж. Псаки vs М. Захарова // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 10. С. 1–5.

4. РИА НОВОСТИ // Официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20190321/1551987593.html> (дата обращения: 21.03.2019).

5. *Дурыгина Е. С.* Коммуникативный имидж Ксении Собчак и Марии Захаровой // *Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования*. Вологда, 2018. С. 92–95.

6. *Шестаков Е.* Маша и МИД // *Российская газета — столичный выпуск*. 2019. № 29 (7787). URL: <https://rg.ru/2019/02/10/zaharova-ne-hochu-stanovitsia-chinushej-bezrazlichnoj-k-chuzhim-problemam.html> (дата обращения: 15.03.2019).

7. Сообщение от 21 февраля 2019 года. Фейсбук. Официальный сайт. URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova>. 167 (дата обращения: 15.03.2019).

8. Сообщение от 6 февраля 2019 года. Фейсбук. Официальный сайт. URL: <https://www.facebook.com/maria.zakharova>. 167 (дата обращения: 15.03.2019).

9. Эхо Москвы // Официальный сайт. URL: <https://echo.msk.ru/blog/mzakharova/2343207-echo/> (дата обращения: 19.03.2019).

10. Эхо Москвы // Официальный сайт. URL: <https://echo.msk.ru/blog/mzakharova/2278304-echo/> (дата обращения: 19.03.2019).

ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению приоритетных направлений деятельности современного российского государства в области реализации вопросов национальной безопасности. В государственных документах контекст реализации политики национальной безопасности представлен как условие экономической конкуренции и политико-военной конфронтации, из которых приоритетным направлением становится вектор реализации конструктивного потенциала международного сотрудничества на основе всестороннего экономического развития.

Ключевые слова: Российская Федерация, приоритеты национальной безопасности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Государственные документы стратегического планирования в области национальной безопасности являются представлением положения страны в мире с точки зрения политического влияния, экономического потенциала и военной мощи. Стратегии, доктрины и концепции в сфере национальной безопасности дают оценку проблемам внутренней и внешней политики государства, анализируют конкурентные преимущества страны в главных отраслях экономики, в науке и технологиях. Документы национальной безопасности определяют стратегические приоритеты государственной политики в данной области на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

В Российской Федерации главным документом в сфере национальной безопасности является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1]. Её положения в конкретных аспектах развивают профильные документы, такие как Военная доктрина РФ [2], Доктрина информационной безопасности РФ [3], Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. [4]. В свою очередь, данные документы имеют свои дополняющие и конкретизирующие стратегии, например: Доктрина энергетической безопасности РФ [5], Основы государственной политики РФ в об-

¹ Научный руководитель: д-р полит. наук, заведующая кафедрой политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена Л. А. Гайнутдинова.

ласти промышленной безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу [6] как развивающие Стратегию экономической безопасности РФ на период до 2030 г. [4].

Современный контекст обеспечения национальной безопасности России представляет собой сложные внешнеполитические и внутренние экономические условия. Политическую конфронтацию между Российским государством и странами НАТО и Евросоюза характеризуют:

1. Инициированный иностранными государствами санкционный режим в отношении России, связанный с событиями на Украине и присоединением Крыма к Российской Федерации [7, 15–16], а также с обвинением Российского государства во вмешательстве в президентские выборы в США в 2016 г. [8, 316]. Впоследствии санкции приобрели двусторонний характер.

2. Дипломатические противоречия в видении урегулирования конфликта на Донбассе [7, 15] и в Сирийской Арабской Республике [9, 182–183], а также ряд военных инцидентов, связанных с сирийским конфликтом [10, 785–786].

3. Усиление военного присутствия России и стран НАТО в Арктическом регионе.

4. Сокращение дипломатических форматов и площадок для обсуждения перспектив и проблем сотрудничества между Российской Федерацией и странами НАТО и ЕС.

Вышеперечисленные факты и их последствия обусловили практически полное обновление корпуса государственных документов в области национальной безопасности Российской Федерации, начавшееся в 2014 г. и продолжающееся до настоящего времени.

Дискурсивная составляющая состоит в том, что государство интерпретирует национальную безопасность через категории развития экономики и взаимовыгодных международных связей и проектов, науки и технологий. Исходя из количественного анализа текстов государственных документов, можно чётко разделить преобладающие лингвоединицы на четыре категории в порядке частотности «от большего — к меньшему»: 1. Субъекты безопасности. 2. Безопасность. 3. Развитие. 4. Угрозы.

Первая категория носит технический характер и не представляет исследовательского интереса для данной работы. Соотношение трёх следующих категорий представлено на графике (график) и в

таблице (таблица) качественного контент-анализа документов национальной безопасности. «Развитие» преобладает над «Угрозами».

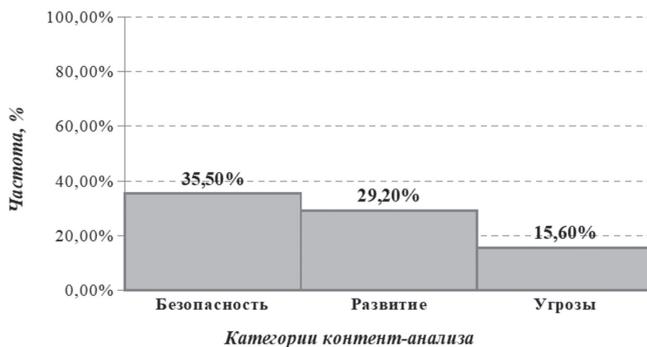

График. Соотношение категорий контент-анализа

Контент-анализ государственных документов стратегического планирования Российской Федерации в области национальной безопасности

Название категории	Индикатор признака в тексте документа	Частота, %
Безопасность	«Состояние национальной безопасности напрямую зависит от степени реализации стратегических национальных приоритетов...» (+), «...защита суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации и неприкосновенности ее территории...» (+)	35,5
Развитие	«Обеспечение экономической безопасности осуществляется путем развития промышленно-технологической базы и национальной инновационной системы...» (+), «Совершенствование норм и нормативов применения инновационных технологий» (+)	29,2
Угроза	«Опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере...» (+), «...нанесение ущерба стратегически важным отраслям национальной экономики Российской Федерации...» (+)	15,6

Защита от угроз и противодействие им вторичны по отношению к развитию экономики, науки, инфраструктуры, человеческого потенциала. Развитие как таковое представлено определяющим фактором национальной безопасности.

Таким образом, Российская Федерация в представлении документов национальной безопасности развивается в сложных политических и экономических условиях. Реальность интерпретируется в диалектическом сочетании потенциальных угроз и потенциальных перспектив взаимовыгодного сотрудничества. Национальная безопасность понимается через категорию динамичного развития — развития страны в различных областях, отвечающего требованиям высокой конкурентоспособности и полноценной реализации суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 N 683). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 01.03.2019).

2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 12.12.2014 N Пр-2976). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 01.03.2019).

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5.12.2016 N 646). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (дата обращения: 01.03.2019).

4. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 N 208). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/1d8dcf5824d5241136fa09b9e9c672ac5d325365/ (дата обращения: 01.03.2019).

5. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2019 N 216). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324378/d87263c7d000eb14ff8733b0d174803154e9ff77/ (дата обращения: 15.05.2019).

6. Основы государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297389/eaf17f280d25e936407d00d3c1830111747cdfc8/ (дата обращения: 01.03.2019).

7. *Архипова В. В.* Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект // Мир новой экономики. Экономика и экономические науки. 2017. № 2. С. 13–19.

8. *Кулдышева Э. И. К.* Выборы в США и публичная дипломатия России // Азимут научных исследований: экономика и управление. Политика и политические науки. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 315–317.

9. *Кабасакалова М. Г.* К вопросу о столкновении интересов России и США в регионе Ближнего Востока на примере Сирии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2016. № 5 (73). С. 179–187.

10. *Косов А. П.* Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011–2018 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Междуна-родные отношения. Политика и политические науки. 2018. Т. 18. № 4. С. 775–789.

*Шейман В. В.*¹

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА ГОРОДА В ПОЛИТИКЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Аннотация. В статье описывается историческая составляющая образа го-рода и анализируется политика городской идентичности на примере города федерального значения Санкт-Петербург.

Ключевые слова: образ города, политика городской идентичности, Санкт-Петербург.

В России степень изучения политики городской идентичности становится все более актуальной, ввиду возрастающего запроса со стороны местных органов власти на проведение политики идентичности в рамках отдельно взятого города. В разное время изучением городской идентичности занимались Н. С. Дягилева, Д. Н. Замятин, М. П. Крылов, Н. Г. Федотова [1; 4; 5; 6]. Н. С. Дягилева определяет городскую идентичность как «компонент социальной идентичности личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью» [1, 56]. В данной статье будет раскрыта историческая составляющая специфики образа Санкт-Петербурга как одного из компонентов городской идентичности, влияющего на социокультурный конструкт всего городского сообщества.

Уникальность Петербурга заключается в универсальности кон-струирования направлений идентичности, которая напрямую влия-ет на разработку самого образа города. Несколько веков, в течение которых Петербург являлся имперской столицей России, не смогли остаться незамеченными при создании образа города в политике городской идентичности. «Формирование идентичности в данных

¹ Научный руководитель: д-р соц. наук, профессор кафедры политологии ФИСН РГПУ им. А. И. Герцена Т. Б. Рябова.

городах идет преимущественно в рамках культурно–исторического дискурсивного пространства» [2, 57]. Следовательно, образ города, связанный с исторической составляющей, происходит по нескольким направлениям. Во-первых, доминирование в дискурсе образа конкретного исторического деятеля, связанного с городом [2, 58]. Санкт-Петербург в сознании петербуржца всегда будет ассоциироваться с именем его основателя — Петра I. Во-вторых, большую роль играет и политика сохранения памятников, проводимая Администрацией города, которая позволяет сохранить памятники ключевым деятелям города и государства: Памятник Петру I Великому, Екатерине II, Павлу I, Николаю I, Александру III, В. И. Ленину и т. д.

В-третьих, следующее направление осуществляется через акцент в дискурсе на знаменитых архитектурных сооружениях, расположенных в городе [2, 58]. Архитектурные символы города, благодаря своим символическим значениям, являются формообразующими для сознания горожан. Особенно это характерно для петербуржцев ввиду огромного архитектурного и культурного наследия Санкт-Петербурга. Проживание горожанина в непосредственной близости с памятниками архитектуры позволяет развиться большей преемственности с общей городской идентичностью.

В-четвертых, далее в политике идентичности следует использование специфических символов, связанных с историей, мифологией либо географическими особенностями города [2, 58]. В сознании петербуржца географическими символами является река Нева и городские водные артерии в целом, которая играет градообразующую роль, благодаря которой за Петербургом закрепился образ «Северной Венеции» [3, 6]. Незаживающей раной в истории города является период Блокады, тематика которой является одной из важнейших в музейной политике, направленной на сохранение памяти о данном периоде, которая совместно с проведением мероприятий, связанных с Днем снятия Блокады, также влияет на конструирование политики городской идентичности.

Заключительным направлением политики идентичности является присвоение статуса неформальной столицы. Исторически сложилось, что Петербург заслуженно носит неформальное звание «культурной столицы», поскольку до сих пор в нем располагается огромное число театров, музеев, галерей. Кроме того, Петербург более 200 лет являлся столицей России, что осталось наследием

в виде статуса неформальной столицы России (второй после Москвы, «Северной столицы»). Данный факт прямо влияет на городскую социальную среду, оказывая заметное воздействие на формирование особого городского менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дягилева Н. С.* Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов: опыт, проблемы, перспективы / Бритвин А. М. (ред.). Екатеринбург, 2013. С. 54–59.

2. *Семенова Д. М.* Формирование городской идентичности в малых городах России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6 (50). С. 54–64.

3. *Каранетов Э. С., Белый А. А.* История развития мостового хозяйства Санкт-Петербурга: проблемы эксплуатации городских мостовых сооружений. / Петербургский государственный университет путей сообщений. СПб., 2010. С. 5–36.

4. *Замятин Д. Н.* Пространственно-территориальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. М., 2011.

5. *Крылов М. П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 3. С. 266–277.

6. *Федотова Н. Г.* Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 3. С. 32–49.

III УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Гайнутдинова Л. А., Невзоров М. В., Русских М. С.

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ПРИМЕРНОЙ ОСНОВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ) «41.04.04 — ПОЛИТОЛОГИЯ» (МАГИСТРАТУРА), ПРОФИЛЬ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ»)

Аннотация. Учебно-методическая комиссия кафедры политологии Герценовского университета решила поделиться опытом, полученным в результате выполнения задания работодателя (Учебно-методического управления РГПУ им. А. И. Герцена), по разработке примерной основной образовательной программы (ПООП) уровня магистратуры по направлению подготовки «41.04.04 — Политология» (профиль: «Государственная политика и управление») в соответствии с требованиями ФГОС ВО 3++.

Ключевые слова: высшее образование, ФГОС ВО 3++, примерная основная образовательная программа, политология, государственная политика и управление.

В 2018 г. учебно-методической комиссией кафедры политологии был разработан уникальный по меркам РГПУ им. А. И. Герцена интеллектуальный продукт — примерная основная образовательная программа (далее — ПООП) [1]. Проект создавался для представления Федеральному учебно-методическому объединению по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «41.00.00 — Политические науки и регионоведение». Разработке данной программы предшествовали существенные изменения нормативно-правовой базы российского высшего образования, связанные с принятием новых федеральных государственных образовательных стандартов (т. н. ФГОС ВО «3++» [2]) для уровней бакалавриата и магистратуры. Изменения, в частности, серьезно затронули формируемые компетенции и соотношение теоретической и практической составляющих обучения.

Прежде всего были определены цели и задачи новой образовательной программы в форме профессиональных компетенций, для чего был проведен анализ обобщенных трудовых функций российских профессиональных стандартов [3] и опыта отечественной политологической деятельности. В результате этой части работы был создан один из первых в России практико-ориентированных списков профессиональных компетенций обучающихся магистратуры по направлению подготовки «41.04.04 — Политология», профилю «Государственная политика и управление». Знания, умения и навыки по перечисленным ниже компетенциям позволяют приблизить образование к практическим и текущим проблемам современных политических организаций, дадут возможность выпускникам соответствовать 7 уровню квалификации, осуществляя полномочия и ответственность по «определени[ю] стратегии, управлению процессами и деятельностью, в том числе инновационной, с принятием решения на уровне крупных организаций или подразделений» [4]:

ПК-1. Осуществление преподавания по программам бакалавриата и дополнительным профессиональным программам политологического профиля (компетенция разработана на основе профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 сентября 2015 г. № 608н);

ПК-2. Ведение процедуры медиации в сфере политических конфликтов и споров (компетенция разработана на основе профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2014 г. № 1041н);

ПК-3. Операционное управление персоналом и подразделением партии, международной организации, общественного института, субъекта экономической и образовательной деятельности (компетенция разработана на основе профессионального стандарта «Специалист по управлению персоналом», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 691н);

ПК-4. Налаживание и администрирование взаимоотношений между органами государственной власти, организаций сферы биз-

неса и общественных организаций (компетенция разработана на основе указанного выше профессионального стандарта);

ПК-5. Способность осуществлять поиск, анализ и обработку научной информации в целях исследования проблем организационно-управленческой деятельности (компетенция разработана на основе анализа опыта политологической деятельности).

Кроме того, помимо самих профессиональных компетенций были разработаны и индикаторы их достижения.

Другой, не менее значимой, составляющей работы над ПООП стало создание учебного плана и графика учебного процесса, отвечающих требованиям нового образовательного стандарта и дающих возможность академической мобильности обучающихся в рамках программы двух дипломов. Вследствие этого обязательная часть программы была ограничена только двумя модулями:

М. 1.1 «*Методология исследования в сфере деятельности*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.1.1 «Современные проблемы науки и образования», М. 1.1.2 «Методология и методы научного исследования», М. 1.1.3 «Теория аргументации в исследовательской деятельности» и практики М. 2.1.4 «Учебная практика (научно-исследовательская)», М. 2.1.5 «Производственная практика (преддипломная)»);

М. 1.2 «*Профессиональная коммуникация*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.2.1 «Русский язык в профессиональной сфере», М. 1.2.2 «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» и М. 1.2.3 «Информационные технологии в профессиональной деятельности»).

Часть, формируемая участниками образовательных отношений, была представлена четырьмя инвариантными модулями (М. 1.3—М. 1.6) и тремя вариативными модулями по выбору обучающегося (М. 1.7):

М. 1.3 «*Основы политологического образования*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.3.1 «Образовательные технологии подготовки обучающихся», М. 1.3.2 «Теория и методика преподавания политологических дисциплин в учреждениях среднего профессионального и высшего образования», М. 1.3.3 «Научные школы современной политологии» (дисциплина по выбору), М. 1.3.3 «История политологического образования в российской высшей школе» (дисциплина по выбору) и практика М. 2.3.4 «Производственная практика (педагогическая)»);

М. 1.4 «*Основы политического и государственного управления*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.4.1 «*Организационно-управленческая деятельность в сфере политики*», М. 1.4.2 «*Социология государства*», М. 1.4.3 «*Система государственного управления*», М. 1.4.4 «*Местное самоуправление и местная демократия*», М.1.4. 5 «*Процесс принятия политических решений на региональном уровне в современной России*» (дисциплина по выбору), М. 1.4.5 «*Процесс принятия политических решений на локальном уровне в современной России*» (дисциплина по выбору) и практика М. 2.4.6 «*Производственная практика (научно-исследовательская работа)*»);

М. 1.5 «*Проблемы исследования политической организации*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.5.1 «*Коммуникативные практики политических акторов*», М. 1.5.2 «*Организационная культура политических акторов*», М. 1.5.3 «*Организация государственных услуг в современной России*» (дисциплина по выбору), М. 1.5.3 «*Организация социального обеспечения в современной России*» (дисциплина по выбору) и практика М. 2.5.4 «*Производственная практика (профессиональная)*»);

М. 1.6 «*Проблемы взаимодействия политических акторов*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.6.1 «*Антикризисное государственное управление*», М. 1.6.2 «*Инновационная политика*», М. 1.6.3 «*Организация взаимодействия государства, малого и среднего бизнеса в современной России*» (дисциплина по выбору), М. 1.6.3 «*Организация взаимодействия государства и гражданского общества в современной России*» (дисциплина по выбору) и практика М. 2.6.4 «*Производственная практика (научно-исследовательская работа)*»);

М. 1.7 «*Медиация и урегулирование политических конфликтов*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.7.1 «*Политический конфликт и способы его урегулирования*», М. 1.7.2 «*Мониторинг и анализ политических конфликтов*», М. 1.7.3 «*Игровые технологии в медиации и урегулировании конфликтов*» (дисциплина по выбору) и М. 1.7.3 «*Миротворческая деятельность*» (дисциплина по выбору));

М. 1.7 «*Политическое управление современным городом*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.7.1 «*Муниципальная политика*», М. 1.7.2 «*Избирательный процесс на локальном уровне*», М. 1.7.3 «*Проектирование программы развития городской среды*» (дисциплина по выбору) и М. 1.7.3 «*Введение в должность сити-менеджера (мэра)*» (дисциплина по выбору));

М. 1.7 «*Политическое управление природными ресурсами и экологической безопасностью*» (в модуль вошли дисциплины М. 1.7.1 «*Экологическая политика современного государства*», М. 1.7.2 «*Политика и природоохранная деятельность*», М. 1.7.3 «*Политическое управление экологическими рисками*» (дисциплина по выбору) и М. 1.7.3 «*Организация взаимодействия государства и экологических движений*» (дисциплина по выбору)).

Обратим внимание, что каждый модуль в части, формируемой образовательной организацией, сфокусирован на одну конкретную профессиональную дисциплину из списка выше. Таким образом предполагается что освоение каждого модуля является самостоятельным шагом по освоению обучающимся квалификационных характеристик по отдельным профессиональным стандартам. В то же время модули взаимосвязаны и все вместе определяют системные характеристики основной профессиональной образовательной программы.

В настоящее время значительная часть разработок в рамках ПООП успешно используется при реализации указанной магистерской программы. Кроме того, приобретенный опыт работы способствовал в дальнейшем полному пересмотру содержания учебного плана уровня бакалавриата (направление подготовки: «41.03.04 — Политология») в 2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Примерная основная образовательная программа [проект]...» в разделе Учебно-методическая лаборатория [кафедры политологии]. URL: <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/fukultets/soc/srtuct/polit/1555410687/> (дата обращения: 12.04.2019).

2. Приказ Минобрнауки России от 13 июля 2017 г. № 654 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 41.04.04 Политология». URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/410404_M_3_10082017.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

3. Главная страница — Программно-аппаратный комплекс «Профессиональные стандарты». URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/> (дата обращения: 12.04.2019).

4. Приказ Минтруда России № 148н от 12 апреля 2013 г. «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов». URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/48> (дата обращения: 12.04.2019).

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ» НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. В статье показывается, что содержание понятия «образовательная технология» включает в себя диагностически поставленные цели, объекты технологии (контактная работа, виды самостоятельной работы, требования к оформлению результатов) и функции (предсказуемость, прогнозирование, системность).

Ключевые слова: образовательная технология, методы обучения, политологическое образование, операциональное определение, качество образования.

О качестве образования нельзя говорить в отрыве от целей и способов их достижения. При этом одно с другим должно быть связано так называемыми операциональными определениями. Перефразируя слова бизнес-теоретика менеджмента качества Эдвардса Деминга, скажем, что операциональные определения позволяют перевести любые качественные определения в плоскость конкретных действий, методов, критериев, понятных как для преподавателя, так и для обучающегося и имеющих один и тот же смысл вчера и сегодня [1, 250].

Что такое хорошо проведенный семинар или деловая игра? На данный вопрос невозможно ответить без обращения к конкретным действиям, обязательство следовать которым на занятии берут на себя как обучающиеся, так и преподаватели.

Целенаправленное введение операциональных понятий в образовательный процесс возможно с помощью образовательных технологий.

Понятие и составляющие образовательной технологии

При сравнении различных определений образовательной технологии обращает на себя внимание три постоянно упоминаемых компонента:

- 1) гарантированность достижения целей обучения [2, 19];
- 2) системность и целостность образовательного процесса;
- 3) прогнозный и планируемый характер образования.

Путем объединения получим следующее определение: образовательная технология — это предсказуемая для обучающихся и преподавателей система контактной работы, видов заданий самостоя-

тельной работы и требований к оформлению результатов, направленная на прогнозирование процесса обучения и достижение целей обучения.

1. Цели обучения должны быть внедрены в образовательный процесс с помощью принципа диагностической целенаправленности: «Цель в педагогической системе должна быть поставлена диагностично, т. е. настолько точно и определенно, чтобы можно было однозначно сделать заключение о степени ее реализации и построить вполне определенный дидактический процесс, гарантирующий ее достижение за заданное время» [3, 30].

Сегодня обычной практикой является постановка целей в виде компетенций, изложенных в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС), а затем построение на основе них матрицы освоения компетенций всей основной образовательной программы (ООП) и выявления знаний, умений и владений по каждой дисциплине.

Однако при переходе на современные ФГОС 3++ такой подход должен быть подкреплен разработкой так называемой *нормативно-функциональной модели профессиональной деятельности специалиста*, где нормативный аспект — это анализ профессиональных стандартов, а функциональный — это «анализ профессиональных задач, которые ... приходится решать [специалисту] при реализации своих функциональных обязанностей» [4, 92]. Во втором случае производится учет требований рынка труда и мнения потенциальных работодателей. Но, как отмечают специалисты, поступая таким образом, «надо учесть, что, устанавливая компетенции, мы тем самым выявляем *сегодняшние* запросы» [5, 173].

Нельзя забывать, что установление целей в условиях современного двухуровневого образования должно происходить с точки зрения среднесрочного планирования в перспективе на 4–6 лет, а значит «высшее образование призвано *работать на будущее*, т. е. научиться предвидеть возникновение новых компетенций или переакцентирование прежних» [5, 173].

К сожалению, проведение исследований перспективного развития профессий в области политологии еще только ждут своего времени. В прогнозных исследованиях подобного рода могут быть использованы метод построения дорожных карт и сценариев, а также форсайт-метод, который уже успешно используется для анализа профессий будущего [6].

2. Из определения выделим следующие *объекты технологии*, поддающиеся операционализации:

1) контактная работа и ее виды: пассивная, активная, интенсивная и интерактивная;

2) виды самостоятельной работы: добавление критериев и шкалы оценивания к отдельным видам самостоятельной работы позволяет превратить их в задания, а значит, и регламентировать процесс текущей аттестации;

3) требования к оформлению результатов работы: как письменных в виде оформленного текста, презентации и т. д., так и устной — выступление на учебной конференции, сообщение на семинаре и т. д.

Выявленные операциональные определения должны быть зафиксированными в документах, которые единообразно применяются всеми преподавателями кафедры.

Примерный перечень документов в виде Положений, соответствующих объектам технологии, см. в таблице 1.

Таблица 1

Составляющие образовательной технологии в высшей школе

Рабочие программы дисциплин		
Положение по проведению контактной работы	Положение о самостоятельной работе обучающихся	Положение о структуре и оформлении результатов работы обучающихся
Учебный и календарный план	Компетенции образовательной программы	
Нормативно-функциональная модель профессиональной деятельности специалиста		

3. Введение операциональных определений должно обеспечить следующие *функции технологии*:

Предсказуемость

Системность

Прогнозирование

Предсказуемость может быть обеспечена за счет единообразного использования различных видов контактной работы. *Системность* может быть повышена путем согласования видов контактной работы и видов самостоятельной работы друг с другом. Особенно отметим необходимость внедрения в образовательной организации,

реализующей ООП, процесса прогнозирования *всего* образовательного процесса. Например, имеются следующие частные рекомендации: «Решение о включении [деловой] игры в учебный план принимается на этапе разработки общего графика обучения по специальности. <...> Педагогическая практика ведущих вузов России показывает, что целесообразно в вузе планировать и проводить в каждом семестре 1–2 игры и не менее 2–3 игровых занятий типа имитационных упражнений, анализа конкретных ситуаций, разыгрывания профессиональных ролей» [4, 204].

Пример создания образовательной технологии

Хотелось бы обратить внимание, что комбинирование объектов технологии друг с другом для достижения цели и выполнения указанных функций само по себе является проблемой. Приведем пример с «Разделом I. Начала политической философии» дисциплины «Политическая философия»¹, которая изучается во втором и третьем семестрах и заканчивается экзаменом (без рубежного контроля после второго семестра). Обобщенная структура раздела приводится в таблице 2.

Таблица 2

Обобщенная структура раздела

Тема	Лекционные занятия	Практические занятия	Результат самостоятельной работы
Раздел I			
1	Вводная лекция	Семинар	Устное сообщение
2	Проблемная лекция	Семинар	Устное сообщение
3	Проблемная лекция	Семинар	Устное сообщение
4	Мастер-класс	Дискуссия	Эссе
Раздел II			
5–8.
9.	Нет или заключительная лекция ²	Коллоквиум	Подготовка заданий к коллоквиуму и работа с эссе ² .

С учетом времени, отводимого на контактную работу (16 часов лекционных занятий и 18 практических занятий), было решено раз-

¹ Невзоров М. В. Рабочая программа дисциплины ... «Политическая философия». СПб., 2018. URL: https://herzen-documents.acrodis.ru/programs_show-program.html?pid=6261&yr=2018&lvl=1&sgroup=51.

² Заключительная лекция может быть проведена при 18 часах лекционных занятий.

делить семестр на два равных по объему раздела (по 8 лекционных и 8 практических занятия), которые заканчиваются коллоквиумом (еще 2 часа практических занятий). При этом каждый раздел состоит из четырех тем по 2 часа лекционных и практических занятий, а также времени, отводимого на самостоятельную работу.

Требования образовательной технологии вносят первые ограничительные рамки. Два раздела, одинаковых по объему часов, могут быть представлены одинаковыми формами контактной и самостоятельной работы — все вместе это обеспечивает требование *предсказуемости* работы. Коллоквиум, который логично завершает работу в семестре (и учитывает отсутствие рубежного контроля в виде зачета или экзамена, таким образом заменяя их), направлен на актуализацию опыта, полученного в ходе самостоятельной работы, и направлен на достижение *целей обучения*.

Следующие ограничивающие рамки, уже с содержательной стороны, вносит процесс целеполагания. В соответствии с учебным планом предполагается освоение трех компетенций согласно ФГОС 3++: ОК-1, ОПК-1, ПК-2. Для наглядности изложения расшифруем первые две компетенции, так как именно они являются основными для первого (вводного) раздела дисциплины:

ОК-1 — способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции;

ОПК-1 — владение базовыми и специальными знаниями и навыками теоретического и прикладного характера в области политических наук.

Очевидным представляется в начале дать базовые знания и навыки теоретического характера (ОПК-1), а затем использовать эти основы для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1), что в свою очередь понимается как умение ориентироваться в противоречащих друг другу точках зрения на основные политико-философские проблемы.

В соответствии с этим подбираются формы обучения: вводная лекция, проблемные лекции и семинары — каждый по-своему раскрывает базовые знания и навыки теоретического характера (ОПК-1).

В ходе самостоятельной работы при подготовке к семинару обучающиеся работают с хрестоматийными текстами оригинальных философских произведений. Объем текста соответствует времени самостоятельной работы, которое обучающийся мог бы потратить при сплошном его чтении (из расчета 1000 знаков в мин). Однако

результатом самостоятельной работы является подготовка устного сообщения, которое проверяется непосредственно на семинаре вместе с умением поддерживать беседу и ориентироваться по основным понятиям темы. Противоречие между объемом текста (внимательное чтение которого составляет все время, отведенное на самостоятельную работу) и целью в виде подготовки сообщения создает *проблемную ситуацию* для обучающегося, в ходе которой ему необходимо не столько прочесть свой текст, сколько разметить его по основным понятиям темы, сформулировать тезис и защитить его в виде устного сообщения. Шкала оценивания работы на семинаре учитывает как качество самого выступления, так и способность обучающегося актуализировать менее внимательно проработанную им часть текста (например, путем ведения конспекта или дополнения ответа других обучающихся). Такая постановка работы позволяет эффективно сформировать знания и навыки для последующего закрепления (коллоквиум) и проверки (экзамен).

Раздел завершается четвертой, обобщающей темой, которая сводит противоположные взгляды на политическую философию (ОК-1) с помощью мастер-класса и дискуссии. Мастер-класс как форма лекционного занятия позволяет преподавателю показать разнообразие и взаимосвязь различных политических концепций, вовлечь студентов в работу и на своем примере показать образец философского анализа. Дискуссия в свою очередь основывается на учебно-методическом материале с основными вопросами, процедурой ее проведения и отрывков из хрестоматийного материала. За 15–20 мин до окончания занятия обучающиеся должны обобщить материал и представить его в виде тезисов, которые затем ложатся в основу эссе.

Дискуссия для обучающихся является элементом профессиональной деятельности, которая сама по себе не может быть оценена без этапа рефлексии или деятельности по осмыслению полученного опыта. Этим этапом рефлексии становится эссе, в ходе которого обучающиеся подводят итог своей работы на дискуссии и актуализируют полученные знания по всему разделу, таким образом предполагается, что должно происходить формирование мировоззренческой позиции.

После двух циклов (разделов) проводится коллоквиум, на котором должны проверяться не знания, а уровень закрепления полученного в ходе семестра опыта по соответствующим компетенциям.

К моменту проведения коллоквиума обучающиеся должны сдать эссе, вокруг которых и происходит основная работа на занятии. Таким образом, полученный обучающимися опыт заново воспроизводится и закрепляется. И хотя по результатам коллоквиума ставится оценка, тем не менее, и обучающиеся и преподаватель должны, прежде всего, актуализировать недостатки и пробелы подготовки, а также выработать пути их исправления и заполнения.

Выводы

1. Целеполагание, как неотъемлемая часть образовательной технологии, должно начинаться с формулирования *нормативно-функциональной модели профессиональной деятельности специалиста*. Построение модели может быть выполнено с помощью форсайт-метода, дорожной карты и/или сценарного метода с привлечением в роли экспертов преподавателей кафедры, обучающихся (например, в рамках учебной практики), а также сторонних специалистов и представителей работодателей.

2. Преподаватели должны проработать и договориться об операциональных определениях целого ряда различных по своим педагогическим целям видам контактной и самостоятельной работы, требованиям к результатам работы. Представленные в данной статье вводная лекция, проблемная лекция, мастер-класс, семинар, дискуссия, коллоквиум, подготовка устного сообщения к семинару, эссе — это только базовый и минимальный набор форм обучения.

3. Представляется, что для технологизации процесса обучения на уровне ООП должен быть подготовлен следующий минимальный набор положений, регламентирующих процесс обучения и преподавания: 1) положение по проведению контактной работы; 2) положение о самостоятельной работе обучающихся, регламентирующей виды самостоятельной работы (в том числе в виде заданий, обеспечивающих проведение текущей аттестации), 3) положение о структуре и оформлении результатов работы обучающихся. Внедрение положений в процесс подготовки и реализации ООП должно быть направлено на обеспечение функций *предсказуемости, прогнозирования и системности*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деминг Э. Выход из кризиса: новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 370 с.

2. Современные образовательные технологии: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. Л. Л. Рыбцовой. М. : Юрайт ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 92 с. (Университеты России).

3. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с.

4. Образцов П. И. Основы профессиональной дидактики: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2019. 230 с. (Образовательный процесс).

5. Блинов В. И., Виненко В. Г., Сергеев И. С. Методика преподавания в высшей школе: учебно-практ. пособие. М. : Юрайт, 2019. 315 с. (Образовательный процесс).

6. Атлас новых профессий / Агентство стратегических инициатив; Сколково. Московская школа управления. Первая редакция. М., 2014. 168 с. URL: <https://asi.ru/upload/iblock/5e5/Atlas.pdf> (дата обращения: 09.07.2019).

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Barakat Qais A. M. The problem of political governance in the State of Palestine

Abstract. The article examines the problem of political structure and governance in the State of Palestine. The author considers the causes that contributed to the manifestation of internal contradictions in Palestine.

Keywords: the State of Palestine, the Palestine Liberation Organization (PLO), the Palestinian National Council (PNC), the Palestinian National Liberation Movement (Fatah), Hamas.

Buzdykhanova S. Yu. Efficiency of the governor's power (on the example of the Belgorod region)

Abstract. The article analyzes the reasons behind the efficiency of E. S. Savchenko as a governor of the Belgorod region. On the base of pilot survey the author concludes that the electoral support of the governor of the Belgorod region is determined by his belonging to the "United Russia" political party, as well as by efficiency of his governorship.

Keywords: governor, the Belgorod region, E. S. Savchenko, efficiency, "United Russia" political party.

Egorov N. A. Political influence of IT-corporations in the USA: factors of the rise of financial expenditures on lobbying in 2018

Abstract. Lobbying in the USA is one of the most disputable and controversial phenomena of political process. The article considers the causes for the rise of financial expenditures on lobbying from the IT-corporations. The statistics of lobbying reports and media content are analyzed.

Keywords: lobbying, IT-corporations, pressure groups.

Frolova Yu. N. The contemporary stage in evolution of Basque separatism in Spain

Abstract. The author focuses on the main factors of the problem, such as the dissolution of ETA organization, the evolution of public opinion on the issue of self-determination, the policy of the autonomous community government.

Keywords: separatism, the Basque Country, ETA, autonomy, self-determination.

Fyodorov A. S. The priorities of Russia's national security in the official documents of strategic planning

Abstract. The article considers the priorities of implementation of the state policy in the field of Russia's national security. The author concludes that according to the official documents, the context of the implementation of national security policy is presented as a situation of economic competition, political and military confrontation and, at the same time, it is marked with constructive potential for international cooperation; ensuring national security is understood by the state through comprehensive economic development.

Keywords: the priorities of Russia's national security, Russia's national security, Russia's national security strategy.

Gainutdinov R. I., Gainutdinova L. A. The concept of separation of powers of Ch. L. Montesquieu as a framework of the liberal theory of a state

Abstract. The article contains an analysis of the concept of separation of powers that was developed in the 18th century by the French enlightener Ch. L. Montesquieu as well as its influence on the development of liberal democratic foundations of a modern state. The practical implementation of the theory had not only allowed the bourgeoisie as a social class to acquire political capital, but also propelled the expansion of political space by means of inclusion of broad strata of population into the political process.

Keywords: Montesquieu, the Age of Enlightenment, the concept of separation of powers, power of the state, liberal theory, political process, political inclusion.

Gainutdinova L. A. Political Science education in contemporary Russia on the example of the Department of Political Science at Herzen University (to the 20th anniversary of the Department)

Abstract. Political Science education as a separate field of knowledge exists in Russia for over 30 years. The article analyses the process of realization and implementation of Political Science into Russian higher education system on the example of 20 years of activity of the Department of Political Science at Herzen University.

Keywords: Political Science, politology, institutionalization of Political Science, education in Political Science.

Gainutdinova L. A., Nevzorov M. V., Russkikh M. S. The development of the project of model basic educational program 41.04.04 “Political Science” (Master’s degree course), “State policy and management” program

Abstract. The article considers the experience of the development of the project of model basic educational program 41.04.04 “Political Science” (Master’s degree course), “State policy and management” program in accordance with FSES HE 3++ regulations by the Department of Political Science at Herzen University.

Keywords: higher education, FSES HE 3++, model basic educational program, Political Science, state policy and management.

Gribanova G. I. Local democracy in transitional political regimes — problems and perspectives

Abstract. There is no real local self-governance without civil participation as local democracy basis. Enormous democratic potential exists where citizens take direct and continuous action to influence the development of their communities. The article reveals a number of key insights for local civil participation in the countries with transitional political regimes. Several problem areas emerge that present challenges and opportunities for engaging citizens in local democracy and thus call for improvements. They problematize common dilemmas for all those engaged in advancing civil participation in immature democracies.

Keywords: local governance, local democracy, civic participation, political culture, decision-making process.

Ketov A. R. New mechanisms of shaping public opinion: the post-truth politics conflict potential

Abstract. The article considers conflict potential of post-truth phenomenon and its role in the political system. In contemporary Russian Humanities there are two approaches (liberal and conservative) which suggest conflicting methods of overcoming the post-truth negative effects.

Keywords: post-truth, fake, new media.

Kleshchenko L. L. Organized crime in Mexico and El Salvador

Abstract. The article examines the specificity of organized crime in contemporary Mexico and El Salvador, as well as the experience of countering crime in these countries.

Keywords: Latin America, organized crime, drug trafficking, corruption, Mexico, El Salvador.

Krylova M. A. Political party resources during the election campaign

Abstract. The article studies various interpretation theories considering resources of political parties during the election campaign. The author deals with the most typical variant of assessment of resource potential of a political party during the election campaign in detail. Each of the resources had been characterized extensively. The author concludes that resource potential makes an impact on the process of election campaign.

Keywords: election campaign, political party, resources.

Morayta I. A. Argentine sovereignty over the Malvinas Islands: a history of long-standing international conflict

Abstract. The dispute over the sovereignty of the Malvinas has not been solved for more than 180 years. From the second half of the 20th century, Argentina unsuccessfully tries, within the framework of international law, to establish negotiations with the United Kingdom to find a definitive solution. The article considers the history of the conflict since its inception, the achievements of the Argentine government in the United Nations and the outstanding features of foreign policy in recent years are presented.

Keywords: the Malvinas, dispute over the sovereignty, foreign policy, Argentina, the United Kingdom.

Nevzorov M. V. Operationalizing the “Educational technology” concept on the example of teaching Political Science

Abstract. The article shows that “educational technology” concept includes goals, objects of technology (types of classroom interaction, outclass study, requirements for the design of results) and functions (predictability, forecasting, systematicity).

Keywords: educational technology, teaching methods, Political Science education, operational definition, quality of education.

Pashkin V. S. Contemporary information support of state policy in Russia (on the example of political TV-shows)

Abstract. Every state that is interested in successful conduct of its own domestic and foreign policy should pay special attention to information support. Only the provision of competent information policy will allow the state authorities to carry out necessary changes without any problems and shocks and to form the necessary installations in society. The author considers political TV-shows as an element of information support for state policy.

Keywords: information, politics, TV-shows, media.

Pashkovskiy Ye. A. Electoral geography of the presidential elections of Ukraine 2019: the results of the 1st round

Abstract. The article discusses the results of the first round of the presidential elections in Ukraine in 2019. The current president of Ukraine Poroshenko received support in the Western regions of the country and lost support from the majority of the population. The opposition candidate Zelenskiy received support from the regions of the East and the Center of the country. Candidates, who took the third and subsequent places, also had their own regional electoral bases. Ukrainian political space demonstrates the presence of regional divisions.

Keywords: electoral geography, elections, Ukraine, president of Ukraine.

Popova O. V. Development of digital management in Russia: dysfunctions of public opinion

Abstract. The article presents the results of the analysis of empirical research data from 2018 and 2019. The study was carried out with the implementation of the RFBR grant No. 18–011–00756 “Research on civic participation in public administration in the context of the formation of a digital government”. The author analyzes the system of factors that determine trust / distrust in the tools of digital public administration. The attitude towards the services of digital government is determined by the relevance and ease of use of the proposed technologies, trust in electronic document management, institutional and political trust.

Keywords: public opinion, political and institutional trust, digital public administration.

Riabova T. B., Pankratova E. V. Cold War cinematic images in the eyes of contemporary Russians: a case of “Dr. Strangelove” (on the base of analysis of focus-groups)

Abstract. The paper examines the contemporary Russians’ reception of the Cold War cinematic images on the case of movie “Dr. Strangelove” (S. Kubrick, 1964). The informants consider the images of Soviet and American personages produced by the films as full of Cold War stereotypes. The authors show informants’ attitudes’ homogeneity and high level of informants’ identifying to the Soviet past.

Keywords: Cold War, movie “Dr. Strangelove”, American cinema, images of the enemy, propaganda, Russian-American relations.

Romanov V. D. An analysis of holidays and memorable dates in memory and leisure researches

Abstract. The article examines the contemporary studies on festive and memorial cultures. Examples of studying ceremonial events are shown from the standpoint of various disciplines, against which the author reveals the relevance of comparative studies.

Keywords: holidays, memorable dates, memory studies, leisure studies, leisure.

Rybalov M. V. The main vectors of the FRG foreign policy in the EU context

Abstract. The article examines the Germany's changing role in the pan-European political course. The author analyses vectors of German influence on the EU foreign policy and the influence of German state and non-state actors on a common European foreign policy.

Keywords: the FRG, the EU, foreign policy, Eastern Europe, the Balkans, Atlanticism, Europeanism.

Sedova A. A. The main factors contributing to the emergence of ethno-political extremism in modern Russia

Abstract. Ethno-political extremism is a certain ethnic group activity to destabilize the current political regime; it poses a threat to Russia as a multiethnic state.

Keywords: extremism, ethno-political process, ethnic tensions.

Sheiman V. V. The historical component of the image of the city in urban identity policy (a case of St. Petersburg)

Abstract. The article describes the historical component of the image of the city and analyzes the urban identity policy on the example of the federal city of St. Petersburg.

Keywords: image of the city, urban identity policy, St. Petersburg.

Skorobogat'ko A. V. Political axiology and its role in global socio-political governance

Abstract. The article deals with the consideration of the role of the ideal factors in the global socio-political process. An attempt is made to analyze Russia's interaction with other international actors, the causes of the global crisis and the ways to overcome it.

Keywords: governance, politics, ideal, values, crisis, system, society, civilization.

Smal' S. V. Social security and social protection features: a comparative analysis of St. Petersburg and the Leningrad region

Abstract. The article analyzes the situation in the sphere of social security and social protection in the federal city of St. Petersburg. The

features of this situation are determined by a set of reasons, among which demographic characteristics (namely, the large population of the elderly) and financial well-being of the region are the main. This fact is confirmed by the comparative analysis of the situation observed in the social sphere of the Leningrad region.

Keywords: social policy, social protection measures, social welfare, the Leningrad region, St. Petersburg.

Stepovenko E. M. Symbolic representation of Russian and Georgian political parties in online space: a case of official political parties' websites

Abstract. The paper examines symbolic Internet-representations of parliamentary political parties in Russia and Georgia. The author conducts a comparative analysis of symbolic representations of parliamentary political parties in Russia and Georgia, translated through official websites. The work reviews audio and visual means of positioning and constructing communication, as well as discursive and semiotic units. The author analyses transition from traditional textual information to symbolic systems (images, icons) and replacing verbal representation with audio-visual means of expression. This research uncovers the meaning of symbolic representations, conducts analysis of symbolic impact on constructing social and political reality.

Keywords: symbolic representation, symbolic politics, symbol, political parties, political discourse, positioning, image, the Internet.

Titov K. S. Transformation of the political functions of USA think tanks

Abstract. The article deals with the transformation of the political functions of think tanks. The author highlights three main waves of think tanks evolution and demonstrates key changed parameters.

Keywords: think tanks, USA, state, influence, politics, society.

Usenko M. Yu., Kurtametova D. Sh. Digitalization of Russian authorities. How do the diplomat's rhetoric and vocabulary change when using social networks: based on the analysis of M. Zakharova's speeches

Abstract. This article is dedicated to the analysis of digitalization tool, when there is a change of vocabulary and rhetoric of diplomatic representatives based on the content analysis of M. Zakharova's texts in social networks.

Keywords: digitalization, social networks, rhetoric, diplomatic vocabulary, M. Zakharova.

Volkova A. V. Network civil activity: digitalization challenges

Abstract. The article analyzes the forms of network activity as “citizen science”. The example of “digital vigilantism” actualizes issues of interaction between the citizens and the government.

Keywords: public policy, digitalization, network public administration, citizen science, e-government, digital vigilantism.

Vulfovich R. M. The perspectives of applying political knowledge to the public servants’ training

Abstract. The article shows the difficulties of the process of combining economic, management and social science competences including Political Science competences in professional training of public servants in bachelor and master programs.

Keywords: competences, economy, policy, training, public servant.

Zyzin P. D., Smal’ S. V. State policy in the field of military (cadet) education: historical and social aspects

Annotation. The article discusses the implementation of state policy in the field of military education on the example of cadet classes. The authors analyze the historical and social aspects of patriotic education in the light of new geopolitical challenges, as well as recent state efforts to institutionalize patriotism. The necessity to stimulate the activities of the state, civil society structures and citizens themselves in the continuous dialogue process of pedagogical communication between generations, taking into account the implementation of a memory policy, which is a prerequisite for maintaining the integrity of the state as a viable and a highly adaptive system, is postulated.

Keywords: military education, cadet classes, social policy, politics of memory, state, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Баракат Кайс А. М. — аспирант кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: qais_barakat@inbox. ru.

Буздыханова Светлана Юрьевна — студентка 3 курса кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: svetlana. buz2015@yandex. ru.

Волкова Анна Владимировна — доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политического управления факультета политологии СПбГУ, адрес электронной почты: a. volkova@spbu. ru.

Вульфович Ревекка Михайловна — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, адрес электронной почты: prof_vulf@bk. ru.

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики факультета философии, богословия и религиоведения РХГА, адрес электронной почты: rig11@bk. ru.

Гайнутдинова Людмила Александровна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: lgaynutdinova@list. ru.

Грибанова Галина Исааковна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой международных политических процессов факультета политологии СПбГУ, адрес электронной почты: ggribanova@yandex. ru.

Егоров Никита Алексеевич — студент 4 курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, адрес электронной почты: naegorov@edu. hse. ru.

¹ Указаны на момент проведения конференции (11–13 апреля 2019 г.).

Зыгин Павел Дмитриевич — магистр конфликтологии, преподаватель-организатор основ безопасности жизнедеятельности (допризывной подготовки) МАОУ «СОШ № 4» (Челябинская область, г. Сатка), адрес электронной почты: pavel.zygin.82@mail.ru.

Кетов Александр Рюрикович — кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии факультета конфликтологии СПбГУП, адрес электронной почты: ketov84@mail.ru.

Клещенко Людмила Леонидовна — кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: ludmila.porova2011@yandex.ru.

Крылова Маргарита Александровна — аспирантка кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: m.a.krylova@bk.ru.

Куртаметова Диана Шамильевна — студентка 4 курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, адрес электронной почты: kurtametova.diana@mail.ru.

Морайта Исабель Антониета — магистр истории (UNSAM, Аргентина), социолог (UBA), магистрантка 2 курса факультета социологии СПбГУ, адрес электронной почты: isabelamorayta@yahoo.com.

Невзоров Максим Вадимович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: mnevzorov@herzen.spb.ru.

Панкратова Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, СПбГУ, доцент кафедры социологии и управления персоналом ИВГУ, адрес электронной почты: e_v_pankratova@mail.ru.

Пашкин Вячеслав Сергеевич — студент 4 курса кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: vyacheslav.pashkin.97@mail.ru.

Пашковский Евгений Александрович — магистр политологии, старший преподаватель кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: eap988@gmail.com.

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и приклад-

ных политических исследований факультета политологии СПбГУ, адрес электронной почты: o. pirova@spbu. ru.

Романов Виталий Дмитриевич — магистрант 1 курса и младший научный сотрудник кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: v. romanov9@mail. ru.

Русских Михаил Сергеевич — магистр политологии, старший преподаватель кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: mrusских@herzen. spb. ru

Рыбалов Матвей Вадимович — аспирант кафедры международных политических процессов факультета политологии СПбГУ, адрес электронной почты: caligobox@gmail. com.

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник СПбГУ, профессор кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: riabova2001@inbox. ru.

Седова Анастасия Александровна — магистр конфликтологии, адрес электронной почты: s-nastua@rambler. ru.

Скоробогатько Александр Владимирович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: skorobogatkoav@mail. ru.

Смаль Светлана Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: ssmal@yandex. ru.

Степовенко Елизавета Михайловна — аспирантка кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ, адрес электронной почты: elizaveta.stepovenko@mail. ru.

Титов Кирилл Сергеевич — студент 4 курса кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: rimsky. ks@gmail. com.

Травкина Екатерина Валерьевна — студентка 4 курса кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: katrina. sirin@mail. ru.

Усенко Марина Юрьевна — студентка 4 курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Фёдоров Александр Сергеевич — студент 4 курса кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: sashun1997@yandex. ru.

Фролова Юлия Николаевна — кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: frolovayuliya@yahoo. com.

Шейман Владимир Владимирович — студент 4 курса кафедры политологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, адрес электронной почты: schoenmann@mail. ru.

Научное издание

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2019:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

**Сборник материалов
научно-практической конференции
(11–13 апреля 2019 г.)**

Корректурa *И. Л. Климович*

Верстка *М. Г. Столяровой*

Подписано в печать 28.03.2020. Формат 60 × 84¹/₁₆.

10,25 печ. л. Тираж 35 экз.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ № 118к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48